

СТЕНОГРАММА

ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА

Обвинительное заключение
Зиновьева, Каменева и др.

Август 1936 г.

Заседание 1^е

19 ию Утрен.

Общественное

Законные см - 1-8

иные

Мраколовное см - 9-58

Евдокимов см 59-81

обвинительные

заключения

ст. 1-8

19 VIII

Ген. Засед.

СТЕНОГРАМА

УТРЕННЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОВЕТА ССР

19 Августа 1936 года.

Комендант суда об"являет: Верховный суд идет, прошу
встать.

УЛЫБИХ - (Председательствующий) - Заседание Военной Кол-
легии Верховного суда Союза ССР об"являю открытым. Слушается
судебное дело Зиновьева, Каменева, Бакаева, Ефдокимова и других
по обвинению по ст.ст. 58-8 УК. Подсудимые все ^{и свидетели} ~~налицо~~ ?

СЕКРЕТАРЬ - Подсудимые налицо, свидетели в свидетельской
комнате.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Каменев, обвинительное заклю-
чение получили ?

КАМЕНЕВ - Да, получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Зиновьев Григорий Евсеевич,
обвинительное заключение получили ?

ЗИНОВЬЕВ - Да, получил. После получения я дал следствию
ряд дополнительных показаний, которые прошу передать суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Ваше заявление получено. Подсудимый Ефдоки-
мов Григорий Еремеевич, обвинительное заключение получили ?

ЕФДОКИМОВ - Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Бакаев Иван Петрович, обвини-
тельное заключение получили ?

БАКАЕВ - Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Мрачковский Сергей Витальевич, обвинительное заключение получили ?

МРАЧКОВСКИЙ — Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович, обвинительное заключение получили ?

ТЕР-ВАГАНЯН — Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый СМЕРНОВ Иван Никитович, обвинительное заключение получили ?

СМЕРНОВ — Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Дрейцер Ефим Александрович, обвинительное заключение получили ?

ДРЕЙЦЕР — Да, получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Рейнгольд Исаак Исаевич, обвинительное заключение получили ?

РЕЙНГОЛЬД — Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый ГОЛЬЦМАН Эдуард Соломонович, обвинительное заключение получили ?

ГОЛЬЦМАН — Да, получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Фриц ДАВИД — КРУГЛЯНСКИЙ. Ваша настоящая фамилия Круглянский ?

ФРИЦ-ДАВИД — Да, моя фамилия Круглянский.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Обвинительное заключение получили ?

КРУГЛЯНСКИЙ — Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Ольберг Валентин Павлович, обвинительное заключение получили ?

ОЛЬБЕРГ — Да, получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый Берман-Юрин Конон Борисович, он же Александр Сомиш, обвинительное заключение получили ?

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ~~

БЕРМАН-ЮРИИ - Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Лурье Моисей Ильич, имели ли вы ЭМЕЛЬ Александр, обвинительное заключение получили ?

ЛУРЬЕ М. - получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Лурье Натан Лазарович, обвинительное заключение получили ?

ЛУРЬЕ Н. - Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Объявляю состав суда: Председатель - армвоенюрист Ульрих В.В., члены суда - корвоенюрист Матулевич И.О., диввоенюрист Никитченко И.Т. и запасный судья Голяков И.Т. Обвинение поддерживается Прокурором Союза ССР Вышинским А.А., секретарь Костяню А.Ф. Отводов нет ? Ввиду того, что подсудимые отказались от защитников и взяли на себя защиту, разъясняю, что они имеют все права защитников и получают право заключительной речи по ст.ст.55 и 304 УПК. Имеется ходатайство ли у Прокуратуры ?

ВЫШИНСКИЙ - Нет ходатайств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - (к обвиняемым) У вас нет ходатайств о вызове дополнительных свидетелей, приобщения материалов ? (ходатайств заявлено не было).

ВЫШИНСКИЙ - Я не слышал ответа подсудимых на вопрос об отводе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Отводов не было.

КАМЕНЕВ - Имею заявление. Я после получения обвинительного заключения написал на имя суда заявление, прошу на него ответа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Заявление получено.

КАМЕНЕВ - Я ходатайствую об удовлетворении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - В этом заявлении обвиняемый Каменев ходатайствует о том, чтобы свидетель Иковлев был допрошен после его. С моей стороны возражений нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Суд удовлетворяет ходатайство подсудимого. Больше ходатайств нет? (ходатайств нет). Свидетелей я вызову в том момент, когда придется их допрашивать. Тов. секретарь огласите обвинительное заключение.

Секретарь оглашает обвинительное заключение. x)

353

КЗ. №

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

ИНОВЬЕВА Г. Е., КАМЕНЕВА Л. Б., ЕВДОКИМОВА Г. Е., СМИР-
ОВА И. Н., БАКАЕВА И. П., ТЕР-ВАГАНЯНА В. А., МРАЧКОВСКОГО С. В.,
РЕЙЦЕРА Е. А., ГОЛЬЦМАНА Э. С., РЕЙНГОЛЬДА И. И., ПИКЕЛЯ Р. В.,
ЛБЕРГА В. П., БЕРМАНА-ЮРИНА К. Б., ФРИЦА ДАВИДА (КРУГЛЯН-
КОГО И. И.), М. ЛУРЬЕ и Н. ЛУРЬЕ, обвиняемых в преступ-
лениях, предусмотренных ст.ст. 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР

МОСКВА—1936

Экз. № 251.
Уничтожен.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Смирнова И. Н., Бакаева И. П., Тер-Ваганяна В. А., Мрачковского С. В., Дрейцера А. Е., Гольцмана Э. С., Рейнгольда И. И., Микеля Р. В., Ольберга В. П., Бермана-Юрина К. Б., Фрица Авиды (Круглянского И. И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—8, 19—58—8 и 58—11 УК РСФСР.

15—16 января 1935 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в гор. Ленинграде было рассмотрено дело о подпольной контрреволюционной группе зиновьевцев, имевшей себя «Московским центром», главными руководителями которой наряду с другими, осужденными по этому делу, были Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е. и Бакаев И. П.

Предварительным и судебным следствием по этому делу было установлено, что так называемый «Московский центр» в течение ряда лет руководил контрреволюционной деятельностью различных подпольных групп зиновьевцев и в том числе контрреволюционной деятельностью ленинградской группы Николаева-Котолынова, злодейски бившей 1-го декабря 1934 года тов. С. М. Кирова.

Судом установлено, что так называемый «Московский центр», являясь идейным и политическим руководителем ленинградской группы зиновьевцев, знал о террористических настроениях этой группы и всемерно эти настроения разжигал.

Это должны были признать и отрицавшие какое-бы то ни было свое участие в убийстве тов. С. М. Кирова, обвиняемые Зиновьев и Каменев, лицемерно заявившие на суде, что за убийство тов. Кирова они несут лишь моральную и политическую ответственность.

Как теперь выяснилось, полтора года тому назад при расследовании дела об убийстве тов. С. М. Кирова в руках следственных и судебных органов не было всех данных, вскрывающих действительную роль в белогвардейской террористической подпольной деятельности зиновьевцев руководителей так называемого «Московского центра», с одной стороны, и руководителей троцкистского подполья, с другой.

На основании вновь открывшихся обстоятельств, выясненных следственными органами в 1936 году в связи с раскрытием ряда террористических групп троцкистов и зиновьевцев, следствием установлено, что осужденные по делу «Московского центра» Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев в действительности не только знали о

террористических настроениях своих приверженцев в Ленинграде, и были прямыми организаторами убийства тов. **С. М. Кирова**.

Следствием также установлено, что **Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев** и ряд других обвиняемых по настоящему делу, о которых будет сказано ниже, были инициаторами и организаторами готовившихся покушений на жизнь и других руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Следствием равным образом установлено, что свою преступную террористическую практику зиновьевцы проводили в прямом блоке с троцкистами и находящимся за границей **Л. Троцким**.

Эти вновь открывшиеся обстоятельства с несомненностью устоянно навливают:

1) что в конце 1932 года произошло объединение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших объединенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу **Зиновьев, Каменев, Евдокимова, Бакаева** (от зиновьевцев) и **Смирнова И. И., Тер-Ваганяна и Мрачковского** (от троцкистов);

2) что основным условием объединения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства;

3) что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям **Л. Троцкого**, полученным объединенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП(б) и советского правительства, главным образом, на организации террора в отношении виднейших руководителей;

4) что в этих целях объединенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству т.т. **Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева** и др.

5) что одной из этих террористических групп, в составе **Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котольнова** и других осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 28—29 декабря 1934 года, было осуществлено 1-го декабря 1934 года по прямому указанию **Зиновьева и Л. Троцкого** и под непосредственным руководством объединенного центра, злодейское убийство тов. **С. М. Кирова**.

І. ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР.

Показаниями **Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева** и ряда других обвиняемых по настоящему делу с несомненностью установлено, что единственным мотивом организации троцкистско-зиновьевского блока явилось стремление во что бы то ни стало захватить власть и что единственным и решающим средством для этого была избрана организация террористических актов против виднейших руководителей партии и правительства.

Лишенные всякой опоры в рабочем классе и трудящихся народных массах СССР, растерявшие весь свой идейный багаж, не имеющие в руках никакой политической программы, проникнутые злобой и ненавистью к социалистическим победам нашей родины, вожди троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока — **Троцкий, Зиновьев и Каменев** окончательно скатились в болото белогвардейщины, сомкнулись и слились с самыми отвращенными врагами советского государства.

ской власти, превратились в организующую силу последней разгромленных в СССР эксплуататорских классов. В отчаянии и ненависти они прибегли к подлейшему средству борьбы с советским правительством и руководителями ВКП(б) — к политическим убийствам.

Сначала перед лицом первых успехов социализма в СССР они не теряли надежды на возникновение трудностей, с которыми, по их расчетам, советская власть не сможет справиться. Но видя затем, что эти трудности с успехом преодолеваются, и наша страна выходит из трудностей победительницей, они откровенно поставили ставку на осложнение международных отношений, на войну и поражение советской власти.

Не видя для себя благоприятных перспектив, они берутся за оружие, организуют подпольные террористические группы и пускают в ход наиболее гнусное средство борьбы — террор.

Сейчас троцкистско-зиновьевские заговорщики свою борьбу против ВКП(б) и советской власти мотивируют уже не, якобы, неправильной политикой партии и советского правительства, не тем, что, якобы, ВКП(б) и советская власть ведут страну к гибели, как лживо и клеветнически они утверждали раньше. Главным мотивом применения террора теперь они считают успехи строительства социализма в СССР, успехи в деле культурного и экономического подъема страны, каковые успехи, демонстрируя идейное и политическое банкротство троцкистов-зиновьевцев, еще более озлобляют их против советской власти и усиливают у них стремление отомстить советской власти за свой политический провал путем применения террора.

Несмотря на упорное заперательство, обвиняемый **Зиновьев** должен был под тяжестью предъявленных ему следственными органами фактов признать, что:

«... Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б) и, в первую очередь, убийство **Сталина и Кирова**».

(т. XII, л. д. 16).

Другой участник этого центра, обвиняемый **Рейнгольд**, на допросе от 3-го июля 1936 года показал:

«... Главное, на чем сходились все участники блока, было... признание необходимости консолидации всех сил для овладения партийным руководством. Я должен признать, что основной задачей троцкистско-зиновьевского блока было насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства и, прежде всего, **Сталина**. В конце 1932 года центр принял решение об организации террористической борьбы против руководства ВКП(б) и правительства. Мне известно, что троцкистская часть блока получила директиву от **Л. Д. Троцкого** о переходе на путь террора и подготовки покушений против **Сталина**».

(т. XXVII, л. д. 52).

Об этом же с исчерпывающей полнотой дал показание на допросе 23 июля 1936 года и обвиняемый **Каменев**. Обвиняемый **Каменев** показал:

«... Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к **Сталину**».

10-05.

«... Мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которого мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице **Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна** договаривались в 1932 году об объединении обоих, т. е. зиновьевской и троцкистской к.-р. организации для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь, против **Сталина Кирова**».

«... Главное заключается в том, что и **Зиновьев** и мы, — **Каменев, Евдокимов, Бакаев** и троцкистские руководители, **Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян** в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против **Сталина**. На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об объединении».

(т. XV, л. д. 10, 12, 13).

Обвиняемый **Каменев** далее показал:

«... Ставка же наша на неодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита.

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако, логика контрреволюционной борьбы, голое безыдейное посягательство на власть повели нас в другом направлении. Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии, в первую очередь, к **Сталину**». *С. XV ч. 9. дф*

Это подтвердил и обв. **Евдокимов**, давший 10 августа с. г. подробные показания об организации объединенного центра и его террористических установках. На вопрос следствия о том, на какой основе возник троцкистско-зиновьевский блок, обв. **Евдокимов** показал:

«... **Мрачковский** заявил: «Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководства партии и правительства... Видя, что я согласен с ним, **Мрачковский** уже без всяких опасений, что во мне он не найдет поддержки, продолжал: «Надо убрать **Сталина** и других руководителей партии и правительства. В этом главная задача».

Тут же **Мрачковский** сообщил мне, что троцкисты получили директиву от **Троцкого** о необходимости организации террористических покушений на руководителей партии и правительства, что **Троцкий**, находясь за пределами Союза, правильно определяет задачи борьбы с руководством ВКП(б). Наряду с этим логичной борьбы он сам и другие троцкисты пришли к выводу, что путь террора есть единственно остающийся путь борьбы».

Смирнов развивал те же взгляды как и **Мрачковский**... В заключение **Мрачковский** и **Смирнов** предложили объединить силы троцкистов и зиновьевцев и приступить к созданию законспирированных террористических групп для совершения террористических актов против руководителей партии и правительства.

(т. 36, л. д. 10).

Аналогичные показания дал и член Московского террористического центра **Рейнгольд И. И.**, показавший следующее:

«... С **Каменевым** я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. **Каменев** оценивал положение, примерно, также, как и **Зиновьев**, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. **Каменев** приходил к выводу, что дело все-таки идет не к катастрофе, а к подъему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется. Отсюда **Каменев** делал вывод, что «придется руководство раскалывать».

Каменев неоднократно цитировал **Троцкого** о том, что «все дело в верхушке, и что поэтому надо снять верхушку».

Каменев доказывал необходимость террористической борьбы и, прежде всего, убийства **Сталина**, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

Каменев предлагал готовить боевиков-террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям».

(т. XXVII, л. д. 61).

Он говорил далее:

«... Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского объединенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и скольконибудь цельной и связной политической программы. Единственно, что объединяло весь этот разношерстный блок, — была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

(т. XXVII, л. д. 72—73).

Обвиняемый **Смирнов И. Н.** на допросе от 5 августа 1936 года уже признал, что еще в 1930 году во время пребывания своего в Париже он имел встречу с сыном **Л. Троцкого** — **Седовым**.

Смирнов И. Н. показал:

«... В процессе нашей беседы **Л. Седов**, анализируя положение в Советском Союзе, высказал свое мнение, что в данных условиях только путь насильственного устранения руководящих

лиц в ВКП(б) и советском правительстве может привести к изменению общего положения в стране...».

«... Я признаю, что установка на террор, как на единственную меру, могущую изменить положение в Советском Союзе, мне была известна из разговора с **Седовым** в 1930 году в Берлине, как его личная установка. Я признаю, что эта установка о терроре была подтверждена **Л. Троцким** в 1932 году в его личной директиве, переданной мне через **Ю. Гавена**.

Я признаю, что **Тер-Ваганян**, ведший с моего ведома от имени **У. []** переговоры с леваками и зиновьевцами, в 1932 году заключил с **Каменевым**, **Зиновьевым** и группой **Ломидзе** блок для совместной борьбы с ВКП(б) и советским правительством и что в основу этого блока была положена директива **Л. Троцкого** о терроре против руководителей ВКП(б) советского государства».

(т. XXIX, л. д. 93, 104).

Обв. **Тер-Ваганян В. А.** подтвердил эти показания обв. **Смирнова**, признав свое участие в объединенном центре так же, как и участие в нем обвиняемых **Смирнова И. Н.**, **Мрачковского**, **Зиновьева** и **Каменева**.

Обв. **Тер-Ваганян** признал, что —

«троцкистская организация, возглавлявшаяся **И. Н. Смирновым** в своей контр-революционной деятельности особенно культивировала ненависть и озлобление к руководству ВКП(б)... На этой ненависти и основался блок...».

(т. 38, л. д. 11).

Обв. **Тер-Ваганян** также признал, что еще в 1930 г. —

«от **Троцкого** **Седовым** была получена для **И. Н. Смирнова** и для троцкистского подполья в СССР специальная директива о переходе на самые активные и острые методы борьбы с партией и ее руководством».

(т. 38, л. д. 27).

Подтверждая показания обв. **Мрачковского** по этому вопросу, обв. **Тер-Ваганян** показал:

«**Мрачковский** прав в том, что сам троцкистско-зиновьевский блок был организован действительно на признании необходимости борьбы с руководством партии и правительства методами террора».

(т. 38, л. д. 37).

Таким образом, не оставляет никакого сомнения, что троцкистско-зиновьевский блок превратился в группу беспринципных политических авантюристов — убийц, стремящихся к одному — пробраться к власти, хотя бы путем террора.

Такова единственная и исчерпывающая «программа» этого объединения политических убийц.

О терроре, как единственной основе, на которой произошло в 1932 г. объединение троцкистов и зиновьевцев, на предварительном следствии дал показание и обв. **Пикель Р. В.** На допросе 23 июля **Пикель** показал:

«... По информации, которую нам сделал **Рейнгольд** в начале 1934 года, объединенный всесоюзный контрреволюционный центр троцкистско-зиновьевского блока решил усилиями троцкистов и зиновьевцев нанести ВКП(б) сокрушительный удар путем ряда террористических актов, задачей которых было обезглавить руководство и захватить власть в свои руки.

Всесоюзным центром троцкистско-зиновьевского блока тогда был прямо поставлен вопрос о необходимости «хирургического вмешательства» (подразумевался террор) для того, чтобы решительным образом изменить положение в стране. Для этой цели центр дал директиву приступить к подбору людей, крайне озлобленных против партийного руководства, обладающих огромной силой воли, способных на совершение террористических покушений против вождей ВКП(б)».

(т. XXV, л. д. 65).

В соответствии с линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двурушничество, как особый и основной метод своих отношений с партией и правительством, доведя это двурушничество до чудовищных размеров и превратив его в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские, любая охранка со всеми ее шпионами, провокаторами и диверсантами.

Одной из важнейших задач троцкистско-зиновьевского блока было всячески скрыть, замаскировать свою контрреволюционную деятельность и организацию террористических актов.

По этому поводу обвиняемый **Рейнгольд** показал:

«... В 1933—1934 году **Зиновьев** у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне следующее: «... главная практическая задача построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать...».

«... На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор не совместим со взглядами большевиков-марксистов».

(т. XXVII, л. д. 110, 112).

Аналогичные указания давал и **Л. Троцкий**, рекомендуя в случае совершения террористических актов отмежевываться от них и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в **В. И. Ленина**.

Объединенный центр прибегал к глубокой конспирации и тщательной маскировке своей террористической деятельности также еще и потому, что в его задачи входило обмануть бдительность рабочего класса и трудящихся масс. Объединенный центр, готовя убийство тов. **Сталина** и других руководителей ВКП(б), одновременно старался всеми средствами засвидетельствовать свою лояльность и даже преданность партии и советской власти, свое раскаяние в прежних ошибках и готовность честно служить пролетарской революции. Руководители объединенного центра рассчитывали на то, что, будучи «прощенными» они, совершив убийство тов. **Сталина**, смогут свое «прощение» использовать для прихода к власти. По этому поводу обвиняемый **Рейнгольд** показал:

12-05

«... Считали — я говорю о руководителях троцкистско-зиновьевского центра, — что тот факт, что еще при жизни **Сталина** мы были прощены, нам оказано было доверие; — обеспечит приближение наше к руководству и власти, а вслед за тем после прихода к власти **Зиновьева, Каменева** и их единомышленников, они обеспечат возвращение к руководству и власти **Троцкого**».

(т. XXVII, л. д. 168 об.).

Об этом же на следствии показал и обвиняемый **Каменев**:

«... Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти.

Первый, и казавшийся нам наиболее реальным, вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над **Сталиным** в руководстве партии и правительства произойдет замешательство, и с нами, лидерами зиновьевского блока, первую очередь, с **Зиновьевым, Каменевым** и **Троцким** вступят переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и **Зиновьев** займем в партии и стране главенствующее положение, т. к. при **Сталине** мы своей двурушнической политикой добились всего того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше — меня, **Зиновьева** и **Троцкого** в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над **Сталиным** создается неуверенность и дезорганизация в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Появление **Троцкого** и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось, как само собой разумеющееся».

(т. XV, л. д. 33—34).

На путь террора объединенный троцкистско-зиновьевский центр стал под непосредственным влиянием **Л. Д. Троцкого**, который лично дал членам объединенного центра ряд соответствующих устных и письменных директив.

На допросе 20 июля 1936 г. обвиняемый **Мрачковский С. В.** показал:

«... Линия на террор нами, троцкистами, была взята еще задолго до создания блока с **Зиновьевым, Каменевым**. В 1930 г. когда **И. Н. Смирнов** был в Берлине и связался с **Троцким Л.**, от последнего были получены директивы приступить к организации боевых групп троцкистов».

(т. XVIII, л. д. 40, 41).

Тот же **Мрачковский** показал:

«... По директиве **Л. Троцкого**, полученной в 1930 г. **И. Н. Смирновым**, мы должны были убить **Сталина, Ворошилова, Кагановича**. В первую очередь намечался **Сталин**».

(т. XVIII, л. д. 42).

Об отношении **Троцкого** к созданию объединенного троцкистско-зиновьевского блока и переходу к террористическим методам борьбы обвиняемый **Мрачковский** показал следующее:

«... В середине 1932 года **И. Н. Смирнов** поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами **Зиновьева—Каменева** и **Шацкого—Ломинадзе**... Тогда же было решено запросить по этому делу **Троцкого Л.** и получить от него указания. **Троцкий Л.** ответил согласием на создание блока при условии принятия объединяющимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождя ВКП(б) и, в первую очередь, **Сталина**».

(т. XVIII, л. д. 44, 45).

Эти показания **Мрачковского** полностью подтвердил обвиняемый **Дрейцер**, показавший на допросе:

«... По прямой директиве **Л. Троцкого** наш всесоюзный центр троцкистско-зиновьевского блока должен был подготовить и совершить убийство **Сталина** и **Ворошилова** с целью обезглавить руководство ВКП(б) и Красной армии» (т. X, л. д. 99).

Обвиняемый **Дрейцер** лично в 1934 году получил письменную директиву **Троцкого** через сына **Л. Троцкого — Седова** о подготовке и совершении террористического акта против товарища **Сталина**. Это письмо было написано лично **Троцким**. По показаниям **Дрейцера**, письмо было следующего содержания:

«Дорогой друг. Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

- 1) убрать **Сталина** и **Ворошилова**;
- 2) развернуть работу по организации ячеек в армии;
- 3) в случае войны использовать всякие неудачи и замешательство для захвата руководства».

«Письмо заканчивалось указанием — показал обвиняемый **Дрейцер** — информировать **Троцкого** о ходе работы по выполнению указанных директив. Должен добавить, что эти указания **Троцкого** полностью подтверждали директивы, полученные мною в мае 1934 г. от **Мрачковского**».

(т. X, л. д. 102, 103).

Это письмо было адресовано **Троцким** лично **Дрейцеру**, как одному из наиболее преданных ему людей, выполнявшему одно время обязанности начальника его личной охраны.

Это письмо **Дрейцер** передал **Мрачковскому**, которым, по показаниям **Дрейцера** и самого **Мрачковского**, оно и было впоследствии в конспиративных целях уничтожено.

Помимо указанного выше письма **Троцкий** передал троцкистско-зиновьевскому центру еще ряд устных и письменных директив о терроре. В частности, одну из таких директив он передал при личной встрече обвиняемому **Гольцману**, который являлся связистом между **Троцким** и троцкистско-зиновьевским центром.

Следствием установлено, что после разгрома в связи с убийством **В. Кирова** троцкистско-зиновьевского центра **Л. Троцкий**, взяв лично на себя руководство террористической деятельностью в СССР, стал

усиленно форсировать организацию убийства товарищей **Сталина** и **Ворошилова**. В этих целях он принимает ряд мер по восстановлению террористических групп в СССР и активизации их деятельности, перебрасывая для этого из-за границы в СССР своих проверенных агентов и используя, кроме того, в этих же целях приезжающих из СССР за границу, под видом служебных командировок, членов подпольных троцкистских организаций.

Следствием установлено, что в качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время были переброшены обвиняемые **В. Ольберг**, **Берман-Юрин**, **Фриц Давид (Круглянский)**, **Моисей Лурье**, **Натан Лурье** и некоторые другие, получившие непосредственно от **Л. Д. Троцкого** и его сына **Седова (Л. Л. Троцкого)** задания во что бы то ни стало организовать убийство т.т. **Сталина**, **Ворошилова**, **Кагановича** и других руководителей партии.

Один из троцкистских агентов, — **В. Ольберг**, прибывший в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, будучи арестован и привлечен к следствию показал:

«... Активной троцкистской деятельностью, как я уже показал, я начал заниматься с начала 1930 года. Кроме перечисленных мною лиц, я был лично связан с **Троцким** и его сыном **Львом Седовым**, выполнял ряд персональных поручений **Троцкого** по линии троцкистской организации и являлся его эмиссаром в Германии. Как эмиссар **Троцкого** в Германии, я вел работу как внутри троцкистской организации в Берлине, так и по нелегальной связи с Советским Союзом. Связь с Советским Союзом я осуществлял по адресам и явкам, которые мне давал **Лев Седов**».

(т. XXI, л. д. 24).

В. Ольберг признал, что он нелегально приехал в СССР с целью ведения троцкистской контрреволюционной работы и организации террористического акта над тов. **Сталиным**.

На допросе 21 февраля с. г. **В. Ольберг** показал, что во время одного из свиданий с сыном **Л. Троцкого-Седовым**, последний показал ему письмо **Троцкого**, в котором **Троцкий** предложил командировать **Ольберга** с группой немецких троцкистов в Советский Союз для подготовки и организации убийства **Сталина**.

«... В этом письме — показал далее **В. Ольберг — Троцкий** писал **Седову**, что он полностью согласен с выдвинутой им моей кандидатурой на поездку в Советский Союз. **Троцкий** писал, что он считает меня абсолютно подходящим человеком, на которого можно вполне положиться в таком остром деле».

К этому **Ольберг** прибавил:

«**Седов** мне заявил, что я обязан любыми путями скрыть роль **Троцкого** в организации террористического акта над **Сталиным** и, что даже, если я буду арестован при обстановке, где моя роль как террориста будет совершенно очевидна, я должен скрыть, что я троцкист и выполняю террористический акт по заданию **Троцкого**».

(т. XXI, л. д. 77, 78).

Как установлено следствием, **В. Ольберг** прибыл в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, полученному при помощи немецкой тайной полиции (ГЕСТАПО).

По этому поводу на допросе **В. Ольберга** в Прокуратуре Союза последний показал:

«... **Седов** обещал помочь достать паспорт, чтобы вновь вернуться в СССР. Но мне удалось достать паспорт через своего младшего брата **Пауля Ольберга**. Благодаря своим связям с германской полицией и ее агентом в Праге **Тукалевским В.** я получил паспорт гражданина республики Гондурас за взятку. Деньги за паспорт — 13.000 чехословацких крон я получил от **Седова**, вернее от троцкистской организации по поручению **Седова**».

(т. XXI, л. д. 262).

Будучи передопрошен по поводу своей связи с ГЕСТАПО **В. Ольберг** 31 июля с. г. показал:

«Подтверждая также показания от 9 мая с. г., подчеркиваю, что моя связь с ГЕСТАПО вовсе не была исключением, чтобы об этой связи можно было говорить, как о каком-то грехопадении отдельного троцкиста. Эта была линия троцкистов в соответствии с директивой **Л. Троцкого**, данной через **Седова**. Связь шла по линии организации в СССР террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства».

«... Я несколько раз встречался с видным чиновником ГЕСТАПО, фамилия которого мне названа не была, а я не считал удобным этим интересоваться. С этим чиновником я беседовал о своем первом путешествии в Москву и о своих планах по подготовке теракта. Этот чиновник знал о моем брате, как об агенте ГЕСТАПО, к которому он и рекомендовал в случае необходимости обращаться за содействием».

(т. XXI, л. д. 263—об, 264).

Это показание **В. Ольберга** полностью подтвердил и арестованный по другому делу его брат **Пауль Ольберг**, также являющийся агентом германской тайной полиции. Именно он, **Пауль Ольберг**, связал своего брата **В. Ольберга**, как они оба об этом показывают, с ГЕСТАПО и оказал **В. Ольбергу** содействие в получении из ГЕСТАПО паспорта гражданина республики Гондурас, каковой паспорт и приобщен к настоящему делу в качестве вещественного доказательства. **Пауль Ольберг** также подтвердил, что поездка в СССР **В. Ольберга** была организована с террористическими целями.

«... **Валентин Ольберг** мне сообщил — заявил **Пауль Ольберг** на допросе 16-го мая с. г., что сотрудником германской тайной полиции ему было заявлено, что, всем лицам, участвующим в подготовке и совершения террористического акта будет предоставлено убежище в Германии».

(т. XXIV, л. д. 231).

Другой троцкистский агент, переброшенный в СССР с террористическими заданиями, — **Берман-Юрин** показал:

«... Моя личная роль заключалась в том, что я прибыл в СССР, как особо доверенное лицо **Льва Давыдовича Троцкого** со специальными заданиями и директивами от него».

(т. IV, л. д. 30).

Как установлено следствием, эти «специальные задания и директивы» заключались в организации убийства тов. **Сталина**. Это признал обвиняемый **Берман-Юрин**, показавший, что встретившись в Копенгагене с **Л. Троцким**, он получил от **Троцкого** указание о необходимости убийства тов. **Сталина**.

«...В этой беседе,—показал обвиняемый **Берман-Юрин**—**Троцкий** открыто заявил мне, что в борьбе против **Сталина** нельзя останавливаться перед крайними мерами, и что **Сталин** должен быть физически уничтожен».

(т. IV, л. д. 36).

«...**Троцкий** подчеркнул, что покушение должно быть подготовлено чрезвычайно тщательно и осмотрительно, приурочено к какому-нибудь большому политическому событию международного значения; предпочтительнее всего, если представится случай, приурочить покушение к какому-нибудь пленуму Коминтерна или конгрессу. **Троцкий** указал, что такой террористический акт на конгрессе или на пленуме сразу придаст этому акту характер международного политического события, всколыхнет массы далеко за пределами СССР и вызовет мощное движение.

Троцкий сказал мне, что этот террористический акт против **Сталина** не должен быть совершен конспиративно, в тиши, что его убийство должно быть совершено публично, перед международным форумом».

(т. IV, л. д. 38, 39).

Одновременно с **Берманом-Юриным Л. Троцким** был переброшен в СССР для подготовки террористических актов и обвиняемый **Фриц Давид (Круглянский И. И.)**.

Фриц Давид (Круглянский И. И.) осенью 1932 года также имел встречу с **Л. Троцким**, устроенную ему **Седовым**. В беседе с ним **Троцкий** предложил **Фрицу Давиду (Круглянскому И. И.)** взять на себя, как он выразился, «историческую миссию» — убить **Сталина**.

Фриц Давид (Круглянский И. И.) показал:

«...Предложив мне поехать в СССР для убийства **Сталина**, **Троцкий** рекомендовал в целях конспирации не поддерживать открытых связей с троцкистами и оставаться внешне на позициях ЦК КПГ».

Этот разговор с **Троцким** происходил в ноябре 1932 года и я принял его предложение убить **Сталина**».

(т. VIII, л. д. 73).

Берман-Юрин

Давида

прибыв в СССР, нашел [] по явке, данной ему **Седовым**. **Фриц Давид (Круглянский И. И.)** и **Берман-Юрин** решили осуществить убийство тов. **Сталина** на VII-м Конгрессе Коминтерна. Однако, это им привести в исполнение не удалось вследствие того, что **Берман-Юрин** не смог проникнуть на конгресс, а **Фриц Давид (Круглянский И. И.)**, хотя и проник на конгресс, не смог осуществить своего преступного намерения, так как далеко сидел от Президиума и не имел никакой возможности приблизиться к тов. **Сталину**.

Как признали на следствии оба обвиняемые, на VII-м конгрессе Фриц Давид (Круглянский И. И.) должен был стрелять в тов. Сталина из браунинга, который он получил от Бермана-Юрина (т. VIII, л. д. 77).

Следствием также установлено, что террористическая группа, возглавлявшаяся переброшенным Л. Троцким из-за границы его агентом Моисеем Лурье, была фактически организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гимлера, являвшегося в то время руководителем ~~охранки~~ фашистских отрядов ~~Бермана-Юрина~~, а сейчас являющегося руководителем германской охранки (ГЕСТАПО).

По этому поводу М. Лурье на допросе от 21 июля с. г. показал:

«Натан Лурье ответил, что он как и прежде, так и сейчас является убежденным троцкистом и сообщил, что с апреля 1932 года здесь в Москве организована количественно небольшая, но выдержанная по своему составу террористическая группа...»

«... На мой вопрос, по чьей директиве и по чьей инициативе организована эта боевая группа, Н. Лурье ответил, что боевая группа была создана неким Францем Вайцем...»

«... На мой вопрос, кто такой Франц Вайц, Н. Лурье, сначала весьма неохотно, дал мне следующий ответ: Франц Вайц является активным членом национал-социалистической партии в Германии и доверенным лицом Гимлера (нынешний руководитель ГЕСТАПО в Германии), Гимлер тогда являлся руководителем «С С» — черных охранников...»

«... Основной задачей группы — по словам Вайца — являлась подготовка террористических актов против Сталина, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе...»

(т. XXXII, л. д. 243, 244).

Об этом сообщении Н. Лурье обв. М. Лурье подробно информировал Зиновьева, желая выяснить отношение Зиновьева к связи с фашистами и немецкой охранкой.

Выслушав сообщение М. Лурье, Зиновьев ответил:

«Что же здесь вас смущает? Вы же историк, Моисей Ильич, вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции...»

«... Этой исторической параллелью — добавил М. Лурье — Зиновьев хотел убедить в возможности и необходимости использования союза с социал-националистами в борьбе против ВКП(б) и советского правительства...»

(т. XXXII, л. д. 252).

Показания М. Лурье полностью подтвердил Н. Лурье, показав на допросе от 21 июля:

«Я должен признать, что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно готовила террористический акт над Наркомом Обороны Ворошиловым...»

«... Это задание я получил от германского инженера-архитектора, члена национал-социалистической партии Германии Вайца Франца, представителя Гимлера, нынешнего руководителя ГЕСТАПО...»

«... В августе 1932 года, уезжая в отпуск в Германию, Франц Вайц возложил на меня руководство боевой террористической группой и поставил передо мной задачу подготовить и совершить террористические акты над Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым».

(т. XXXIII, л. д. 141—142).

Таким образом, обвиняемые М. Лурье и Н. Лурье, вступив в непосредственную организационную связь с немецкими фашистами и немецкой охранкой, предали интересы советского государства и изменили родине.

Наконец, установленные следствием обстоятельства показывают, что руководители троцкистско-зиновьевского блока — Л. Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие в своей борьбе против советского государства пали до того, что в своих нравах оказались более презренными, чем самые закоренелые банды уголовных преступников. Организуя террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского государства, руководители объединенного центра одновременно готовили истребление своих собственных агентов — террористов в целях окончательного уничтожения всяких следов совершенных ими преступлений.

По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал следующее:

«Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити подготовлявшегося ими государственного заговора. Поэтому они считали важнейшей задачей уничтожение каких бы то ни было следов совершенных преступлений. С этой целью предполагалось Бакаева назначить председателем ОГПУ. На него возлагалась задача физического уничтожения как непосредственных исполнителей террористических актов над Сталиным и Кировым, так и тех работников ОГПУ, которые могли бы держать в своих руках нити совершенных преступлений.»

(т. XXVII, л. д. 163—164).

II. ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР И УБИЙСТВО ТОВ. С. М. КИРОВА.

Уже по делу Николаева, Румянцева, Котолынова и других, расстрелянных по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по обвинению в убийстве 1-го декабря 1934 г. тов. С. М. Кирова, была установлена непосредственная связь совершившей это убийство ленинградской группы зиновьевцев с обвиняемыми Зиновьевым, Каменевым и Бакаевым, осужденными ранее по делу так называемого «Московского центра».

В настоящее время следствие располагает данными, с несомненностью установившими, что убийство тов. С. М. Кирова было совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Это обстоятельство на предварительном следствии признали большинством активных участников различных террористических троцкистско-зиновьевских групп и в том числе обвиняемые Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский и другие.

Обв. **Евдокимов** полностью это подтвердил, заявив на допросе 10 августа с. г. следующее:

«... На судебном процессе по делу убийства **Кирова**, я — **Евдокимов**, **Зиновьев**, **Каменев**, **Бакаев**, **Гертик** и другие обманули органы власти и суд, утаив, что убийство **Кирова** было подготовлено и осуществлено нами — участниками троцкистско-зиновьевского блока.

Убийство **Кирова** было осуществлено Ленинградским террористическим центром по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока».

~~XXXV~~
(т. 39, л. д. 6).

«... В 1934 году **Зиновьев**, действуя от имени троцкистско-зиновьевской организации, дал прямую директиву **Бакаеву** организовать убийство **Кирова**.

В принятии решения об убийстве **Кирова** участвовали помимо **Зиновьева** — **Каменев**, я — **Евдокимов**, **Бакаев**, а также представители троцкистов в лице **Мрачковского** и **Тер-Ваганяна**. **Бакаев**, с целью подготовки убийства, выехал осенью 1934 года в Ленинград, связался там с активными участниками нашей организации: **Коталыновым**, **Левиным**, **Румянцевым**, **Мандельштамом** и **Мясниковым**, составлявшими, так называемый, ленинградский террористический центр. При Ленинградском центре была активная группа террористов, которая непосредственно вела подготовку убийства **Кирова**».

~~XXXV~~
(т. 39, л. д. 6).

После упорного заперательства обвиняемый **Зиновьев**, уличенный рядом показаний других обвиняемых, должен был признать, что еще в 1932 году объединенным троцкистско-зиновьевским центром было принято решение об организации террористических актов над тов. **Сталиным** в Москве и тов. **Кировым** в Ленинграде.

«Осенью 1932 года — показал обвиняемый **Зиновьев** — на моей даче в Ильинском, в присутствии **Каменева**, **Бакаева**, **Евдокимова** и **Карева**, мною поручено было **Бакаеву** подготовить террористический акт над **Сталиным**, а **Кареву** — над **Кировым**».

(т. XII, л. д. 36).

Обвиняемый **Зиновьев** также показал:

«В 1934 году, месяца точно не помню, в середине года, мне **Евдокимов** рассказывал об одной из поездок **Гертика** в Ленинград, во время которой **Гертик** связался с **Коталыновым**, причем в результате этой встречи, **Коталынов** заявил **Гертику**, что он принимает непосредственное участие в подготовке убийства **Кирова**».

(т. XII, л. д. 37, 38).

Об этом показал также обвиняемый **Каменев**, подтвердивший факт совещания в Ильинском, на котором было решено осуществить террористические акты против тт. **Сталина** и **Кирова**. Обвиняемый **Каменев** показал:

«Вынужден признать, что до совещания в Ильинском **Зиновьев** сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкист-

ско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против **Сталина** и **Кирова**, при этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — **Смирнов**, **Мрачковский** и **Ваганян**, что у них имеется прямая директива по этому поводу от **Троцкого** и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

(т. XV, л. д. 15—16).

К этому обвиняемый **Каменев** добавил:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

(т. XV, л. д. 16).

Как установлено следствием, практическое осуществление плана организации убийства тов. **Кирова** было возложено объединенным центром на члена этого центра **И. П. Бакаева**.

Об этом прямо показывает обвиняемый **Зиновьев**, признавший, что именно **Бакаеву** от имени объединенного центра им, **Зиновьевым**, была поручена организация террористических актов над тов. **Сталиным** в Москве и тов. **Кировым** — в Ленинграде. (т. XII, л. д. 36).

О роли **Зиновьева**, **Бакаева** и всего объединенного троцкистско-зиновьевского центра в деле убийства тов. **С. М. Кирова** подробно показал обвиняемый **Рейнгольд**, заявивший следующее:

«Лично от **Зиновьева** мне известно, что убийство **Кирова** в Ленинграде готовилось по его прямой директиве и директиве центра троцкистско-зиновьевского блока. При этом разговоре с **Зиновьевым**, имевшем место в августе 1934 года на его квартире, он, я уже показал, упрекнул московскую боевую организацию в медлительности и слабой активности.

Мотивируя необходимость совершения террористического акта против **Кирова**, **Зиновьев** говорил, что **Кирова** надо физически уничтожить, как ближайшего помощника **Сталина**. Он добавил при этом, что «мало срубить дуб, надо срубить все молодые поддубки, которые около этого дуба растут». Необходимость убийства **Кирова** **Зиновьев** мотивировал также тем, что **Киров** является руководителем ленинградской организации и лично ответственен за разгром оппозиции в Ленинграде.

Как я уже показал, руководство ленинградской боевой организацией непосредственно осуществлялось **Бакаевым**. Организационную связь с этой организацией держал также **Файвилович**».

(т. XXVII, л. д. 70).

Упорно запиравшийся в вопросе о своем участии в организации убийства тов. **Кирова** обвиняемый **Бакаев**, под тяжестью предъявленных ему улик, показал:

«Я признаю, что мне лично **Зиновьев** поручил организовать убийство **Сталина** в Москве, а **Кареву** убийство **Кирова** в Ленинграде. Я предложил **Кареву** для этой цели установить контакт в Ленинграде с участниками организации — **Владимиром Левиным** и **Анишевым**, а **Зиновьев** в свою очередь предложил мне связать **Карева** в Ленинграде также с **Румянцевым**».

(т. I, л. д. 89).

О роли **Бакаева**, как одного из главных организаторов убийства тов. **Кирова**, показал также арестованный по другому делу **Н. А. Карев**. На допросе 5 июля 1936 года **Карев Н. А.** заявил:

«**Зиновьев** сказал, что подготовка террористических актов над **Сталиным** и **Кировым** поручена **Бакаеву**, который должен использовать для этой цели свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве».

(т. III, л. д. 11).

К этому **Карев** добавил:

«При разговоре с **Бакаевым** я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над **Кировым** существующие в Ленинграде, связанные с ним, **Бакаевым**, зиновьевские группы **Румянцева** и **Котолынова**».

(т. III, л. д. 11).

Это полностью подтвердил на следствии и обв. **Евдокимов**, показавший следующее:

«от **Бакаева** мне известно, что осенью 1934 г. он, **Бакаев**, совместно с одним троцкистом-террористом, фамилию которого я не знаю, выезжал в Ленинград для связи с ленинградским террористическим центром и организации убийства **Кирова**».

Во время этой поездки **Бакаев** и указанный выше троцкист-террорист виделись с **Николаевым** и договорились с ним о совершении им убийства **Кирова**».

(т. 36, л. д. 7, 8).

И далее:

«**Бакаев** передавал, что террористы выражали уверенность в успехе террористического акта; они считали себя в безопасности. Исходили из того, что все они, в том числе и такие активные зиновьевцы, как: **Румянцев**, **Левин**, **Мясников**, **Мандельштам** и другие пользуются доверием со стороны ряда руководящих работников партийных и советских организаций в Ленинграде. Это обеспечивало им полную возможность без всякого опасения провала вести подготовку террористического акта против **Кирова**».

(т. 36, л. д. 9).

Следствием установлено, что после принятия объединенным зиновьевско-троцкистским центром решения об убийстве тов. **С. М. Кирова**, **Каменев** в июне 1934 года специально выехал в Ленинград для проверки хода работы по организации террористического акта над тов. **Кировым**.

Зиновьев также всячески форсировал совершение убийства тов. **Кирова**, упрекая участников террористической группы, как об этом показал арестованный по другому делу **Маторин Н. М.**, бывший личный секретарь **Зиновьева**, в медлительности и нерешительности.

Маторин показал:

«**Зиновьев** мне сказал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме **Киров** должен быть убит. **Зиновьев** упрекал меня в недостаточной решительности и энергии. Он сказал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо оказаться от предрассудков».

(т. XIV, л. д. 63, 64).

III. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫМ ТРОЦКИСТКО-ЗИНОВЬЕВСКИМ ЦЕНТРОМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ ПРОТИВ ТОВАРИЩЕЙ ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, КОСИОРА, ОРДЖОНИКИДЗЕ И ПОСТЫШЕВА.

Материалами следствия установлено, что объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр, после того как убил тов. **Кирова**, не ограничивался организацией убийства одного лишь тов. **Сталина**. Террористический троцкистско-зиновьевский центр одновременно вел работу по организации убийства и других руководителей партии, а именно тт. **Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева**.

Обвиняемый **Рейнгольд** показал, что **Зиновьев**, говоря о необходимости убийства т. **Кирова**, как ближайшего помощника тов. **Сталина**, добавил:

«Мало срубить дуб, надо срубить все молодые поддубки, которые около дуба растут».

(т. XXVII, л. д. 70).

По показаниям **Рейнгольда**:

«Основное указание **Зиновьева** сводилось к следующему: необходимо направить удар против **Сталина, Кагановича и Кирова**».

(т. XXVII, л. д. 63).

Обвиняемый **Рейнгольд** подтвердил, что:

«Расчет объединенного центра был построен на том, чтобы оглушительным одновременным ударом в Москве и Ленинграде вызвать полную растерянность в партии и стране».

(т. XXVII, л. д. 163).

Убийство тт. **Ворошилова, Кагановича, Жданова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева** пытались осуществить различные террористические группы, действовавшие под общим руководством объединенного центра.

Так, по организации террористического акта над тов. **Ворошиловым** работала группа **Дрейцера**, получившая задание об убийстве **Ворошилова** непосредственно от **Троцкого**, и группа, переброшенная из Германии для этих же целей троцкиста **М. Лурье**.

По поводу подготовки убийства тов. **Ворошилова** один из членов объединенного центра, обвиняемый **Мрачковский** показал:

«В середине 1934 года **Дрейцер Е.** мне докладывал, что им подготавливалось одновременно убийство **Ворошилова**, для чего должен был быть подготовлен **Шмидт** Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет **Ворошилова** либо во время личного доклада **Ворошилову** по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать **Ворошилов**».

(т. XVIII, л. д. 49).

Обвиняемый **Дрейцер** на допросе в Прокуратуре Союза 31-го июля по этому поводу показал:

«Для совершения теракта я привлек **Эстермана** и **Гаевского**, а в 1935 г. **Шмидта** и **Кузьмичева**. Последние взялись убить **Ворошилова**».

(т. X, л. д. 195).

Показания **Мрачковского** и **Дрейцера** также подтвердил и обвиняемый **Рейнгольд**, показавший следующее:

«Мне известно от **Мрачковского** и от **Дрейцера**, что летом 1933 года была организована под руководством **Дрейцера** троцкистская группа из военных, куда вошли: **Шмидт** — командир одной из бригад Красной армии, **Кузьмичев** — начальник штаба одного из воинских соединений и ряд других лиц, фамилии которых я не знаю. От **Дрейцера** мне известно, что непосредственными исполнителями террористического акта против **Ворошилова** были намечены **Шмидт** и **Кузьмичев**, которые дали согласие на выполнение этого акта. Предполагалось, что они для этого либо воспользуются одним из приемов у **Ворошилова**, либо используют посещение **Ворошиловым** их войсковых частей».

(т. XXVII, л. д. 165, 166).

Следствием также установлено, что ряд террористических групп (**Дрейцера**, **М. Лурье** и др.) готовил в тот же период времени покушения на т.т. **Жданова**, **Кагановича**, **Орджоникидзе**, **Косиора** и **Постышева**.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ.

Анализируя вышеизложенное, следствие считает установленным:

1) что в период 1932—1936 г.г. организовался в гор. Москве объединенный троцкистско-зиновьевский центр, поставивший своей задачей в целях захвата власти совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства;

2) что в состав этого объединенного троцкистско-зиновьевского центра из числа привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу вошли от зиновьевцев: **Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П.** и от троцкистов: **Смирнов И. Н., Тер-Ваганян В. А. и Мрачковский С. В.**;

3) что в этот период времени объединенным троцкистско-зиновьевским центром был организован ряд террористических групп и был подготовлен ряд практических мероприятий по убийству т.т. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева**;

4) что одной из этих террористических групп, действовавших по прямым указаниям **Зиновьева** и **Л. Троцкого** и объединенного троцкистско-зиновьевского центра и под непосредственным руководством обвиняемого **Бакаева**, было осуществлено 1-го декабря 1934 года злодейское убийство тов. **С. М. Кирова**.

Привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу **Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П., Тер-Ваганян В. А., Мрачковский С. В., Дрейцер Е. А., Ольберг В. П., Фриц Давид (Круглянский И. И.), Гольцман Э. С., Пикель Р. В., Рейнгольд И. И., Берман-Юрин К. Б., М. Лурье и Н. Лурье** — полностью признали себя виновными в пред'явленном им обвинении.

Обвиняемый **И. Н. Смирнов**, признавая свое участие в объединенном центре троцкистско-зиновьевского блока, личную связь с **Л. Троцким** и встречи его с **Л. Седовым** во время своего пребывания в 1930 г. за границей, а также и то обстоятельство, что связь с **Троцким** он поддерживал вплоть до своего ареста в 1933 г., признал, что ему была передана в 1930 г. ^и подтверждена в 1932 году директива **Л. Троцкого** об организации террора против руководителей ВКП(б) и советского государства и что эта директива была положена в основу организации троцкистско-зиновьевского блока.

В тоже время, обвиняемый **И. Н. Смирнов** категорически отрицает свое участие в террористической деятельности объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Однако, обвиняемый **И. Н. Смирнов** изобличается в качестве участника террористической деятельности объединенного центра показаниями обвиняемых: **С. В. Мрачковского** (т. XXIX, л. д. 76—84), **Дрейцера** (т. XXXI, л. д. 63), **Сафоновой А. Н.** (т. XXXI, л. д. 295), **Рейнгольда И. И.** (т. XXXI, л. д. 138), **Зиновьева Г. Е.** (т. XII, л. д. 35), **Каменева Л. Б.** (т. XV, л. д. 28), **Евдокимова Г. Е.** (т. 36, л. д. 9, 10) и **Пикеля Р. В.** (т. XXXI, л. д. 78).

На основании изложенного, обвиняются:

1. **Зиновьев Григорий Евсеевич**, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев;
2. **Каменев Лев Борисович**, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;
3. **Евдокимов Григорий Еремеевич**, 1884 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;
4. **Бакаев Иван Петрович**, 1887 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;

5. **Мрачковский** Сергей Вительевич, 1888 г. р., служащий;
6. **Тер-Ваганян** Вагаршак Арутюнович, 1893 г. р., служащий;
7. **Смирнов** Иван Никитич, 1880 г. р., служащий —

в том, что первые шестеро обвиняемых в период времени с 1932 г. по 1936 г., а обвиняемый **Смирнов И. Н.** с 1930 г.:

а) организовали ряд террористических групп, подготовлявших убийство т.т. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева;**

б) организовали и осуществили через Ленинградскую подпольную террористическую группу **Николаева — Котолынова** и других 1-го декабря 1934 года злодейское убийство тов. **С. М. Кирова,** —

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

8. **Дрейцер** Ефим Александрович, 1894 г. р., служащий;
9. **Рейнгольд** Исаак Исаевич, 1897 г. р., служащий;
10. **Пикель** Ричард Витольдович, 1896 г. р., служащий;
11. **Гольцман** Эдуард Соломонович, 1882 г. р., служащий;
12. **Фриц Давид**, он же **Круглянский** Илья-Давид Израилевич, 1897 г. р., служащий;
13. **Ольберг** Валентин Павлович, 1907 г. р., служащий;
14. **Берман-Юрин** Конон Борисович (он же Александр Фомич), 1901 г. р., служащий;
15. **Лурье** Моисей Ильич (он же **Эмель** Александр), 1897 г. р., служащий;
16. **Лурье** Натан Лазаревич, 1901 г. р., служащий —

в том, что будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства т.т. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева;**

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 19—58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Изобличенные материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, находящиеся за границей **Л. Троцкий** и его сын **Седов Л. Л.**, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении **Гертик, Гринберга, Гавена Ю., Карева, Кузьмичева, Константа, Маторина, Ольберга Пауля, Радина, Сафоновой, Файнштейна, Имидта Д. и Эстермана** в виду продолжающегося следствия выделены в особое производство.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 11 августа 1936 г., все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в открытом судебном заседании.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 4-го августа 1936 года.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ.**

Верно: Секретарь ДК А. Нейер

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Мрачковский, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

МРАЧКОВСКИЙ: Признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Евдокимов, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ЕВДОКИМОВ: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Дрейцер, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ДРЕЙЦЕР: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Рейнгольд, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

РЕЙНГОЛЬД: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Бакаев, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

БАКАЕВ: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Пикель, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ПИКЕЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Каменев, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

КАМЕНЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Зиновьев, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ЗИНОВЬЕВ: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Смирнов, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

СМИРНОВ: Я признаю себя политически и морально ответственным за это дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы не отрицаете того факта, что вы были членом об"единенного троцкистско-зиновьевского центра и как член этого центра готовили вместе с другими членами этого центра покушение на вождей партии и правительства?

СМИРНОВ: Я входил в этот центр, но в подготовке террористических актов я как член этого центра участия не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете, что вы и другие знали, что об"единенный троцкистско-зиновьевский центр организовался на базе организации террористических актов против вождей партии и правительства?

СМИРНОВ: Да, я знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете, что получили директиву от Троцкого о подготовке террористических актов против вождей партии и правительства?

СМИРНОВ: Я это признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Ольберг, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ОЛЬБЕРГ: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Берман-Брин, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

БЕРМАН-БРИН: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ГОЛЬЦМАН, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ГОЛЬЦМАН: Да, я признаю себя виновным, за исключением того, что я принимал какое-либо участие в под-

готовке теракта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Признаете ли вы себя виновным в том, что получили директиву от Троцкого о подготовке терактов?

ГОЛЬЦМАН: Это - да. Я отрицаю личное участие...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В практическом осуществлении теракта, но не отрицаете того, что лично от Троцкого получили директиву о подготовке терактов?

ГОЛЬЦМАН: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Лурье Натан, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ЛУРЬЕ Н.: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Лурье Моисей, признаете ли вы себя виновным...

ЛУРЬЕ М.: Целиком и полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Тер-Ваганян, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ТЕР-ВАГАНЯН: Да, я признаю себя виновным в тех пределах, в каких я давал показания на предварительном следствии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете того факта, что входили в состав об"единенного троцкистско-виновьевского центра, который был организован на базе организации терактов против вождей партии и правительства?

ТЕР-ВАГАНЯН: Не отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Фриц Давид, признаете ли вы себя виновным в пред"явленном вам обвинении?

ФРИЦ ДАВИД: Да, признаю.

УЛЬРИХ. Заседание продолжается. Тов. Вишинский, какое будет предложение о порядке ведения заседания.

ВИШИНСКИЙ. Я полагаю наиболее целесообразным порядок ведения следствия как в отношении допроса обвиняемых установить в соответствии с порядком проведения судом опроса, т.е. начать допрос с Мрачковского, потом допросить Евдокимова, Дрейзера, Пикеля, Каменева, Зиновьева, Смирнова, Ольберга Валентина, Барман-Юрьева, Гользмана, Рейнгольда, Лурье-Натана, Лурье Моисея, Тер-Ваганяна и Фрида Давида.

Что касается свидетелей, то я бы просил свидетеля Як-лева допросить после Каменева, свидетельницу Сафонову допросить до Смирнова, и, наконец, свидетеля Карева я буду просить допросить после Бакаева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возражений нет против порядка, предложенного товарищем прокурором?

ТЕР-ВАГАНЯН. Я хочу не говорить, а только спросить. У меня имеется несколько замечаний по поводу цитированных в обвинительном заключении обвинений. Когда это нужно сделать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Во время Вашего допроса вы можете делать поправки и замечания и вообще ставить отдельные вопросы.

ВИШИНСКИЙ. Я хочу сказать обвиняемому ТЕР-ВАГАНЯНУ, что в течение всего допроса, и обвиняемые и свидетели, если они сочтут необходимым сделать какие либо замечания или поправки, по нашему Процессуально-Уголовному Кодексу имеют полное право сделать это в любой момент.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ. Поскольку вы, признали себя виновным, у нас вопросов к вам нет. (к Вишинскому).

Мрасковский

стр. 9 - 58

19 viii

Утр. Засед.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ, вы признали себя виновным в участии в троцкистско-зиновьевском об"единенном террористическом центре.

Скажите, пожалуйста, когда этот центр организовался, на какой основе, какими он действовал методами, какие он преследовал цели, какие ставил себе задачи, кто были главными организаторами и участками этого об"единенного центра и как практически действовал этот террористический об"единенный центр.

МРАЧКОВСКИЙ. Разрешите задать вопрос. Интересуется ли суд периодом 1925-27 г. или последним периодом 1930-36 г.

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует все то, что связано с контр-революционной террористической деятельностью той организации, в которую вы входили.

МРАЧКОВСКИЙ. Есть. Возвращаясь из ссылки в 1929 году, я, думаю и другие члены нашей контрреволюционной организации, не считали для себя возможным внутренне признать правильность генеральной линии партии. Мы возвращались из ссылки с определенной целью ведения дальнейшей борьбы. Хотя для многих из нас было очевидно, что та платформа, которая была составлена в прежний период 1925-27г. была опрокинута правильность генеральной линии партии, мы остались беспощенны, мы представляли собой политически выпотрашенную, разгромленную организацию и все-таки мы решили, что надо перестроить нашу организацию.

ВЫШИНСКИЙ. Мы решили. Кто это мы?

МРАЧКОВСКИЙ. Я -Мрачковский, Смирнов Иван Никитич, Тер-Ваганян.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. три лица, которые были в троцкистском центре.

МРАЧКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно вы утверждаете, что после 1929 г.

- 6 -а

Смирнов и Тер-Вагян вместе с вами приняли твердое решение, которое вы сейчас сформулировали?

МРАЧКОВСКИЙ. Точно так.

ТЕР-ВАГЯН. Разрешите вопрос.

ВЫШИНСКИЙ. Потом. Дайте ему кончить. Это относится к какому году?

МРАЧКОВСКИЙ. К периоду 1929-30 г.

ВЫШИНСКИЙ. Как формулировали вы тогда задачи вашего троцкистского подполья?

МРАЧКОВСКИЙ. Мы считали, что надо часть надежных людей отобрать для ведения дальнейшей борьбы, людей, которые деморализованы, ослаблены в борьбе. Их надо отделить от себя.

ВЫШИНСКИЙ. От них освободиться?

МРАЧКОВСКИЙ. да. Какие задачи тогда перед нами стояли? Мы считали, что в этот период не следует поднимать вопроса о терроре, как о таковом.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы впервые подняли вопрос о терроре?

МРАЧКОВСКИЙ. Разрешите закончить свою мысль.

В это время СМЕРНОВ ездил в Берлин и привез от ТРОЦКОГО директиву.

ВЫШИНСКИЙ - Откуда Вам это известно.

МРАЧКОВСКИЙ: Об этом он говорил мне в присутствии Тер-Ваганяна и Сафоновой.

ВЫШИНСКИЙ - О чем эта директива.

МРАЧКОВСКИЙ - В этой директиве говорилось о методах борьбы.

СМЕРНОВ через Л. СЕДОВА связался с ТРОЦКИМ и информировал его о состоянии нашей страны и получил от ТРОЦКОГО указание, что других путей борьбы, которые мы вели на протяжении нескольких лет, не осталось, надо переходить к более острым вопросам борьбы и он прямо поставил вопрос о терроре, т.е. до сих пор пока мы не уберем (или) уберем СТАЛИНА, - мы не можем вернуться к власти. Это было в 1931 году.

ВЫШИНСКИЙ: Что означает Ваше выражение "до тех пор - пока не уберем Сталина".

МРАЧКОВСКИЙ: Пока не убьем Сталина. На этом же заседании в 1931 г. в присутствии СМЕРНОВА, меня, ТЕР-ВАГАНЯНА и САФОНОВОЙ, на меня была возложена задача организовать ТЕРГРУППУ, т.е. отобрать надежных людей. ~~Вместо~~ Вместо со мной это дело было поручено ДРЕЙЦЕРУ.

Этот период 1931 г. и период 1932 г. он шел на обработку и подготовку людей для терактов. Я подработал для этой цели ЯЦЕКА, ФРИНГЕЛЬ, ДРЕЙЦЕР подобрал еще группу людей, в том числе ШМИДТА, КУЗЬМИЧЕВА, ~~и~~ и не помню еще кого-то. Как я уже говорил, период 1931 и 32 г.г. шел на подготовку людей для организации терактов в отношении СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА и КАГАНОВИЧА.

В 1932 г. перед отъездом на Байкало-Амурскую маги-

страль, т.е. во вторую половину лета этого года СМЕРНОВ поставил перед нами вопрос о необходимости объединения с зиновьевцами. Эту задачу он формулировал таким образом, что наших сил слишком мало, задачи поставленные перед нами слишком тяжелые и ответственные, а поэтому необходимо объединить все разбитые порознь группы.

Мы тут-же сочли нужным запросить Троцкого о том, как он смотрит на объединение этих групп.

В том же, 1932г. во второй половине лета СМЕРНОВ направил письмо ТРОЦКОМУ с ГОЛЬЦМАНОМ, где информировал его опять таки о состоянии нашей страны, нашей организации и поставил перед ним вопрос об объединении нашей организации с зиновьевцами.

W3 29
13

Осенью 1932 года кажется ГАВИНОМ было привезено ответное письмо от Троцкого, в котором он одобрял наше решение об объединении, но указывал, что это объединение должно быть на той самой базе, т.е. на базе террора, если согласится эта группа, и подтвердил, что необходимо убить Сталина, Ворошилова и Кирова.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда вам это известно.

МРАЧКОВСКИЙ: Это известно мне от Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Смирнов. Сейчас МРАЧКОВСКИЙ рассказывал, как мы послали письмо Троцкому.

СМИРНОВ: Да послал.

ВЫШИНСКИЙ: Послали через Гольдмана. Вышинский: Гольдман подтверждает это.

ГОЛЬДМАН: Я получил....

ВЫШИНСКИЙ: Подтверждаете.

ГОЛЬДМАН: Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: Отдали.

ГОЛЬДМАН: Отдал.

ВЫШИНСКИЙ: Садитесь.

ВЫШИНСКИЙ: Еще вопрос к Смирнову. Вы подтверждаете показание МРАЧКОВСКОГО, что в 1932 году вы получили ответ от Троцкого через Гавена.

СМИРНОВ: Я получил ответ через Гавена от Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Вы подтверждаете, что вами получено письмо от Троцкого через Юрия Гавена в 1932 году.

СМИРНОВ: Получил в Ноябре 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ: И кроме получен еще устный разговор Троцкого.

СМИРНОВ: Еще устный разговор.

ВЫШИНСКИЙ: Вы, Смирнов, подтверждаете перед Верховным Судом, что в 1932 году получили от Гавена установку от Троцкого устную или письменную на совершение террора.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Кого.

СМИРНОВ: На руководителей.

ВЫШИНСКИЙ: На каких.

СМИРНОВ: Сталина и других.

ВЫШИНСКИЙ: Продолжайте Мрачковский.

МРАЧКОВСКИЙ: После получения директивы Троцкого с одобрением нашей позиции, Смирнов поручил ТЕР-БАГОНИНУ оговориться с Зиновьевцами или На этой же основе был заключен блок в конце 1932 года. Но так как в 1932 г. должен был уже уехать на Урал-Амур, посоветовавшись со Смирновым как быть с группой, которую я организовал, он мне предложил сходить к РЕЙНГОЛЬДУ договориться с ним, который руководил Московской террористической группой, об объединении наших сил.

ВЫШИНСКИЙ: На какой основе.

МРАЧКОВСКИЙ: На основе организации убийства Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов сказал, пойдите к Рейнгельду и договоритесь с ним по поводу...

МРАЧКОВСКИЙ: ... об объединении наших террористических сил с целью убийства Сталина, Ворошилова, Кагановича. Это было в конце 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ: Вы слышали показания Рейнгельда.

МРАЧКОВСКИЙ: Слышал, подтверждаю, что у меня был Рейнгельд

ВЫШИНСКИЙ: Вы слышали показание Рейнгельда.
МРАЧКОВСКИЙ: Слышал, подтверждаю, что у меня был Рейнгельд для переговоров о террористическом акте в отношении Сталина, Ворошилова, Кагановича.

- II -

ВЫШИНСКИЙ:- Вы не спрашивали, для чего МРАКОВСКИЙ говорил о таких острых методах борьбы.-

РЕЙНГОЛЬД:- МРАКОВСКИЙ, не дожидаясь вопросов, прямо сказал, что он имеет указания от СМЕРНОВА, что есть договоренность между руководителями троцкистской организации и виновьевской организации об объединении сил на основе террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

ВЫШИНСКИЙ:- МРАКОВСКИЙ.-

МРАКОВСКИЙ:- Договорившись с РЕЙНГОЛЬДОМ, я ему сказал, что за мной отъездом он должен связаться с ДРЕЙФРОМ, который будет руководить террором.

ВЫШИНСКИЙ:- Террором против кого.-

МРАКОВСКИЙ:- Против вождей партии. После этого я уехал на Байкало-Амурскую магистраль.

ВЫШИНСКИЙ:- Это было югда.-

МРАКОВСКИЙ:- Это было в конце 1932г.

ВЫШИНСКИЙ:- Ноябрь-декабрь

МРАКОВСКИЙ:- Точию месяца не помню, кажется, в декабре. Затем я приехал в Москву летом 1934г. СМЕРНОВ и часть других людей уже были в это время арестованы. Я встретил ДРЕЙФРА, который меня информировал о ходе работы. Он мне сказал, что им созданы на некоторых предприятиях группы, в частности; на МОРЕЗ - группа, которой руководил, на одном из авиационных заводов (название, или номера я не помню), которой руководил БЛАСС, и была небольшая группа на "Парижской коммуне"; сказал, что им же подготовлена уже квартира на Можайском шоссе у Дорогомиловской заставы, в которой должен был поселиться или уже поселился ХРУСТАЛЬОВ, работник Центросоюза..

ВЫШИНСКИЙ:- Это Вам сказал кто.-

МРАКОВСКИЙ:- Это мне доложил ДРЕЙФР.

ВЫШИНСКИЙ:- А зачем шло он Вам это доложил, для какой цели.

МРАЧКОВСКИЙ: Он вместе со мною должен был организовывать эти группы.

ВЫШНСКИЙ: — По чьему поручению.

МРАЧКОВСКИЙ: — По поручению нашего центра, — по поручению СМЕРНОВА, меня — МРАЧКОВСКОГО и ТЕР-ВАГАНИНА.

ВЫШНСКИЙ: — ДРЕЙФЕР, Вы эту часть показаний МРАЧКОВСКОГО подтверждаете.

ДРЕЙФЕР: — В основном — верно, только есть некоторые неточности.

ВЫШНСКИЙ: — Вы, ДРЕЙФЕР, действительно разговаривали с МРАЧКОВСКИМ и сообщали о том, что Вы подготовили целый ряд террористических групп в 1934 г.

ДРЕЙФЕР: — Да, это верно.

ВЫШНСКИЙ: — И задана Вами была в подготовке этих террористических групп.

ДРЕЙФЕР: — Задана — выполнение террористических актов против руководства партии и правительства.

ВЫШНСКИЙ: — Вы действовали так по чьему поручению.

ДРЕЙФЕР: — Я действовал по прямому поручению МРАЧКОВСКОГО, как представителя центра.

ВЫШНСКИЙ: — МРАЧКОВСКИЙ, Вы это не отрицаете.

МРАЧКОВСКИЙ: — Не отрицаю.

ВЫШНСКИЙ: — (обращаясь к ДРЕЙФЕРУ) Вы действовали по личной инициативе или по установке центра.

ДРЕЙФЕР: — По установке центра.

ВЫШНСКИЙ: — В центр кто входил.

ДРЕЙФЕР: — Все те лица, которых Вы назвали.

МРАЧКОВСКИЙ - Там же мне Дрейцер сообщил о том, что организован и московский центр в который вошел он...

ВЫШИНСКИЙ - Московский центр в каком составе ?

МРАЧКОВСКИЙ - Он, Дрейцер, Рейнгольд и Пикель

ВЫШИНСКИЙ - Подвольте спросить тех же. Рейнгольд, вы были членом московского центра.

РЕЙНГОЛЬД - Был членом, но ~~подчинялся~~ московский центр не ограничивался тем списком, который привел Мрачковский.

ВЫШИНСКИЙ - Пикель, вы были членом московского центра ?

ПИКЕЛЬ - Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ - Чем вы в это время занимались ?

ПИКЕЛЬ - В каком смысле ?

ВЫШИНСКИЙ - В смысле куска хлеба, заработка.

ПИКЕЛЬ - В смысле заработка, в 1932-33 году я был директором камерного театра.

ВЫШИНСКИЙ - Так, что по совместительству занимались подготовкой террористических актов и искусством.

ПИКЕЛЬ - Это было мое официальное положение.

ВЫШИНСКИЙ - А то было по совместительству. Вы себя признаете в этом виновным и подтверждаете то, что говорили Рейнгольд и Мрачковский.

ПИКЕЛЬ - Совершенно верно.

ВЫШИНСКИЙ - Лично вы тоже готовили акт ?

ПИКЕЛЬ - Лично я не готовил, но подготовлял людей, которых я должен был передать в распоряжение Бакаева.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, московский центр был в составе Рейнгольда, Пикеля и Дрейцера. Дрейцер, вы были в составе центра ?

ДРЕЙЦЕР - Был.

МРАЧКОВСКИЙ - Когда мне Дрейцер сообщил о том, что организован московский центр уже без моего участия, я решил вызвать когонибудь из блока центра. Я решил, зная где живет Каменев, поймать Каменева и расспросить его, на какой основе и почему организован московский центр, в который входят два виновьевца и один троцкист. Затем, хотел информироваться о ходе работ. Каменева я встретил около манежа. Мы с ним пошли...

ВЫШИНСКИЙ - Это когда было ?

МРАЧКОВСКИЙ - Это было в 1934 году летом. Мы пошли с ним в александровский сад, сели на лавочку и он мне подтвердил, что организован московский центр, с перечислением тех лиц, о которых я вам говорил. Проявлял недовольство медлительностью работы в смысле подготовки терактов. Тут же в разговоре сказал о том, что Бакаев организует в Ленинграде, и как будто довольно успешно, хотя медленно, теракт против Кирова. И не помню в какой связи упоминался Федоров. То-ли он привлекался к активному участию в московском центре, но помню, что упоминалась фамилия Федорова.

Вот, проинформировавшись у Каменева, я вскоре же уехал в Казахстан на строительство железной дороги. Затем, в декабре м-це 1934 же года я получил от Дрейцера телеграмму, телеграмму довольно тревожную, в которой он меня просил встретить Истериан который должен был проезжать в Петропавловск.

... который должен был проехать через Петрозаводск, а я в то время был в Петрозаводске. Мне прислали телеграмму, я встретил Эстермана, который мне передал письмо от Дрейцера. Я тут же при Эстермане его разорвал. Оказалось, что на оборотной стороне какого-то иностранного журнала или книжки какой-то немецкой химическим способом было написано письмо Троцкого - обращение, приблизительно, такого порядка: "Дорогой друг, на сегодняшний день стоит перед нами задача (я дословно не могу передать сейчас) форсировать убийство Сталина и Ворошилова. На случай войны надо занять пораженческую позицию и воспользоваться замешательством. Необходимо организовать ячейки в Красной Армии". Подписано "старик".

Я знаю хорошую руку Троцкого. Ни в какой степени ничто на меня не наводило сомнение, что это письмо от Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы хорошо знаете руку Троцкого?

МРАЧКОВСКИЙ: Я в периоде ряда лет стоял очень близко к Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ: Расскажите когда, в какие годы и как близко. Вы были командующим войсками?

МРАЧКОВСКИЙ: Я был раньше командующим войсками, но Троцкого стал хорошо знать с момента оппозиции, с 1923 года. Кто знает Троцкого, должен знать, что ближе всех стоял к Троцкому.

ВЫШИНСКИЙ: В чем выражалась ваша близость?

МРАЧКОВСКИЙ: Непосредственные задания передавались через меня.

ВЫШИНСКИЙ: Официально какое положение вы и Троцкий тогда занимали?

МРАЧКОВСКИЙ: В 1923 году он был в Реввоенсовете, а я был командующим войсками округа, первое время Московского округа, потом Западно-Сибирского и Приволжского.

ВЫШИНСКИЙ: В чем выражалась ваша близость к Троцкому?

МРАЧКОВСКИЙ: Без меня ^к Троцкому никто не проходил в последние годы, в 1923-27 г.г. до моего ареста в 1927 году, и вся переписка, которая шла, она тоже проходила через меня.

ВЫШИНСКИЙ: На демонстрации 7-го ноября вы были?

МРАЧКОВСКИЙ: Нет, меня там не было.

ВЫШИНСКИЙ: Кто был тогда с Троцким?

МРАЧКОВСКИЙ: Тогда был Смирнов.

ВЫШИНСКИЙ: Кто с ним был в автомобиле?

МРАЧКОВСКИЙ: Был Зиновьев или Каменев,

ВЫШИНСКИЙ: Кто играл тогда роль начальника личной охраны?

МРАЧКОВСКИЙ: Дрейцер.

ВЫШИНСКИЙ: Правильно, Дрейцер?

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Кто же был в автомобиле?

ДРЕЙЦЕР: Был Каменев и Мрачковский

ВЫШИНСКИЙ: Зиновьев не был?

МРАЧКОВСКИЙ: Не был.

N3
21
37

- 16/a -

ВЫШИНСКИЙ: Каменев вы это подтверждаете?

КАМЕНЕВ: Да.

ИРАЧКОВСКИЙ: Когда я получил это письмо, я для себя считал необходимым, как страшную улику, уничтожить это письмо. Я пришел к себе в вагон и уничтожил письмо.

Я спросил Эстермана, каким образом получено это письмо. Эстерман мне ответил, что письмо получено Дрейцером через какую-то родственницу, не то сестру, не то какого-то из ближайших родственников, которая переслала это письмо Дрейцеру. Письмо ко мне пришло в декабре. Я спросил, когда это письмо пришло.

Он мне сообщил, что оно пришло в сентябре или октябре м-це. Тут же я со с-езда, не дождавшись конца, уехал в Москву. Это было во второй половине декабря м-ца. Так как я уже видел, что за мной следят и часть из эиновьевских людей была арестована, я не считал своим делом по конспиративным соображениям с кем-нибудь связываться. После этого вскоре я был арестован. И все рассказал.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично, в какой мере участвовали в организации террористической группы?

МРАЧКОВСКИЙ. На меня была возложена задача по отбору и подготовке людей. Я уже говорил, что за этот период времени смог подобрать только троих.

ВЫШИНСКИЙ. Так, подобрали людей. Вы их ставили в известность о задачах и целях?

МРАЧКОВСКИЙ. Да. Они готовились для терактов.

ВЫШИНСКИЙ. Вы действовали, как вы уже сказали, по поручению центра?

МРАЧКОВСКИЙ. Да, по поручению центра.

ВЫШИНСКИЙ. Роль Смирнова в этом центре, как организатора террора, была сколько-нибудь заметной?

МРАЧКОВСКИЙ. Я это делал с его ведома и он знал людей, которых я подготавливал.

ВЫШИНСКИЙ. Можно Смирнова спросить? Вы слышали показания, вы согласны с ними.

СМИРНОВ. Я отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ. Что же МРАЧКОВСКИЙ не прав.

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

СМИРНОВ. Почему, я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы МРАЧКОВСКОГО знаете давно?

СМИРНОВ. Я знаю его с гражданской войны.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. чуть ли не два десятилетия.

СМИРНОВ. Немного меньше.

ВЫШИНСКИЙ. Он сколько нибудь в ваших глазах рисовался человеком неправдивым или вы считали, что это человек правдивый?

СМИРНОВ. Мрачковского я ближе стал знать примерно с 1935г.

ВЫШИНСКИЙ. Тоже срок порядочный. Я хотел Вас спросить об одном — как вы доверяли Мрачковскому, считали его болтуном или серьезным человеком.

СМИРНОВ. Серьезным человеком.

ВЫШИНСКИЙ. Считали его честным человеком по вашим понятиям?

СМИРНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Что же он лгун?

СМИРНОВ. Не думаю этого.

ВЫШИНСКИЙ. Считали его способным оговорить?

СМИРНОВ. Такие мысли не приходили тогда.

ВЫШИНСКИЙ. Одним словом правдивый человек в ваших внутренних отношениях?

СМИРНОВ. В то время, да.

ВЫШИНСКИЙ. А теперь?

СМИРНОВ. Я на очной ставке сказал свое мнение по этому поводу.

ВЫШИНСКИЙ. Мне хотелось, чтобы вы здесь сказали.

СМИРНОВ. Я был удивлен показаниями Мрачковского, которые во многом не соответствуют действительности.

ВЫШИНСКИЙ. В чем они соответствуют в действительности?

СМИРНОВ. Они соответствуют действительности в том, что флок с Зиновьевым и Каменевым был организован, это верно. Что я получил через Габена установку Троцкого о терроре. Это правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы эту установку передали Мрачковскому.

СМИРНОВ. Я это передал Ваганяну.

ВЫШИНСКИЙ. Тер-Ваганян вы слышали эту установку от Смирнова?

ТЕР-ВАГАНЯН. Нет. Я слышал это, но не от Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ. Так что Смирнов врет?

ТЕР-ВАГАНЯН. Логика обязывает.

ВЫШИНСКИЙ (обращаясь к Смирнову). Видите, Тер-Ваганян обвиняет Вас в неправде, а вы обвиняете Мрачковского в неправде. Логика одна и та же.

СМИРНОВ. Я говорю то, что я знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Вы были членом троцкистско-зиновьевского центра. Это факт. Это соответствует истине. Тут Мрачковский не погрешает против истины. Это первое. Второе — центр был организован на основе террора против руководителей партии и правительства. Это правильно?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы лично получили от Троцкого директиву о терроре, как ^{средстве} ~~следствии~~ борьбы?

СМИРНОВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Вы передали эту директиву кому?

СМИРНОВ. И передал ВАГАНЯНУ.

ВЫШИНСКИЙ. А Мрачковскому.

СМИРНОВ. Мрачковскому я не передавал ничего.

ВЫШИНСКИЙ. Откуда он узнал?

СМИРНОВ. Очевидно, только от Ваганяна.

МРАЧКОВСКИЙ. Я узнал это от Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ. Ваганян говорит, что вы ему не передавали этого и он узнал не от вас, а от других лиц.

ТЕР-ВАГАНН. Я узнал от Сафоновой.

ПРЕДСИД. Врачковский, вас обвиняет Смирнов в том, что вы его
оговариваете по поводу практических шагов по террору.

ВРАЧКОВСКИЙ. Я отказался от защитника вовсе не потому, что рас-
считывал на защиту Смирнова (Шум в зале).

ВЫШИНСКИЙ: - Что же СМЕРНОВ говорит неправду.

МРАЧКОВСКИЙ: - Да, СМЕРНОВ говорит неправду.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый СМЕРНОВ, чем Вы объясняете то, что о Вас говорит МРАЧКОВСКИЙ и почему Вы это отрицаете. Прому Вас коротко объяснить.

СМЕРНОВ: Коротко об этом сказать нельзя.

ВЫШИНСКИЙ: Почему же это вдруг МРАЧКОВСКИЙ из правдивых сделался лгуном.

СМЕРНОВ: Вообще неправду легче говорить.

ВЫШИНСКИЙ: Вы утверждаете, что в этой части показания МРАЧКОВСКОГО неправильно.

СМЕРНОВ: Да, неправильно.

ВЫШИНСКИЙ: МРАЧКОВСКИЙ, Вы что скажете на это.

МРАЧКОВСКИЙ: Легче пакость сделать, чем сознаться.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый СМЕРНОВ, Вы были руководителем этой организации.

СМЕРНОВ: Я входил в тройку.

ВЫШИНСКИЙ: Для чего была организована тройка.

СМЕРНОВ: Для руководства.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы были одним из руководителей.

СМЕРНОВ: Я был одним из трех руководителей.

ВЫШИНСКИЙ: МРАЧКОВСКИЙ заявляет, что Вы были руководителем подпольного террористического центра - это правда.

СМЕРНОВ: Это был не террористический центр, а это была тройка, которая в ноябре м-ца 1932 г., получивши директиву Троцкого, положила ее в основу своей деятельности.

ВЫШИНСКИЙ: Вы, МРАЧКОВСКИЙ и ТЕР-ВАГАНЯН входили в этот центр.

СМЕРНОВ: Я был членом тройки.

ВЫШИНСКИЙ: Вы входили в объединенный центр.

СМЕРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Центр был организован на основе террора.

СМЕРНОВ: Установка ТРОЦКОГО была принята.

ВЫШИНСКИЙ: Я спрашиваю Вас не о установке Троцкого, а я спрашиваю Вы организовали центр на основе террора.

СМЕРНОВ: Тогда позвольте мне более подробно остановиться на этом вопросе

ВЫШИНСКИЙ: Вы ответьте на мой вопрос — центр был организован на основе терроре.

СМИРНОВ: В начале ноября 1992 года центр был организован не на основе терроре, а потому перешел на путь террора.

ВЫШИНСКИЙ: Значит центр действовал на основе террора.

СМИРНОВ: Он не успел действовать.

ВЫШИНСКИЙ: Мы знаем об этом — что он успел и что не успел. 1-го декабря 1994 года был убит Сергей Миронович КИРОВ, а следовательно организация этого убийства была подготовлена центром.

СМИРНОВ: Я в центр вошел в ноябре м-ца и вскоре после этого был арестован.

ВЫШИНСКИЙ: Об этом мы знаем. В ноябре м-ца объединенный центр имел своей основой директиву о терроре.

СМИРНОВ: Да, имел.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, Вы, как руководитель этого центра, уже руководили деятельностью, которая строилась на этой основе.

СМИРНОВ: Я должен сказать, что никакой деятельности в то время не было и руководить было нечем.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Вы не действовали.

ВЫШИНСКИЙ: Так чтобы не действовали.

СМАРНОВ - Позвольте об"яснить.

ВЫШИНСКИЙ - Спросим Мрачковского.

МРАЧКОВСКИЙ: Была договоренность как будто в период 1933-1934 г.

МРАЧКОВСКИЙ - Да, подготовка людей к террористической организации этой группы.

ВЫШИНСКИЙ - Это организацией руководил кто.

МРАЧКОВСКИЙ - Мрачковский, Тер-Ваганян.

ВЫШИНСКИЙ - Как члены?

МРАЧКОВСКИЙ - Как члены об"единенного центра. В него входили: Зиновьев, Каменев, Ломинадзе.

ВЫШИНСКИЙ - Зиновьев, когда организовался об"единенный центр.

ЗИНОВЬЕВ - Летом 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ - Действовал он в течение какого времени.

ЗИНОВЬЕВ: Фактически до 1934 г.

ВЫШИНСКИЙ: Этот центр развивал свою деятельность или действовал.

ЗИНОВЬЕВ: Действовал.

ВЫШИНСКИЙ: В чем выражалось его действие.

ЗИНОВЬЕВ: Главное его действие - была подготовка к террористической деятельности.

ВЫШИНСКИЙ: Против кого.

ЗИНОВЬЕВ: Против руководителей.

ВЫШИНСКИЙ: Т.е. - Сталина, Ворошилова и Кагановича. Этот центр организовал убийство Кирова. Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова этим центром, или какойнибудь другой организацией.

ЗИНОВЬЕВ: Да. Этим центром.

ВЫШИНСКИЙ: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Вагонян.

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит все организовали убийство Кирова.

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит все вы убили Кирова.

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Садитесь. К Мрачковскому нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвиняемый Мрачковский у меня несколько дополнительных вопросов. Вы сказали, что занимались вербовкой членов в террористическую группу. Вам удалось завербовать Бермана-Орина, Яцека и Шмидта. Откуда вам известно, что был завербован Шмидт.

МРАЧКОВСКИЙ: Это мне говорил Кр.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В 1934 году у вас была встреча с Каменевым и подготовка к террористическому акту.

МРАЧКОВСКИЙ: Я уже говорил - летом 1934 года я видел Каменева, разговаривал с ним, он мне это сказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Векс Впоследствии у вас был разговор с Федоровым.

МРАЧКОВСКИЙ : Этот разговор был в.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какую цель ставила эта группа Гаевского.

МРАЧКОВСКИЙ: Гаевский по информации Прейцера должен был убить Сталина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один или как руководитель одной из групп.

МРАЧКОВСКИЙ: У него была группа от Могас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Охотников, Берман-Орий и Яцек выразили желание

принять участие в террористическом акте.

МРАЧКОВСКИЙ: Остерман завербовал Дрейца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для меня было ясно, что Остерман завербован. В одном из показаний вы указывали, что те, кто завербованы — это группа обреченных. Эту терминологию вы дали или кто либо другой.

МРАЧКОВСКИЙ : Это название было дано в центре в 1931 или 1932 г. Точно не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У подсудимого есть вопросы к Мрачковскому.

ТЕР-БАТОНЯН: Не вспомните ли вы, когда вы разговаривали относительно получения директивы Смирнова, привезенной из-за границы.

21
47

Мам. ВГ
Стен. МП

- 23 -

МРАЧКОВСКИЙ:- Я был в 1931г. летом на квартире у СМЕРНОВА¹. Присутствовали: я, СМЕРНОВ, ТЕР-БАГАНИН и Александра Николаевна САФОНОВА.

ТЕР-БАГАНИН:- Не вспомнит ли МРАЧКОВСКИЙ, когда именно я познакомился с ним.²

МРАЧКОВСКИЙ:- ТЕР-БАГАНИНА я узнал с 1929г. Было подписано заявление СМЕРНОВЫМ, ТЕР-БАГАНИНЫМ и БОДУСЛАВСКИМ, - это известно, так что он - один из руководителей нашего отхода из оппозиции.

ТЕР-БАГАНИН:- Мой вопрос неправильно понят. Я говорю о личном знакомстве.

МРАЧКОВСКИЙ:- Я узнал ТЕР-БАГАНИНА с 1929г.

ТЕР-БАГАНИН:- Лично я познакомился с МРАЧКОВСКИМ после 1931г., у меня на квартире, когда он пришел ко мне со СМЕРНОВЫМ и с САФОНОВОЙ. Это было осенью 1931г. До этого я лично МРАЧКОВСКОГО не знал.

ВЫШИНСКИЙ:- Вы в 1931г. познакомились с МРАЧКОВСКИМ, когда он пришел к Вам на квартиру.[?]

ТЕР-БАГАНИН:- Да, когда ко мне на квартиру пришли СМЕРНОВ, МРАЧКОВСКИЙ и САФОНОВА.

ВЫШИНСКИЙ:- Когда к Вам пришли на квартиру СМЕРНОВ, САФОНОВА и МРАЧКОВСКИЙ, Вы знали, что это - МРАЧКОВСКИЙ?[?]

ТЕР-БАГАНИН:- СМЕРНОВ мне сказал, что МРАЧКОВСКИЙ хочет познакомиться со мною лично, что он должен прийти.

ВЫШИНСКИЙ:- А почему для Вас представляло интерес знакомство с МРАЧКОВСКИМ?[?]

ТЕР-БАГАНИН:- Интерес.....

ВЫШИНСКИЙ:- Интерес несомненно знакомство это для Вас представляло, поскольку Вы хотели познакомиться.

ТЕР-ВАГАНИН: - Я знал, что МРАЧКОВСКИЙ стоит на этих же позициях, на каких стоит СМЕРНОВ и я, т.е. на двуруднических, троцкистских позициях.

ВЫШНСКИЙ: - Это было до приезда СМЕРНОВА из-за границы?

ТЕР-ВАГАНИН: - Да, это было до приезда СМЕРНОВА из-за границы.

ВЫШНСКИЙ: - До этой встречи о терроре не было речи.

ТЕР-ВАГАНИН: - Не было. О терроре речь шла тогда, когда приехал СМЕРНОВ.

ВЫШНСКИЙ: - Вы знали о МРАЧКОВСКОМ, как об активном организаторе троцкистского подполья, знали о нем, как о двуруднике.

ТЕР-ВАГАНИН: - Безусловно, потому, что в 1929г. мы с ним на одних основах отходили. Лично я с МРАЧКОВСКИМ познакомился только на этом совещании...

ВЫШНСКИЙ: - Какое имеет значение личное знакомство, если идет речь о фракционных делах.

ТЕР-ВАГАНИН: - Это имеет значение в том смысле, когда и от кого я получил сведения в связи с приездом СМЕРНОВА из-за границы.

ВЫШНСКИЙ: - Это несущественно. От кого Вы получили сведения?

ТЕР-ВАГАНИН: - Я получил эти сведения от САФОНОВОЙ.

ВЫШНСКИЙ: - А МРАЧКОВСКИЙ что помнит?

МРАЧКОВСКИЙ: - ТЕР-ВАГАНИН, мы с Вами восстановлены в партии в 1930г. Не вместе ли мы были на восстановлении у СОЛЬЦА.

ТЕР-ВАГАНИН: - Мы были у ЯРОСЛАВСКОГО не во время восстановления, а во время получения партдокументов.

МРАЧКОВСКИЙ: - Мы с Вами вместе восстанавливались в 1930г. у СОЛЬЦА, когда он сказал, что МРАЧКОВСКИЙ - хороший парень и тебя тоже восстановят.

ТЕР-ВАГАНИН: - Восстанавливался ^{ся} я не у СОЛЬЦА, а у ЯРОСЛАВСКОГО, восстанавливался я в 1930г, один, вовсе не с МРАЧКОВ-

- 24/a -

СИМ. Партдокументы мы получили с МРАЧКОВСКИМ у ЛЕХАЧЕВА.

ВЫШЕНСКИЙ: - Все-таки факт остается фактом: в 1931 г. Вы вместе с МРАЧКОВСКИМ участвовали в руководящей тройке троцкистского подполья, которая перешла на рельсы террора.

ТЕР-ВАГОНЯН - В своем показании я сказал, что образовалась эта четверка с самого начала с самим Мрачковским, Сафоновым и Смирновым. Участие...

ВЫШИНСКИЙ - И принял террористическую основу. Правильно?

ТЕР-ВАГОНЯН - Теперь у меня следующий вопрос...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Тер-Вагонян, вам задан был вопрос: эта четверка приняла террористические установки?

ТЕР-ВАГОНЯН - Совершенно ясно.

ВЫШИНСКИЙ - Вы не возражаете против этого?

ТЕР-ВАГОНЯН - Я возражаю против того, что информация, о которой говорит Мрачковский происходила на совместном совещании вчетвером.

ВЫШИНСКИЙ - Это не меняет основного вопроса, который мы сейчас выясняем, усвоил ли себе этот центр террористическую программу действий.

ТЕР-ВАГОНЯН - Я уже докладывал на предварительном следствии, что да. Следующий вопрос к Мрачковскому. Вот вы сказали, что после получения одобрительного ответа Троцкого в ноябре, поручено было Вагоняну заключить блок с зиновьевцами. Это, по моему неточно, потому, что блок с зиновьевцами, переговоры о блоке начались с июня 1932 года. На этой стадии переговоров между Доминадзе и Смирновым я играл роль посредника между Доминадзе и Смирновым и Каменевым и между Смирновым и Зиновьевым. Все это происходило в течение июня, июля. Следовательно, после получения ответа от Троцкого в ноябре, после ареста и высылки

Эпштейна и Каменева, после того, как Доминадзе с Каменевым договорился, мне не могла быть поручена подобная вещь, потому что это был уже факт. Следовательно ответ Троцкого и инструкция Гадена не имели для заключения блока уже никакого значения.

ВЫШИНСКИЙ — Но ответ был ?

ТЕР-ВАГОНЬИ — Я не знаю был ли ответ.

ВЫШИНСКИЙ — Но директива от Гадена передавалась ?

ТЕР-ВАГОНЬИ — Передавалась.

ВЫШИНСКИЙ — Итак, в 1932 году организовался блок, на основе директивы Троцкого, переданной Гаденом.

ТЕР-ВАГОНЬИ — Нет, на основе директивы, привезенной Смирновым, потому что директива Гадена пришла позднее.

ВЫШИНСКИЙ — Еще правильнее: на основе директивы Троцкого подтвержденной в 1932 году Гаденом.

ТЕР-ВАГОНЬИ — Гадену не было нужды в подтверждении.

ВЫШИНСКИЙ — Но факт был ?

ТЕР-ВАГОНЬИ — Факт был.

ВЫШИНСКИЙ — И вы участвовали, вместе с Мрачковским в этой организации, вы согласны ?

ТЕР-ВАГОНЬИ — Согласен.

ВЫШИНСКИЙ — У меня больше вопросов нет.

(слово предоставляется обвиняемому Смирнову).

СМИРОВ — Когда я приехал из-за границы в 1932 году и когда было совещание центра, когда я давал террористические установки ?

МРАЧКОВСКИЙ — Это было в 1931 г. Как вы хотите, месяц чтобы я назвал ?

СМИРОВ — Нет, скажите, осенью, летом, зимой.

МРАЧКОВСКИЙ — Я помню, что это было летом.

СМИРНОВ: В это время работали в Москве.

ИРАЧКОВСКИЙ: Я не работал в Москве и с 1930 года, но очень часто бывал в Москве и в момент приезда Смирнова из-за границы я был в Москве. Это было в 1931 году летом.

СМИРНОВ: Я вернулся в августе месяце 1931 года.

ВЫШИНСКИЙ: А август это не зима?

СМИРНОВ: Ирачковский был в это время на железной дороге.

ВЫШИНСКИЙ: Это дело не меняет.

СМИРНОВ: Я хотел бы задать Ирачковскому еще один вопрос. (Обращается к Ирачковскому). Вы привлекли к террористической организации трех человек. Охотникова, Юл... и Я..... Вы говорите, что все это время, полтора года, прошло на подготовку людей. В чем заключалась эта подготовка?

ИРАЧКОВСКИЙ: Я отвечу. Для того, чтобы подготовить людей к теракту, надо знать человека, его внутреннее состояние. Я этих людей знал меньше, чем должен был знать для проведения теракта. Я их знал как людей подготовленных для борьбы словесной, а тут они должны были быть подготовленными для физической борьбы. Для этого надо быть мужественными и решительными. Я раньше их за таких не знал.

СМИРНОВ: Для этого вам потребовалось полтора года?

ИРАЧКОВСКИЙ: Для этого потребовалось не меньше, если бы я раньше был в Москве.

СМИРНОВ: Вы сказали, что в конце 1932 года, в конце ноября, по моему поручению... (не слышно). А когда вы уехали на Амур?

МРАЧКОВСКИЙ: Это было в декабре.

СМИРНОВ: Вам память изменила. Это было в ноябре.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы знаете лучше чем он, когда он
ими уехал? Он говорит в декабре, а вы говорите в ноябре.
Почему вы лучше его это знаете?

СМИРНОВ: Я это хорошо знаю, потому что я был у
Мрачковского. Я указываю на то, что не было никакого смыс-
ла связывать Мрачковского с Рейнгольдом. Такой связи я не
передавал. Это выдумка.

ВЫШИНСКИЙ: В связи с вопросом, который задал Смирнов
- в 1931 году вы получили установку от Седова...

СМИРНОВ: Установки я не получал.

ВЫШИНСКИЙ: Когда вы были в Берлине, вы виделись с
Седовым?

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Говорил он с вами о наших советских де-
лах?

СМИРНОВ: Говорил.

ВЫШИНСКИЙ: Говорил он, что нужно перейти к терро-
ру?

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы, приехавши в Москву, говорили об
этом с Сафоново?

СМИРНОВ: Я это воспринял как личное мнение Седова,
а не как установку.

ВЫШИНСКИЙ: Когда Седов будет сидеть на скамье под-
судимы, мы это вопрос разберем. Вы Сафоново передали об
этом разговоре с Седовым?

38 54

- 28/а -

СМИРНОВ. Я говорил о терроре, но не как о директиве.

ВЫШИНСКИЙ: Я оглашу (том дела XXIX) протокол допроса Смирнова от 13-го августа следователем по важнейшим делам Шейниным, где он на странице 115 говорит о том, что в 1931 году Седов давал террористическую установку - "я сообщал это, вернувшись в Москву, Сафоново и Брачковскому".

ВЫШИНСКИЙ. Ну, как теперь?

СМИРНОВ. Ничего (оживление в зале, смех).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Смирнов, вы находитесь на суде, поэтому прошу вас не прибегать к подобным репликам.

СМИРНОВ. Я только ответил. И ничего не сказал.

ВЫШИНСКИЙ. Ну, как теперь, это соответствует тому, что вы говорили 5 минут назад?

Смирнов молчит.

ВЫШИНСКИЙ. Вы Мрачковскому и редали об этом разговоре с Седовым?

СМИРНОВ. Я не помню, мне кажется, что Мрачковского в то время не было в Москве.

ВЫШИНСКИЙ. Меня мне интересует, то, что вам кажется. Я вам представляю документ. Вы 13 августа были допрошены.

СМИРНОВ. 13 августа не было допроса.

ВЫШИНСКИЙ. 13 августа вы были допрошены, вот документы. В чем же дело? Протокол был составлен?

СМИРНОВ. Был.

ВЫШИНСКИЙ. Вы подписали его?

СМИРНОВ. Да, подписал.

ВЫШИНСКИЙ. На 115 странице этого протокола, вы сказали о том, что в 1941 году Седов дал террористическую установку и я сообщил ее, вернувшись в Москву, Седоновой и Мрачковскому. Вы это говорили?

СМИРНОВ. Как личное мнение Седова.

ВЫШИНСКИЙ. Прому проверить подпись Смирнова на протоколе допроса, а то потом окажется, что он и протокола не подписывал. Я не я и лошадь не моя.

(Смирнову показывает протокол допроса).

СМИРНОВ. Я не нашел здесь того самого места, о котором вы говорите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы признаете, что это ваша подпись на этой странице? Три строчки посвящены этому вопросу.

СМИРНОВ. Я не нашел еще.

ВЫШИНСКИЙ. Я прошу вывести Смирнова к столу, я сам ткну пальцем эти строчки, чтобы он удостоверил, что это его подпись.

(Смирнова выводят к столу).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот здесь отмечено синим карандашом. Вы этого не сможете отрицать.

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Пропу разрешить Смирнову самому прочитать это место из протокола. Так как Смирнов упорно запирается, пытается уйти от ответственности, я прошу, чтобы он прочитал это место из протокола перед всеми здесь присутствовавшими.

СМИРНОВ (читает). В 1930 году Седов давал террористическую установку, которую я сообщил, вернувшись в Москву Сафоновой и Мрачковскому. Я здесь хочу сказать об одной неточности. Здесь написано в 1930 году, а это было в 1931 году. Таким образом ошибка на целый год.

ВЫШИНСКИЙ. И спрашиваю, вы Мрачковскому говорили об этом?

СМИРНОВ. Я точно не помню этого. Говорил об этом совершенно откровенно.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы подписали?

СМИРНОВ. Я прочитал это сейчас.

ВЫШИНСКИЙ. Значит Вы говорили.

СМИРНОВ. Я каварляки говорю искренне, я точно не помню был ли Мрачковский пять лет назад в августе месяце в Москве.

ВЫШИНСКИЙ. Здесь ничего не говорится об августе месяце. Меня интересует, передавали ли вы разговор с Седовым Мрачковскому?

СМИРНОВ. Я хорошо помню, что передавал этот разговор Сафоновой, а Мрачковскому не помню.

ВЫШИНСКИЙ. Но подпись на протоколе ваша. Вы утверждаете, что 13 августа дали показания?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. (обращаясь к Мрачковскому.) Мрачковский, вы от Смирнова знали об этой установке Седова на террор?

МРАЧКОВСКИЙ. Да, знал.

ВЫШИНСКИЙ. После возвращения Смирнова из Берлина, вы виделись с ним?

МРАЧКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Разговаривали?

МРАЧКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вместе с Сафоновой?

МРАЧКОВСКИЙ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И вы знали об этой установке Седова?

МРАЧКОВСКИЙ. Да, я это утверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Смирнов, вы слышали?

СМИРНОВ молчит.

ВИШИНСКИЙ: Как же прикажете теперь понимать.

СМИРНОВ: Позвольте мне объяснить.

ВИШИНСКИЙ: Поэтому вопросу, пожалуйста. Я спрашиваю, Вы Мрачковскому говорили о разговорах, которые у Вас были с Седовым или нет.

СМИРНОВ: Я передал это не как директиву, а как простой разговор.

ВИШИНСКИЙ: А Вы об этом Мрачковскому говорили или нет.

СМИРНОВ: Если он был в то время, то конечно я говорил, но я сейчас не помню точно, потому что это было пять лет тому назад, присутствовал при этом разговоре Мрачковский или нет.

ВИШИНСКИЙ: Позвольте сформулировать это таким образом: "я не могу отрицать того, что я не передал этого разговора Мрачковскому, поскольку Мрачковский утверждает, что он разговор этот от меня слышал. Вероятнее всего это так и было.

СМИРНОВ: Я опять повторяю, что не помню был ли в это время Мрачковский или нет, но я должен сказать, что то, что я слышал за границей — я передал Сафоновой.

ВИШИНСКИЙ: и Ваганяну.

СМИРНОВ: Я не помню, видел ли я в это время Ваганяна или нет.

ВИШИНСКИЙ: Вы несколько минут назад говорили, что видели Ваганяна.

СМИРНОВ: Я должен сказать о том, что если при этом разговоре присутствовал Мрачковский и Ваганян, то, конечно, они об этом знали и я им все рассказал, но у меня нет уверенности сейчас в том, видел я в то время Мрачковского и Ваганяна.

ВИШИНСКИЙ: Мрачковский показывает, что это обсуждалось в центре.

СМИРНОВ: Обсуждения в центре этого вопроса не было, о чем подтверждает Ваганян.

ВИШИНСКИЙ: В Берлине Вы были.

СМИРНОВ: Да.

ВИШИНСКИЙ: С Седовым виделись...

СМИРНОВ: Да.

ВИШИНСКИЙ: С ним разговаривали.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Приехали в Москву - передали этот разговор Сафоновой и Ваганяну.

СМИРНОВ: Приехал в Москву - передал об этом Сафоновой, но не помню присутствовал ли при этом Ваганян. Я не знаю, почему Вы так заостряете на этом вопрос. Я еще раз повторяю о том, что я не уверен и не помню говорил ли я об этом Мрачковскому и Ваганяну, но должен сказать, что если я их в то время встречал, то я им все рассказал.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы уверены в том, что об этом разговоре Вы рассказали Ваганяну.

СМИРНОВ: Я говорю, что я рассказал об этом Сафоновой и это я ясно помню.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы говорили и о Ваганяне.

СМИРНОВ: Я говорил о нем, связывая этот разговор с 1932 г., а не 1931 г., т.е. когда я получил директиву Троцкого, - я о ней сообщил Ваганяну.

ВЫШИНСКИЙ: Значит Вы о Садовском разговоре говорили только Сафоновой, а Мрачковский говорит, что Вы говорили и ему.

43 60
43

ВЫШИНСКИЙ: Значит вы разговаривали только с Седовым. Мрачковский вы не припомните при каких обстоятельствах вам говорил Смирнов.

МРАЧКОВСКИЙ: Я помню, на квартире Смирнова он разговаривал, что Саша Смирнов связался с Троцким, который информировал о состоянии нашей страны и от него получил установку на террористический акт. По существу Смирнов не отрицает, но говорит, что он говорил с Седовым. Я

Подсудимый: я не был согласен с Седовым.

ВЫШИНСКИЙ: О чем была установка.

СМИРНОВ: В разговоре Седов сказал, что по его мнению в тех условиях, в которых находится страна, средствами борьбы могут являться террористические акты. Это было мнение Седова. Я с этим не согласился.

ВЫШИНСКИЙ: Что вы сказали Седову, что несогласны с этим.

СМИРНОВ: Я разговор прекратил. Приехав в Москву я между тем сообщил о том, каких что это мнение Седова, а не как директива.

ВЫШИНСКИЙ: Мнение Седова очень авторитетно.

СМИРНОВ: Абсолютно.

ВЫШИНСКИЙ: Сачем же вы передали.

СМИРНОВ: Я могу отвечать за свое мнение. Мрачковский неизвестный, а то, что говорит Троцкий, то что говорит Седов, есть директива Троцкого.

ВЫШИНСКИЙ: Когда он передавал директиву Седова, он высказал отрицательное отношение.

СМИРНОВ: Никакого отрицательного отношения.

ВЫЛИНСКИЙ: Вы приняли как директиву.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы показали 5 августа на/стр. дела 95 т.9/Там говорится: рассказали вы комунибудь по приезде в Союз разговор о...
Вы ответ: " Приехав в дом, я, Смирнов, Тер-Вагонян, Мрачковский
разговаривали об установках.

Подтверждаете Вы показание в этой части или нет. В деле есть
ваша подпись. Соответствует это действительности или не соответствует.

СМИРНОВ: Я уже ответил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Потрудитесь отвечать.

СМИРНОВ: Я точно не помню говорил я Тер-Вагоняну или Мрачковскому.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О чем это.

СМИРНОВ: О разговоре с Мрачковским.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вы беседовали в Берлине с Седовым, вы знали,
что такой Седов. Когда приехали в Москву, кому сообщили об этом разгово-
ре.

СМИРНОВ: Сафоновой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще комунибудь.

СМИРНОВ: Я сейчас хорошо не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В ваших показаниях от 5 августа сказано - Тер-
Вагонян, Мрачковский, Сафонова. На допросе т. Вылинского Вы примерно
то же самое сказали. Это самое показание соответствует действитель-
ности или нет. /Что ответили я не слышал, потому вы отвечаете три
раза в одну минуту разное/.

- СМИРНОВ: - Можно было ошибиться....
- УЛЬРИХ: - Хорошо. Подсудимый МРАЧКОВСКИЙ, Вы лично слышали о директиве ТРОЦКОГО - СЕДОВА от СМЕРНОВА.-
- МРАЧКОВСКИЙ:- Слышал.
- УЛЬРИХ: - Подсудимый ТЕР-ВАГАНИН, Вы от кого об этой директиве слышали.
- ТЕР-ВАГАНИН:- Я слышал от САДОНОВОЙ.
- УЛЬРИХ: - В какое время.
- ТЕР-ВАГАНИН:- Это было осенью 1932 г.
- УЛЬРИХ: - Подсудимый МРАЧКОВСКИЙ, от кого Вы услышали о директиве 1932 г.
- МРАЧКОВСКИЙ:- Лично от СМЕРНОВА.
- УЛЬРИХ: - Подсудимый СМЕРНОВ, Вы передали МРАЧКОВСКОМУ о директиве ТРОЦКОГО.
- СМЕРНОВ: - То, что я от ГАВРИА получил, я МРАЧКОВСКОМУ не передавал.
- УЛЬРИХ: - От кого же он узнал, если Вы один получали и разорвали.
- СМЕРНОВ: - Было устное сообщение.... Я показывал уже, что я сообщил об этой директиве ТЕР-ВАГАНИНУ.
- УЛЬРИХ: - Устная директива, привезенная ГАВРИОМ от ТРОЦКОГО, Вами сообщалась кому.
- СМЕРНОВ: - ТЕР-ВАГАНИНУ.
- УЛЬРИХ: - ТЕР-ВАГАНИН, Вы получали эту директиву.
- ТЕР-ВАГАНИН:- Нет. Этого разговора у меня со СМЕРНОВЫМ не было. В ноябре 1932 г. СМЕРНОВ вместе с САДОНОВОЙ пришли ко мне. СМЕРНОВ сказал мне, что он получил от одного очень ответственного большевика какую-то директиву ТРОЦКОГО, которую он хочет при этом огласить. Тут возникла какая-то неприязнь между мною и СМЕРНОВЫМ. САДОНОВА, желая предотвратить между нами крупный разговор, предложила: "Иван Никитич, дай я сожгу эту директиву", она взяла и сожгла ее.

- 36 -

Это все, что я знаю.

УЛЬРИХ: - Подсудимый СМЕРНОВ, ГАРЕН привез письменную директиву и устную. Так

СМЕРНОВ: - ГАРЕН привез информацию в письменном виде, - об этом говорил сейчас ТЕР-ВАГАНИН. А кроме этого письма он сообщил мне на словах установку ТРОЦКОГО относительно террора.

УЛЬРИХ: - Кому Вы об этом говорили.

СМЕРНОВ: - Я сказал только ТЕР-ВАГАНИНУ и больше никому не говорил, и когда САФОНОВА уезжала, - я передал ей.

УЛЬРИХ: - Сколько Вы всего получили директив ТРОЦКОГО о терроре. На

~~СМЕРНОВ~~ - сколько я помню из Ваших показаний, письменных и устных, первая директива была привезена СМЕРНОВЫМ в 1934г., вторая директива - привезена через ГАРЕНА. Следующая директива каким способом была получена

МРАЧКОВСКИЙ: - В 1934г. мне переслали письменную директиву ТРОЦКОГО - ЭСТЕРМАН; письмо получено было ДРЕЙДКОМ.

ВЫШНСКИЙ: - Вопрос к ТЕР-ВАГАНИНУ: Известно ли Вам было, что СМЕРНОВ, ведя переговоры с КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ об об"единении этих двух групп, и ~~СМЕРНОВ~~ ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ передавал о троцкистских установках на террор, об установках на организацию террористических групп. -

48
N3
64

ЕЧ-ВО

- 37 -

ТЕР-ВАГАНЯН - Мне известно, со слов самого Смирнова, что он в Совнаркомской столовой имел несколько бесед с Каменевым и Зиновьевым и что он Зиновьеву передал свои собственные соображения и установки, которые он получил по этому делу. Это мне говорил сам Смирнов.

ВИШНИНСКИЙ - Когда это было ?

ТЕР-ВАГАНЯН - Это было осенью 1932 года.

ВИШНИНСКИЙ - Смирнов, вот Ваганян сейчас показал, что вы сами говорили, что ведя переговоры с Каменевым и Зиновьевым вы говорили об организации террористических актов, верно это или нет ?

СМИРНОВ - Сейчас отвечу...

ВИШНИНСКИЙ - Вы говорили, верно или не верно ?

СМИРНОВ - Разрешите ответить подробно.

ВИШНИНСКИЙ - Подробно ответите потом, отвечайте сейчас - верно или не верно ?

СМИРНОВ - Не верно.

ВИШНИНСКИЙ - Значит, Ваганян врет ?

СМИРНОВ - Говорит неправду. Мрачковский и Ваганян говорят неправду.

ВИШНИНСКИЙ - Значит, Мрачковский и Ваганян говорят неправду, а вы говорите правду ?

СМИРНОВ - Никогда с Зиновьевым и Каменевым никаких личных переговоров я не вел, не на квартире, ни в столовой. Всякий знает, что в столовой вести такие переговоры совершенно невозможно.

48
13
65

БЧ-ВО

- 38 -

ВЫШНСКИЙ - Позвольте нам спросит обвиняемого Каменева. Ведя с вами переговоры об организации объединенного блока троцкистов и зиновьевцев, Смирнов вам сообщил о переданной установке на теракты. Подтверждаете это ?

КАМЕНЕВ - В этой форме подтвердить не могу. Переговоры велась на совещании, но личных переговоров со Смирновым не было.

ВЫШНСКИЙ - Лично со Смирновым я и не предлагаю вопроса. Не припомните ли, что в это время, на которое ссылаются, что в это время Смирнов передал директиву .

КАМЕНЕВ - Я абсолютно точно помню, что со слов Смирнова передавались и играли решающую роль в организации указания, лично полученные им от Троцкого - установки о терроре.

ВЫШНСКИЙ - Откуда вам это известно ?

КАМЕНЕВ - Известно получение самой директивы, источник ее от Смирнова. Важность этой директивы неоднократно обсуждалась.

ВЫШНСКИЙ - Кто Вам говорил, что эту директиву привез Смирнов ?

КАМЕНЕВ - Зиновьев.

ВЫШНСКИЙ - В своих показаниях на предварительном следствии 24 Июля вы говорили тоже самое.

КАМЕНЕВ - Ничего другого и не мог говорить.

ВЫШНСКИЙ - Разрешите спросить Зиновьева. Зиновьев, слышал об"яснения Каменева ?

ЗИНОВЬЕВ - Слышал.

ВЫШНСКИЙ - Подтверждаете ?

ЗИНОВЬЕВ - Подтверждаю.

44
13
66

ВЫШИНСКИЙ - Правильно говорит Каменев, что он от вас слышал, что Смирнов передал директиву Троцкого о терроре.

ЗИНОВЬЕВ - Правильно.

ВЫШИНСКИЙ - Откуда вы это знаете ?

ЗИНОВЬЕВ - От Ивана Никитича Смирнова:

ВЫШИНСКИЙ - Он сам говорил это ?

ЗИНОВЬЕВ - Сам.

ВЫШИНСКИЙ - Как, он, отрицательно относился к этой установке

ЗИНОВЬЕВ - Он горячо и убедительно отстаивал ее.

ВЫШИНСКИЙ - Смирнов, вы слышите эти показания Зиновьева и Каменева ? Вы подтверждаете их ?

СМИРНОВ - Я подтверждаю то, что сказал Каменев и отрицаю то, что сказал Зиновьев.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, Зиновьев говорит неправду, значит Тер-Ваганян говорит неправду, Мрачковский говорит неправду. Почему.

ТЕР-ВАГАНЯН - Позвольте напомнить Смирнову конкретный разговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Пожалуйста.

ТЕР-ВАГАНЯН - Этот разговор происходил у вас и вы мне сказали следующее, что в совнаркомской столовке имеется уголок тихонький, имеется диван, и всякий кому хочется позубокалится, садится на этот диван, к тебе прискачут и непременно пристанут. Сказал, что таких людей, которые пристанут несколько, но не назвал и я их не знаю. Что однажды к вам на диван присел Зиновьев и вы с ним вели дискуссию. Этот разговор был у меня с вами у вас на квартире.

ВЫШИНСКИЙ - Именно о терроре говорил ?

ТЕР-БАГАЯН - Обо всем говорил. В июне 1932 года на совещании после моего сообщения о том, что Д. предлагает установить взаимную связь по три человека с кем бы можно было вести переговоры.

..... с кем можно было бы вести переговоры, центр троцкистский выдвинул Ирачковского, Смирнова и Ваганяна и поручил Ваганяну вести переговоры с Ломинадзе, Ирачковскому вести переговоры с Евдокимовым, а Смирнову, по его собственному желанию, т.к. это было ему удобнее, вести переговоры с Кане-невым и Зиновьевым, а иногда и Ломинадзе. Они встречались в весьма нейтральном месте, в столовой Совнаркома.

ВЫШИНСКИЙ: Подтверждаете, Смирнов, "тихие беседы"...

СМИРНОВ: Я это подтвердить не могу. Верить невозможно, чтобы в столовой СНК можно было вести такие разговоры. Это вещь немыслимая. Это так не делается.

ВЫШИНСКИЙ: А как это делается?

СМИРНОВ: Это делается на собственных квартирах.

ВЫШИНСКИЙ: А вы делали это на собственной квартире?

СМИРНОВ: То, что я делал, я показал.

ВЫШИНСКИЙ: Вы вели террористические разговоры?

СМИРНОВ: Нет, террористических разговоров я не вел. Одно дело, что я передал соображения Сафоновой, а другое дело - организовать людей.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов ~~Смирнов~~ на странице 101, том XXV на допросе сказал буквально следующее: "Повторяю, я установку ~~Смирнов~~ о терроре против вождей ВКП/б/ и правительства как директиву для нас, троцкистов, не принял..."

Я рассказал Тер-Ваганяну и Ирачковскому о моем разговоре с Седовым...

Видимо, Ирачковский мой пересказ беседы с Седовым ошибочно понял как директиву с моей стороны".

Вы подтверждаете это?

СМИРНОВ: Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: Полностью?

СМИРНОВ: Полностью.

ВЫШИНСКИЙ: Во всех частях?

СМИРНОВ: С той оговоркой...

ВЫШИНСКИЙ: Сейчас вы сказали "полностью", а теперь выходит полностью, но с оговоркой.

СМИРНОВ: Я должен повторить, не придавая решающего значения этому, что я не могу утверждать на сто процентов ... Верно, что Мрачковский мог воспринять мой пересказ беседы с Седовым как директиву с моей стороны.

ВЫШИНСКИЙ: Вы сказали: "мой пересказ". Как будто бы запутались маленько.

СМИРНОВ: Я не вижу тут никакой путаницы.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, Зиновьев говорит, что вы, Мрачковский, кому...

ЗИНОВЬЕВ: Летом 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ: Горячо и убежденно доказывали необходимость террора.

ЗИНОВЬЕВ: Был разговор, переговоры о заключении нового блока, и условием этого блока было выполнение директивы, полученной от Троцкого, каковую директиву горячо и убедительно защищал Смирнов.

ВЫШИНСКИЙ: Вы говорите, что Смирнов не только не относился отрицательно, но, наоборот, горячо и убедительно эту директиву отстаивал.

ВЫШИНСКИЙ. А вы с ним соглашались?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Смирнов, Зиновьев с вами соглашался?

СМИРНОВ. Я с ним не разговаривал на эту тему (общий смех).

ВЫШИНСКИЙ. Зиновьев, где вы разговаривали с ним?

ЗИНОВЬЕВ. Это было в столовой Совнаркома.

ВЫШИНСКИЙ. Вы бывали в столовой Совнаркома?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А вы, Смирнов?

СМИРНОВ. Да, бывал.

ЗИНОВЬЕВ. Мы с ним вели немалые дву-хтрех разговоров на эту тему.

ВЫШИНСКИЙ. Смирнов, вы с ним разговаривали?

СМИРНОВ. В столовой совнаркома, нет.

ВЫШИНСКИЙ. Значит, вы принципиально не разговаривали?

СМИРНОВ. Почему принципиально? Во-первых, мы с ним не разговаривали потому, что там не встречались. Столовая совнаркома, как вам известно, делится на две части: диетная и общая. Зиновьев был в диетной, а я в общей.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Зиновьев смеется (оживление в зале). А где Бакаев был, в диетной или в общей?

СМИРНОВ. Это меня не касается, где был Бакаев.

ВЫШИНСКИЙ. А вы с ним там не встречались.

СМИРНОВ. Я вообще там ни с кем не встречался.

ВЫШИНСКИЙ. Почему, потому, что диетная и общая столовая так разделены?

СМИРНОВ. Вообще, в столовой совнаркома, в публичном месте, где нельзя двух слов сказать, чтобы к вам не подошли два-три человека, беседовать на эти темы было в высшей степени легкомысленно. Я вообще не знаю, почему Зиновьев выбрал такое неудобное место для разговоров.

ВЫШИНСКИЙ. Вы выбирали более удобные места?

СМИРНОВ. Безусловно.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, факт остается фактом.

Этот ваш разговор с Седовым о терроре и ваше сообщение об этом, по крайней мере по вашему признанию, Сафоновой. Это вы безусловно подтверждаете?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы действительно говорили Сафоновой по этому поводу, мы спросим об этом Сафонову. А то, что она скажет, вы подтвердите?

СМИРНОВ. Это смотря по тому, что она будет говорить. На очной ставке я согласился не со всем, что она говорила.

ВЫШИНСКИЙ. Вы заранее говорите, что Сафонова не всегда говорит все, что соответствует действительности?

СМИРНОВ. Вы заранее меня об этом спрашиваете. На последней очной ставке в августе я говорил, что возможно не все будет мною подтверждено.

ВЫШИНСКИЙ. Во всяком случае проверим через Сафонову. Придется только констатировать, что единодушно подтверждают Тер-Ваганян, Зиновьев и Мрачковский, о том, что вы отстаивали идею террора, привезя эту мысль или директиву, или личное мнение Седова, которое было воспринято безусловно, как установка Троцкого, из Берлина. Этому можно подвести итог?

СМИРНОВ. Это не я должен подводить итоги. Итоги подведут другие.

ВЫШИНСКИЙ. Конечно, итоги подведет суд. Но на этом этапе нашего процесса, вы считаете установленным этот факт. Вы говорите, что такие разговоры вели с одной Сафоновой и вы их восприняли не как директиву?

СМИРНОВ. Да, не как директиву.

ВЫШИНСКИЙ. Хотя Зиновьев уличает нас в обратном.

СМИРНОВ. Зиновьев меня уличить не может. У меня с ним связи никакой не было.

ВЫШИНСКИЙ. Он подтверждает, что вы горячо отстаивали необходимость террора.

СМИРНОВ. Зиновьев может очень многое утверждать.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

СМИРНОВ. Потому что он Зиновьев, потому, что он часто говорит неправду.

ВЫШИНСКИЙ. А, вы?

СМИРНОВ. О себе я говорить не хочу.

ВЫШИНСКИЙ. Хорошо, спросим других.

ВИШИНСКИИ. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый Смирнов, в ваших показаниях от 5 августа, ~~написанном~~ на последней странице, лист 104, 29 том говорится следующее:" и признаю, что Тер-Ваганян с моего ведома от имени троцкистской группы вел переговоры с леваками и (не сильно) заключил с Каменевым и Зиновьевым и группой левых блок для совместной борьбы с ВКП(б) и в основу этого блока была положена директива Троцкого о терроре против руководства ВКП(б) и советского правительства. Вы подтверждаете это?

СМИРНОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы подтверждаете, что Тер-Ваганян от вашего имени вел переговоры с Зиновьевым и Каменевым, заключив с ними блок на базе признания террора и что в основу этого была положена директива Троцкого?

СМИРНОВ. Да, подтверждаю.

ВИШИНСКИЙ: Подтверждаете ли Вы свое показание от 13 августа о том, что именно за организацию этого центра (блока) на основе террора Вы несете полную ответственность.

СМИРНОВ: Я несу ответственность за участие в этом блоке.

ВИШИНСКИЙ: Несете ли Вы полную ответственность за организацию блока на основе директивы Троцкого о терроре.

СМИРНОВ: Разрешите мне тогда подробно ответить.

ВИШИНСКИЙ: Ответьте коротко - да или нет.

СМИРНОВ: Нет, полностью нет.

ВИШИНСКИЙ: на допросе 13 августа Вы сказали, что несете полную ответственность, а теперь говорите, что не полную.

СМИРНОВ: директива Троцкого была передана Зинирьеву и была положена в основу нашей деятельности.

ВИШИНСКИЙ: Вы подтверждаете, что была получена директива.

СМИРНОВ: Да.

ВИШИНСКИЙ: Значит уже не личное мнение, как Вы говорите, а директива.

СМИРНОВ: Я говорил о своем мнении в 1931 г., а эта директива 1932

ВИШИНСКИЙ: Я тоже говорю о 1932 г. Эта директива была принята.

СМИРНОВ: Да была принята.

ВИШИНСКИЙ: Была принята центром.

СМИРНОВ: Она была принята блоком.

ВИШИНСКИЙ: А центр ее обсуждал.

СМИРНОВ: Центр, как таковой, ее не обсуждал.

ВИШИНСКИЙ: Но она была известна центру.

СМИРНОВ: Да.

ВИШИНСКИЙ: Значит и была принята центром

СМИРНОВ: Это не совсем верно.

ВИШИНСКИЙ: Вы были членом центра.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит была эта директива принята и Вами.

ОМИРНОВ: Я передал ее, но сам с ней был не согласен.

ВЫШИНСКИЙ: За центр Вы отвечаете.

ОМИРНОВ: За центр я несу ответственность до момента своего ареста.

ВЫШИНСКИЙ: центр был организован на основе террора.

ОМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит несете полную ответственность.

ОМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Больше у меня вопросов нет.

УЛЬРИХ: У кого есть вопросы.

БАКАЕВ: У меня есть вопрос к Мрачковскому.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

БАКАЕВ: Вы сказали, что при разговоре с КАМЕНЕВЫМ — он Вам сообщил что организация теракта против Кирова была поручена Бакаеву.

МРАЧКОВСКИЙ: Каменев мне передал о том, что Бакаев ведет работу по организации теракта в Ленинграде.

БАКАЕВ: Когда это было.

МРАЧКОВСКИЙ: Это было летом 1934 г.?

БАКАЕВ: Вы можете сказать месяц.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы когда ездили в Ленинград.

БАКАЕВ: Осенью.

ВЫШИНСКИЙ: Для какой цели.

БАКАЕВ: Для проверки готовности организации убийства Кирова.

ВЫШИНСКИЙ: Значит — ездили и проверяли, так в чем же дело.

БАКАЕВ: Это было осенью, а Мрачковский здесь говорил о разговоре с Каменевым, который происходил летом, когда никто никакого предложения мне не делал.

58 75

МРАЧКОВСКИЙ: Я еще раз повторяю, что мне Каменев говорил о том, что Бакаев ^{ведет} ~~ищет~~ работу по подготовке террористического акта. Это было летом. Ездил ли Бакаев туда, он мне не говорил.

ВУЛИНСКИЙ: Вы, Бакаев, летом вели подготовку к убийству Кирова. Когда вам было дано поручение.

БАКАЕВ: Осенью.

ВУЛИНСКИЙ: По этому не вели разговора.

БАКАЕВ: Нет.

ВУЛИНСКИЙ: А Мрачковский заявляет, что вы разговаривали. /Обращается к Каменеву/. Вы дали поручение по подготовке к убийству Кирова.

КАМЕНЕВ: Осенью.

ВУЛИНСКИЙ: Осенью в лице Бакаева дали поручение вместе с Евдокимовым отправиться в Ленинград и проверить, насколько успешно идет подготовка троцкистско-зиновьевской группы в связи с убийством Кирова. Правильно, вы подтверждаете.

КАМЕНЕВ: Да, правильно.

ГОЛЫМАН: Мрачковский говорил, что мною был написан вопрос Троцкому насчет террора /не ошибно/.

МРАЧКОВСКИЙ: Вы путаете. Смирнов писал письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об этом идет речь, что вы привезли письмо Троцкому, а обратно директиву.

ГОЛЫМАН: Это был доклад Смирнова.

ВУЛИНСКИЙ: Открытый доклад.

ГОЛЫМАН: Доклад в открытом конверте.

В в документах

см 59-81

19 viii

4 мр. 3 асг.

ВЫШИНСКИЙ: Что значит открытый доклад.

ГОЛЫЦЫН: Письмо закрытое в конверте, я не могу этого знать.

ВЫШИНСКИЙ: Вы знали или не знали содержания. Вы письмо перевезли.

ГОЛЫЦЫН: Перевез.

ВЫШИНСКИЙ: Вот в этом деле мы вас обвиняем.

ПРЕДСЕДИТЕЛЬ: Вопросов больше нет.

Подсудимый Евдокимов: Показания 10 августа вы подтверждаете.

ЕВДОКИМОВ: Я подтверждаю полностью все показания, которые дал на предварительном следствии. Часть показаний не вошло в предварительное следствие и я сообщу их дополнительно.

ВЫШИНСКИЙ: Вы были членом центра.

ЕВДОКИМОВ: Да, был.

ВЫШИНСКИЙ: Вы знали, что центр подготавливает убийство руководителей партии.

ЕВДОКИМОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Что хэварил готовили убийство Орджоникидзе, Кланова Кагановича.

ЕВДОКИМОВ: Кланова не знаю, а Орджоникидзе, Кагановича да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы лично одобряли подготовку этих убийств.

ЕВДОКИМОВ: Я согласен был с ними.

ВЫШИНСКИЙ: Вы принимали участие и считали, что нужно пойти на путь убийств.

ЕВДОКИМОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы признаете, что при вашем содействии было подготовлено убийство Кирова.

ЕВДОКИМОВ: Да, признаю.

Маш. вг.
Ст. вп.

- 47 -

- ВЫШНСКИЙ: - На суде в Ленинграде 15-16 января 1936 г. Вы, также стоя перед судом, как сейчас, категорически утверждали, что никакого отношения к этому убийству не имели. Вы говорили неправду тогда.
- ИЗДОУМОВ: - Да, я обманул суд.
- ВЫШНСКИЙ: - Думали, что обманули. В действительности обман не удался, сейчас он вскрыт.
- ИЗДОУМОВ: - Да.
- ВЫШНСКИЙ: - Что Вам известно конкретно об организации убийства С.М. КИРОВА. Скажите конкретно - по пунктам (когда решение было принято и т.д.).
- ИЗДОУМОВ: - Участники процесса так называемого Ленинградского центра контрреволюционной, подпольной, зиновьевской организации скрыли от суда, что убийство С.М. КИРОВА произведено Ленинградским террористическим центром, троцкистско-зиновьевской организацией; { о троцкистах, как Вы знаете, тогда не говорили) по прямой директиве об "единенного террористического центра троцкистской-зиновьевской организации".
- ВЫШНСКИЙ: - Какое отношение к этому делу имел ТРОЦКИЙ.
- ИЗДОУМОВ: - Мне было известно, из сообщений ПРАЧЕВСКОГО и других членов центра, что установили на террор исходили от ТРОЦКОГО, что чем дальше, тем настойчивее ТРОЦКИЙ требовал форсирования уже принятых троцкистами и нами установок на террор против руководителей партии и правительства. В 1932 г., приблизительно во середине лета, мне САХОНСКАЯ предложила познакомиться с И.Н. СМЕРНОВЫМ, и до этого сам СМЕРНОВ, с которым мы часто встречались в совнаркомовской столовой, говорил...
- ВЫШНСКИЙ: - Вы в столовой встречались с СМЕРНОВЫМ.

- 48 -

БЕДОКШИНОВ: - Встречался.

ВЫЛИНСКИЙ: - И разговаривали. ²

БЕДОКШИНОВ: - Мы там встречались, но не в тихом уголке, о котором говорили.

ВЫЛИНСКИЙ: - Вы значит разговаривали без тихого уголка. Но разговаривали.

СМИРНОВ: - Мы с ним встречались, улаживались, где говорить. По существу в столовой мы не разговаривали. СМЕРНОВ несколько раз говорил, что пора нам поговорить.

ВЫЛИНСКИЙ: - О чем Вы со СМЕРНОВЫМ разговаривали.

БЕДОКШИНОВ: - После того как мы условились с ним увидеться и после того, как Шура САЛОНОВА однажды передала мне приглашение с указанием точно места и времени, где мы могли увидеться, я поехал туда. Я точно не помню, одновременно или не одновременно с САЛОНОВОЙ мы приехали, - тут это неважно. Я приехал на пароциру к СМЕРНОВУ. Мы с ним условились поехать для переговоров к МРАЧКОВСКОМУ в вагон.

ВЫЛИНСКИЙ: - Когда это было.

БЕДОКШИНОВ: - Это было в середине 1932г. (июль-август). Приехав в вагон к МРАЧКОВСКОМУ, я там застал ТИР-ВАГАННА. Сначала разговоры шли на несколько посторонние темы, затем перешли на разговоры о положении в стране.

~~ВЫШНСКИЙ~~ -

ЕВДОКИМОВ - Я не буду подробно останавливаться на том, как шло пропускание взаимнастроений, но выяснилось, что мы одинаково оцениваем и положение в стране и перспективы нашей будущей, т.е. оппозиционеры к этому времени скатились на контр-революционные позиции. Мрачковский заявил, что все надежды, которые мы возлагали...

ВЫШНСКИЙ - О том, что заявил Мрачковский мы слышали, вот что Смирнов заявил?

ЕВДОКИМОВ - Он был там, Смирнов, когда Мрачковский мне сообщил о том, что от Троцкого получена директива об организации терактов против руководителей партии и правительства. Смирнов подтвердил, что такая директива получена.

ВЫШНСКИЙ - Как он отнесся к ней?

ЕВДОКИМОВ - Против аргументов, которые развивал в защиту террора Мрачковский, Смирнов не возражал, а напротив поддерживал..

ВЫШНСКИЙ - Значит, был за террор.

ЕВДОКИМОВ - За террор.

ВЫШНСКИЙ - Смирнов, было так, или нет?

СМИРНОВ - Могу сказать как было. Было не так. Действительно мы с Евдокимовым условились встретиться в вагоне у Мрачковского и мы вместе в одной машине уехали к Сергею Витальевичу. Это было в середине лета 1932 года. Но мы там встретили в вагоне не Тер-Баганяна как было условлено, а встретили Сафарова, в присутствии которого Евдокимов от разговора уклонился. Это обстоятельство было известно на ленинградском процессе 13 января 1936 года.

Разговора такого, о котором говорит Мрачковский не было и Ваганяна в вагоне не было, а был Сафаров.

ВЫШИНСКИЙ - Значит вы отрицаете разговор о терроре в вагоне Мрачковского.

СМИРНОВ - Да, отрицаю.

~~ВЫШИНСКИЙ~~ - Мрачковский, как?

МРАЧКОВСКИЙ - Я хочу внести одну деталь. Уже по существу после разговора Евдокимова ко мне пришел Сафаров и т.к. Евдокимов и Сафаров личные враги или неприятели, то разговор об этом не окончился. Евдокимов и Смирнов уехали, а Сафаров остался.

ВЫШИНСКИЙ - А до Сафарова, когда в вагоне были Евдокимов и Смирнов, был разговор о терроре?

МРАЧКОВСКИЙ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Смирнов поддерживал разговор?

МРАЧКОВСКИЙ - Целиком и полностью. Ваганян не помню - был или нет.

ВЫШИНСКИЙ - Ваганян, вы не помните?

ТЕР-ВАГАНЯН - Я был в вагоне у Мрачковского всего один раз, когда он уезжал, в самый последний день. Никаких абсолютно Евдокимовых там не было. ~~ВЫШИНСКИЙ~~

ВЫШИНСКИЙ - Вероятнее всего вас не было, а был Сафаров. Евдокимов со Смирновым до прихода Сафарова вели разговор с Мрачковским о терроре, так показывают Евдокимов и вы Мрачковский.

МРАЧКОВСКИЙ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - А Смирнов отрицает?

СМИРНОВ - Отрицаю. Мы в вагоне захватили Сафарова, он поздно приехал.

ЕВДОКИМОВ: Времени прошло так много, что действительно в деталях можно напутать. Я великолепно помню содержание разговора и великолепно помню, что Ваганян был. Вот пример того, как можно забыть детали. Сафонова с нами по дороге ехала, но, несмотря на уговоры, по дороге сошла, а кто-то из участников говорит, что она была.

ВЫШИНСКИЙ: ^{Мрачковский} А Смирнов был?

ЕВДОКИМОВ: Был.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов был?

ЕВДОКИМОВ: Был.

ВЫШИНСКИЙ: Вели переговоры о терроре и Смирнов поддерживал террор?

ЕВДОКИМОВ: Да.

Самое наличие предварительного разговора со Смирновым относительно необходимости сговориться говорит о том, что у той и другой группы к этому времени была взаимная тяга соединить силы. Мне Зиновьев не раз говорил относительно того, что троцкисты, повидимому, действуют гораздо энергичнее, чем мы, что у них, повидимому, если не больше сил, то во всяком случае больше инициативы и смелости. Последнего разговора со Смирновым о необходимости переговорить, я сказал Зиновьеву, что Смирнов предлагает поговорить и что вы понимаете, что это будет не разговор Евдокимова и Смирнова, а разговор двух организаций и как вы это понимаете. Зиновьев, который говорил относительно того, что троцкисты действуют инициативнее и энергичнее,

чем мы, тут немного поколебался. Правда, что он, как он говорил на процессе, человек не твердых решений, но человеку ~~ане~~ не твердых решений нельзя было стоять во главе борьбы против правительства и партии. Слишком большая это была смелость. Но после обмена мнениями он решил, что перегово- рить надо.

Надо сказать, что к тому времени настроение у троц- кистов было уже не только неграни признания необходимости перехода к террористическим методам борьбы против партии, - это слово только не выговаривалось, говорили о дворцовом перевороте, о невозможности изменения нашего положения, о невозможности прихода к власти до тех пор, пока ^{жив} идущий Ста- лин, не выговаривали только слово - индивидуальный террор.

ВЫШИНСКИЙ: Когда это было?

ЕВДОКИМОВ: Перед свиданием со Смирновым. Но мы уже ходили не на грани этого, а обоими ногами стояли на необхо- димости перехода к террористическим методам борьбы. Перед самым свиданием со Смирновым, собственно говоря, настрое- ния эти были настолько ясны, что в нашей среде уже молчали- во это признавали, дажен не молчаливо, а переход к терро- ру был общим настроением.

Когда Мрачковский передал мне относительно того, что они имеют директиву от Троцкого, мало того, что они стоят на точке зрения этой директивы Троцкого, еще приблизительно с 1930-31 года, когда я ему сообщил о наших настроениях, мы тут же решили об"единить силы и приступить к организа- ции законспирированных террористических групп. Так как я один не мог принять таких решений, хотя я был уверен в

66 84
- 52/а -

том, что наши настроения совпадают с настроениями тогдашнего зиновьевского центра, я на другой день сообщил об этом Зиновьеву.

ЕВДОКИМОВ. После разговоров с Каменевым, который тоже согласился с этим, состоялось совещание в Ильинском на даче, где Каменев и Зиновьев жили в то время вместе. На этом совещании присутствовали: Карев, Зиновьев, Каменев, я - Евдокимов, Бакаев. Зиновьев на этом совещании информировал присутствующих о положении дел, заметив, что собственно говоря, что блок уже является фактом. Развивал аргументацию, опять таки до этого нам известную, относительно неизбежности перехода к этим методам. Почему и как мы докатились до этого, я скажу далее в своей защитительной речи, если ее можно будет назвать защитительной.

На этом совещании решено было об"единить силы в Москве и Ленинграде, преступить к созданию закоспирированных террористических групп. На этом же совещании решено было, а потом проведено в жизнь образование московского и ленинградского центров, для об"единения групп. На этом же совещании в Ильинском в 1932 году прямо говорилось о необходимости террора впервые очередь, против Сталина и Кирова.

МИНИНСКИЙ. Где происходило это совещание.

ЕВДОКИМОВ. На даче у Зиновьева и Каменева. Так, что, когда в 1934 году происходило то, о чем рассказывал здесь Бакаев, дело шло не о новом террористическом акте, заново решенном, а дело шло о вопросе, давно уже решенном и только временными обстоятельствами отсроченным своим выполнением. Этими временными обстоятельствами были: провал Зиновьева и Каменева с Рютинской историей и их ссылка. Необходимо было некоторое время по возвращении их подождать, чтобы хоть немножко реабилитировать себя, потому что в этой обстановке террористический акт, по нашему мнению, таил в себе опасность того, что нити приведут сразу к нам. Но даже в том случае, если этого не будет, тех результатов, которых мы ожидали от террористических актов вообще, а я буду говорить об этом потом, т.е. прихода нашего к власти, этих результатов в той обстановке нельзя было ожидать, ибо Зиновьев и Каменев были серьезнейшим образом скомпрометированы и прямо об"явлены врагами партии и рабочего класса.

Итак, на этом совещании в Ильинском были приняты те решения, о которых я говорил. После этого в Москве был создан московский центр. Был намечен еще состав всесоюзного об"единенного центра. В этот состав должны были войти и потом вошли - Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Сокольников. От троцкистов - Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян. В московский центр по об"единению групп вошли: Бакаев, Гертик, Рейнгольд, Дрезер, Тер-Ваганян.

ИЛЬИНСКИЙ. А Пикель?

ЕВДОКИМОВ. Это особо. Я сейчас скажу.

ИЛЬИНСКИЙ. Это был особый центр?

ЕД

ЕВДОКИМОВ. В этом московском центре, который должен был вести работу по об"единению сил, по созданию террористического центра, состояли: Бакаев, Рейнгольд, Пикель, Дрезер.

НТ/ЛК

- 55 -

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте спросить Бакаева. Обвиняемый Бакаев, Вы подтверждаете это.

БАКАЕВ: Многое из того, что говорит Евдокимов — не подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: А что подтверждаете.

БАКАЕВ: Во время этого совещания Зиновьев сказал, что троцкисты по предложению Троцкого приступили к организации убийства Сталина, что мы должны считать для себя делом чести взять инициативу дела убийства Сталина в свои руки.

ВЫШИНСКИЙ: Это говорил Зиновьев.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Зиновьев говорил, что Вы должны были взять инициативу.

БАКАЕВ: На этом совещании было поручено мне организовать в Москве террористический акт против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы это на себя взяли.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Продолжайте дальше, обвиняемый Евдокимов.

~~БАКАЕВ~~ ЕВДОКИМОВ: Вот этим объединением Воссоединим террористическим троцкистско-зиновьевским блоком и было организовано и проведено убийство С.М. Кирова.

ВЫШИНСКИЙ: Вы расскажите об обстоятельствах, которые предшествовали этому убийству.

ЕВДОКИМОВ: Вы интересуетесь только фактической стороной.

ВЫШИНСКИЙ: Желательно знать фактическую сторону.

ЕВДОКИМОВ: Я повторяю, что решение это было принято в 1932 году на даче в Ильинском.

ВЫШИНСКИЙ: Кому это было поручено.

ЕВДОКИМОВ: Летом 1934 г. на квартире у Каменева.

ВЫШИНСКИЙ: Где.

ЕВДОКИМОВ: Карманицкий пер. Состоялось совещание, на котором присутствовали Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Сокольников, Тер-Ваганян, Рейнгольд и Бакаев. На этом совещании было принято решение форсировать

№ 3
70 88

- 56 -

убийство С.М. Кирова.

ВИШНЯНСКИЙ: Так прямо и говорилось "форсировать убийство С.М. Кирова".

ЕВДОКИМОВ: Да, так говорилось.

ВИШНЯНСКИЙ: Я этот вопрос поставил потому, что в 1932 году собственными именами свои преступления наша группа не называла.

ЕВДОКИМОВ: А вот в это время, о котором я сейчас говорю, наша группа перешла на откровенный язык. Вот на этом совещании на квартире Каменева мы определенно решили осуществить намеченный нами план, т.е. убить Кирова.

ОП/ЕМ

- 67 -

момента самого совещания. Мы поддерживали эти настроения и после совещания, в вагоне Мрачковского. Мы эти сообщения поддерживали. Они пали на почву вполне подготовленную.

ИЛИНСКИЙ: Вы собирались на квартире у Каменева в Карманном переулке и что же там говорилось.

ЕВЛОКИНОВ: На этом совещании говорилось, что нужно форсировать проведение решений ранних актов против Сталина и Кирова. Мотивировалось это тем, что обстановка создается такая, что снова усиливается недоверие к виновным. Это недоверие выразилось десятками раз. Это выразил Зиновьев/из редакции "Большевика", где указывалось на то, что Зиновьев прав, когда он нажимает на необходимость форсирования совершения убийства. Говорилось о том, если мы будем медлить, то -вопервых-, такая история не может длиться без конца, грозит провалом, разоблачением нас еще до того, как будет нанесен решительный удар, наконец оценки положения в стране. В противном случае картина-драматическая-сводилось к тому, что тут всякая надежда на то, что мы можем прийти другими какими нибудь путями и власти, что в этих надеждах нужно покончить. Поскольку дело идет только о фактической стороне, я ограничусь указанием решения этого совещания. На этом совещании решено было форсировать проведение террористических актов против Сергея Мироновича Кирова и Сталина. Накаев прав, когда он говорит/относительно того, что решение это было относительно организации убийства Сталина в Москве, принятом еще в Ильинском. Тут разногласия нет. Я только повторяю, что это решение 1934 г. не было новым решением. Это было форсирование проведения террористических

- 58 -

отических актов, которые были намечены заранее. Это было летом 1934 года, точно месяца не помню. Бакаеву тогда было поручено организовать проведение террористических актов против Сталина в Москве и Кирова в Ленинграде.

Я покаместь буду говорить, как мне предлагал прокурор, только относительно дела об убийстве Сергея Мироновича Кирова.

ВЫШНСКИЙ: Да, я прошу вас.

ВЫШНСКИЙ: Мне известно, со слов Бакаева, что он осенью 1934 г. ездил с целью проверить как идет подготовка террористического акта против Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде о кем то, т.е. троцкистских боевиках. Семейно он или не называл, или я не помню.

Маш.вг.
Ст. мп.

- 59 -

... О том, как идет подготовка, я узнал в конце октября или в начале ноября. Чтобы суду не показалось странным, почему решение принято летом, а я интересуюсь этим вопросом только в октябре, я должен сообщить, что в сентябре и первой половине октября я был в отпуску. Когда я приехал из отпуска, БАКАЕВ при одной встрече со мною (а встречались мы с ним каждый день в совнаркомовской столовой и когда ^{надо} было поговорить, мы шли в Александровский сквер, выбирали там уединенное местечко и беседовали) сообщил следующее о ходе подготовки к террористическому акту против С.М. КИРОВА: в Ленинграде, как я уже говорил, был организован ленинградский террористический центр. В этот центр входили: КАТАЛЬНОВ, МАНДЭЛЬШТАМ, РУМЯНЦЕВ, ТОЛМАЗОВ, СОСИЦКИЙ, МЯСНИКОВ, НИКОЛАЕВ, ЛЕВИН и ряд других лиц, которые проходили по процессу ленинградского центра. Надо еще упомянуть, что в этот центр входил от троцкистов активнейший троцкист - Николай ~~ШАЦКИН~~ ШАЦКИН, который тоже проходил по процессу. При этом центре было организовано несколько террористических групп, которые вели наблюдение за С.М. КИРОВЫМ. Я знаю из них только группы: ХАНИГА, НИКОЛАЕВА и СОКОЛОВА. Группа ХАНИГА вела наблюдение за квартирой КИРОВА; она была вооружена револьверами, другого оружия (бомб и т.п.) у них не было; боевики - террористы все время тренировались в стрельбе. СОКОЛОВ и НИКОЛАЕВ вели наблюдение за проездами КИРОВА мимо трамвайной остановки, которая недалеко от квартиры С.М. КИРОВА. Тем, кто знает этот район, известно, что эта остановка довольно оживленная, там постоянно много народа на остановке, машины часто вынуждены замедлять ход при проезде в этом месте. Этим обстоятельством и хотели воспользоваться террористы - боевики. Кроме того НИКОЛАЕВ и СОКОЛОВ вели наблюдение за КИРОВЫМ из квартиры,

- 80 -

расположенной недалеко от Смольного. Они наблюдали за временем приезда
и отъезда КИРОВА и ^{высказали} ~~примечания~~ удобный момент для того, чтобы совершить
террористический акт, воспользовавшись случаем, когда КИРОВ приезжает
или уезжает, останавливается, с кем никуда разговаривает, выходит из ма-
шины и т.д.

ЕВДОКИМОВ — Кроме этого Николаев искал и других возможностей для совершения теракта. Он пробивал проникнуть на партийный актив, на котором Сергей Миронович делал доклад, он до этого пробивал добиться, чтобы его принял Сергей Миронович. Одним словом, террористы были готовы и искали использовать любой повод, любую, хоть сколько нибудь благоприятную обстановку для совершения теракта. В самом Смольном слежка за Сергеем Мироновичем Кировым велась Мясниковым, тоже, как я назвал, участником ленинградского центра. Это ему облегчало то обстоятельство, что Мясников был в это время заведующим административно-хозяйственным отделом ленинградского совета или облисполкома, скорее всего совета. Работал он в здании самого смольного.

Ленинградский центр, как мне сообщил Бакаев, был уверен в том, что теракт не только удастся, но им удастся и замести следы, что подозрение на них не падет, ибо такие члены ленинградского центра как Левин, Румянцев, Мясников, Мандельштам занимали довольно ответственные посты и были вне подозрений со стороны партийного руководства. То же самое и по отношению к остальным. Они считали, что и остальные находятся, такие как Каталинков, который в это время учился, ^{Сосицкий} ~~Сосицкий~~, Толмазов, что они также находятся вне подозрений.

Вот, что Бакаев сообщил мне в конце октября или начале ноября о ходе подготовки или покушения на Сергея Мироновича Кирова. Больше об обстоятельствах совершения самого теракта я сообщить ничего не могу. Если будут дополнительные вопросы...

ВЫШНСКИЙ — Мне интересно вот что знать: убийство Сергея Мироновича Кирова было подготовлено центром?

ЕВДОКИМОВ — Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вы лично принимали участие в этой подготовке ?

ЕВДОКИМОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вместе с вами принимали участие в подготовке, по вашим словам, Зиновьев и Каменев ?

ЕВДОКИМОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - По поручению центра Бакаев ездил в Ленинград проверять ход подготовки там на месте ?

ЕВДОКИМОВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Вернувшись из Ленинграда, он сообщил о своих впечатлениях по этому вопросу.

ЕВДОКИМОВ: Это было во время моего отпуска, но из того, что мне передавал Бакаев, и затем из разговоров, которые я имел с Каменевым и Зиновьевым, мне ясно было, что Бакаев информирован.

ВЫШИНСКИЙ: Говорил ли тогда Бакаев о своей встрече с Николаевым, убийцей С.М. Кирова?

ЕВДОКИМОВ: Да, он сказал, что во время поездки он связался с членами центра и, в частности, с Николаевым. Николаева я раньше знал. Мне на следствии предъявлена была его карточка и по карточке я его узнал. Я знал его по периоду 1925-1926 г.г.

ВЫШИНСКИЙ: Вы рассказывали Бакаеву о встрече с Николаевым?

ЕВДОКИМОВ: Он говорил относительно того, что в распоряжении Ленинградского центра имеется группа боевиков-террористов, которые ведут слежку, что среди этих групп есть группа Николаева.

ВЫШИНСКИЙ: А говорил ли Бакаев, что он договорился с Николаевым об убийстве С.М. Кирова?

ЕВДОКИМОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: (Обращается к Бакаеву). Вы в Ленинграде виделись с Николаевым?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: По поводу убийства С.М. Кирова договаривались?

БАКАЕВ: Мне не нужно было договариваться, потому, что директива была дана Зиновьевым и Каменевым.

ВЫШИНСКИЙ: Но Вам говорил Николаев, что он решил совершить убийство С.М. Кирова?

БАКАЕВ: Он и другие террористы - Левин, Мандель-

шрам, Котолынов.

ВЫШИНСКИЙ: Румянцев, Сосицкий?

БАКАЕВ: Румянцев, Сосицкий.

ВЫШИНСКИЙ: Николай Шацкий?

БАКАЕВ: Нет. Иванидов

ВЫШИНСКИЙ: Леонидов?

БАКАЕВ: Его отдельно пригласили.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, у вас была не одна бригада, а несколько?

БАКАЕВ: По-моему, в Ленинградский центр Николаев не входил, он был приглашен потом. Когда я спросил Левина, кому непосредственно было поручено выполнение убийства С.М. Кирова, он назвал фамилию Николаева.

ВЫШИНСКИЙ: Вас связали с Николаевым?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Разговор был об убийстве Сталина?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Он изъявил свою решимость? А вы как относились к этому?

БАКАЕВ: Положительно.

ВЫШИНСКИЙ: Вы предложили ускорить?

БАКАЕВ: В мою задачу входило все выяснить степень подготовленности, характер, настроение людей. Так как мне же было поручено организовать убийство Сталина, а все говорили относительно того, что убийство Сталина и Кирова должно быть проведено одновременно, убийство Кирова или какого-нибудь второстепенного работника не имело смысла, если Сталин остается, нужно было убрать сразу Сталина и Кирова. Такая установка была и Зиновьева, и Каменева, и Евдокимова, и всего троцкистско-зиновьевского центра, насколько я знаю с их слов.

ВЫШИНСКИЙ: Вы это проверили?

БАКАЕВ: Я обязан был проверить настроение, готовность и затем я же должен был знать степень подготовленности террористического акта против Сталина. Я должен был сообщить, что они могут приступить к исполнению теракта.

ВЫШИНСКИЙ: Вы это выполнили?

БАКАЕВ: Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сообщили?

БАКАЕВ. Нет не успел, сорвалось.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы проверку в Ленинграде произвели?

БАКАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. По моему впечатлению все было в порядке с точки зрения подготовки?

БАКАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Подготовка была организована достаточно внушительно?

БАКАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы об этом говорили?

БАКАЕВ. Говорил Ендокимову и Каменеву.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Каменев, скажите пожалуйста, вы подтверждаете этот разговор?

КАМЕНЕВ. Подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Возвратившись из Ленинграда, Бакаев передал вам свои впечатления о подготовке к убийству т. Кирова?

КАМ

КАМЕНЕВ. Передал.

ВЫШИНСКИЙ. Что он вам передал?

КАМЕНЕВ. Он сказал, что организация подготовлена к совершению удара, и что удар этот последует.

ВЫШИНСКИЙ. А, вы, как к этому отнеслись?

КАМЕНЕВ. Удар был задуман и подготовлен по постановлению центра, членом которого я был и я это рассматривал как выполнение той задачи, которую мы себе ставили.

ВЫШИНСКИЙ. Вопросов к Ендокимову нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перерыв на 3 часа.

Заседание 2^е

19го верн.

Дрейер стр 82 - 117

Рейнвальд стр 118 - 155

Бакаев стр 156 - 173

Пикелб стр 174 - 185

Дружок am 82-117

19ten Ber.

СТЕНОГРАММА

СУДЕБНОГО ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА ССР

19 августа 1936 года.

КОМЕНДАНТ: Суд идет, прошу встать!

УЛЬРИХ: Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.
ПОДСУДИМЫЙ ДРЕЙЦЕР!

ТЕР-БАГАНИН: Простите, у меня есть вопрос к ЕВДОКИМОВУ.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ТЕР-БАГАНИН: ЕВДОКИМОВ в своем показании на суде, также записано и в обвинительном заключении) сказал, что на совещании в 1934 году, на котором обсуждался вопрос об убийстве КИРОВА, также присутствовал и я. И утверждаю, что это неверно и прошу суд разрешить мне задать несколько вопросов, присутствовавшим в то время на том совещании.

В 1934 году с ЕВДОКИМОВЫМ я встречался всего 1 раз в марте м-це.

УЛЬРИХ: Вы просили меня, чтобы я разрешил Вам задать вопрос Евдокимову, Вы его задали ему или нет.

ТЕР-БАГАНИН: Я на совещании, о котором идет речь, не присутствовал и никаких сведений о нем не имел, это я могу доказать.

УЛЬРИХ: Вы просили слово - задать вопрос Евдокимову, а сами да-ете объяснения.

ТЕР-БАГАНИН: У меня есть возражения по поводу показаний Евдокимова и Вы мне сказали, что во время его допроса я могу это ви-яснить. И еще раз повторяю, что на совещании, о котором говорит Евдокимов, я не присутствовал.

УЛЬРИХ: Подсудимый Евдокимов, Вы подтверждаете свое показание о том, что Вы видели Тер-Баганина на совещании.

ЕВДОКИМОВ: Да.

УЛЬРИХ: Когда это было.

ЕВДОКИМОВ: Летом 1934 года.

УЛЬРИХ: Где это было.

ЕВДОКИМОВ: На квартире Каменева.

УЛЬРИХ: На даче или в городе.

ЕВДОКИМОВ: В городе.

ТЕР-ВАГАНЯН: Тогда я попрошу Суд спросить ряд людей, которые присутствовали на этом совещании. И заявляю, что с Каменевым я встречался всего два раза в издательстве "Академия", после этого никогда ни разу нигде с Каменевым в 1934 году я не встречался. Прошу об этом спросить Каменева.

УЛЬРИХ. Обвиняемый КАМЕНЕВ, ответьте на вопрос.

КАМЕНЕВ: Да, мы встречались в издательстве "Академия", но Тер-Ваганян также был у меня на совещании.

ВИШИНСКИЙ: Тер-Ваганян, по показаниям Каменева Вы были у него на квартире и принимали участие в совещании, где также был и Евдокимов, об этом говорит в своих показаниях Евдокимов. Обвиняемый Евдокимов, Вы это подтверждаете.

ЕВДОКИМОВ: Да.

ВИШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, то, о чем говорил Евдокимов, а также о том, что на совещании у Вас присутствовал Тер-Ваганян, - Вы подтверждаете.

КАМЕНЕВ: Да.

ТЕР-ВАГАНЯН: В 1934 году я с МРАЧКОВСКИМ ни разу не встречался нигде.

УЛЬРИХ: Обвиняемый Тер-Ваганян, Вы взяли слово, чтобы задать ряд вопросов, а сами даете объяснения, поэтому прошу Вас говорить об этом, когда Вас будут допрашивать, а это будет, по видимому, завтра.

ТЕР-ВАГАНЯН: С Мрачковским в течение 1934 года я ни разу не встречался - может ли он это подтвердить.

83
102

103

ОП/ЕМ.

- 3 -

Подсудимый Евдокимов, Мрачковский был на совещании, о котором идет речь.

ЕВДОКИМОВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит вопрос излишен и я его отвожу.

ТЕР-АГОНИИ: Я задам вопрос Зиновьеву. Может ли Зиновьев подтвердить, что я с ним в 1934 году встречался только один раз и то в редакции "Большевика".

ЗИНОВЬЕВ: В редакции "Большевика" встречался со мною, я могу подтвердить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А в других местах встречался.

ЗИНОВЬЕВ: Не помню.

ТЕР-АГОНИИ: Еще один вопрос: я с Бакаевым первый раз в жизни встречался здесь, кроме тех съездов, где я встречался. Я прошу подтвердить Бакаева, встречал ли он меня на совещании хотя бы в 1934 году.

БАКАЕВ: Я сам не был на этом совещании и ничего поэтому подтвердить не могу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь. Вас еще будут допрашивать.

Больше ни у кого нет вопросов к Евдокимову.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Дрейцер вы подтверждаете все показания, которые давали в июле этого года.

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫСШИЙ: Скажите, о ваших отношениях в подпольной работе со Смирновым.

ДРЕЙЦЕР: Очевидно в хронологическом порядке связь со Смирновым.

ВЫСШИЙ: Мне только нужно знать, знали ли вы Смирнова по подпольной работе, знали ли вы факты возможно более точные и конкретные.

ПРЕДСЕД.: Я прошу разрешения у суда сделать небольшое замечание, которое поможет моим показаниям, небольшое вводное замечание.

ПРЕДСЕД.: Замечание декларационное или информационное.

ПРЕДСЕД.: Прежде чем говорить о связи, мне хотелось бы остановиться по вопросу о некоторой стеснительности в показаниях обвиняемых. Я должен сказать, что как первый из активных троцкистов, чрезвычайно активных руководителей террористической группы ни в коем случае не потерпел, если бы знал о персифансе, как хотят изобразить в нашей контр-революционной организации. Это была контр-революционная организация централизованная, с подобранными людьми, которые друг другу доверяли, объединенные общей целью, а здесь пытаются изобразить некоторых как будто знали и не знали, делали и не делали. Я хочу сделать указание, что такого положения за весь период моей троцкистской активной деятельности в нашей контр-революционной троцкистско-зиновьевской организации не было. Поэтому стеснительность, как будто говорил и не говорил, знал и не знал — неверно. В особенности это касается Ивана Никитича Смирнова. И я, и другие организаторы этой группы ни в коем случае не потерпели бы неясности. Никого из нас не надо было агитировать, потому что подбор был уже в последующей организации зиновьевский, что агитировать не нужно было. Это были отъявленные зиновьевцы. В этих условиях мы не потерпели бы никакой неясности.

...Здесь СМЕРНОВ пытается изобразить положение, что как будто бы он был и входил не только в троцкистский центр, но и в единый блок зимовьенцев, организованный на базе террористической; он говорит, что он знал об этом. Как же можно допустить в последующем, что он с одной стороны, не признавал террора, а с другой стороны — он сам входил в этот центр, и мало того, что сам...

ВЫШЕНСКИЙ: — Это Ваши умозаключения, а мне нужны факты. Я Вас приглашил дать ответы на мои вопросы. Будьте ласковы, обвиняемый ДРЕЙФЕР, не обвиняйте своих соучастников процесса, а дайте мне объяснения по фактической стороне. Обвинять мы их сумеем самостоятельно, без Вашей помощи. Какие у Вас имеются факты, говорящие о том, что Вы были связаны со СМЕРНОВЫМ и, что СМЕРНОВ был связан с практической террористической деятельностью.

ДРЕЙФЕР: — Я скажу, вот по-этому я и просил у суда разрешения сделать это введение...

ВЫШЕНСКИЙ: — Скажите, когда Вы стали троцкистом, когда и с кем Вы были связаны из троцкистов, какая была Ваша роль в троцкистском подполье, как и с кем Вы разрабатывали террористические планы, как и под чьим руководством Вы собирались эти планы проводить в жизнь.

ДРЕЙФЕР: — Я как раз и перехожу к этой части. В троцкистской организации в качестве активного троцкиста я состою с 1927г.

ВЫШЕНСКИЙ: — Состоите все время и не порывали.

ДРЕЙФЕР: — Состою все время, только в отдельные моменты бывало ослабление деятельности организации, как например, в 1930г., потом был новый подъем моей троцкистской работы.

- 6 -

Основную связь, указания в своей работе я получал через МРАЧКОВСКОГО; в последующем тоже, начиная с 1930г., я поддерживал связь с МРАЧКОВСКИМ и с И.Н.СМИРНОВЫМ.

ВЫШНСКИЙ: - В качестве кого выступал перед Вами СМЕРНОВ.

ДРЕЙФЕР: - В качестве троцкиста, который с двурулической целью, как и мы все, отошел в 1929г..

ВЫШНСКИЙ: - Кто из Вас руководил: Вы СМЕРНОВЫМ или СМЕРНОВ Вами.

ДРЕЙФЕР: - СМЕРНОВ руководил.

ВЫШНСКИЙ: - Значит, Ваши отношения со СМЕРНОВЫМ строились на почве руководства Вашей деятельностью в течение с 1930г. и до...

ДРЕЙФЕР: - ~~идеологически~~ И до ареста.

ВЫШНСКИЙ: - В чем выразилась тогда руководящая роль СМЕРНОВА в Вашей троцкистской деятельности.

ДРЕЙФЕР: - Первое: незадолго до моей поездки по служебным делам в Германию....

ВЫШНСКИЙ: - Когда это было.

ДРЕЙФЕР: - Это было в сентябре-октябре 1931г.

ВЫШНСКИЙ: - Куда Вы ездили, в какой город.

ДРЕЙФЕР: - В Берлин. Я получил задание от СМЕРНОВА связаться с СЕДОВЫМ.

ВЫШНСКИЙ: - Для каких целей.

ДРЕЙФЕР: - Для следующих целей: не говоря о том, что я должен был информировать о составе троцкистского центра, который к тому времени уже существовал, о нашей деятельности по консолидации троцкистских кадров, основная цель моего разговора с СЕДОВЫМ заключалась в том, чтобы получить от ТРОЦКОГО ответ, вернее узнать отношение ТРОЦКОГО к вопросу о блоке с зиновьевцами.

ВЫШНСКИЙ: - Через кого Вы должны были связаться с СЕДОВЫМ.

ДРЕЙФЕР: - И.Н.СМЕРНОВ указал мне пути, как связаться с СЕДОВЫМ в Берлине. Он мне сообщил, чтобы я связался с ГРИН-ВИЦЕМ.

ВЫШНСКИЙ: - Кто такое ГРИН-ВИЦ.

88

107

- 6/a -

ДРЕЙФР: - Он работал в Берлине в издательстве.

ВЫШИНСКИЙ: - В каком издательстве.

ДРЕЙФР: - В издательстве, которое выпускало троцкистские издания за границей.

ВЫШИНСКИЙ: - Название издательства.

ДРЕЙФР: - Название я не помню.

ВЫШИНСКИЙ: - Я Вам напомню - может быть Вы скажете это издательство или нет: "Боллетень оппозиции".

ДРЕЙЦЕР - Да, в том числе и "Баллетень оппозиции".

ВЫШИНСКИЙ - "Баллетень оппозиции" - это что за орган ?

ДРЕЙЦЕР - "Баллетень оппозиции" это орган Троцкого за границей. По приезде в Берлин я купил очередной номер бюллетеня. Помню как сейчас, это было за июль-август номер. Там был адрес и номер телефона издательства. Я позвонил туда, связался с Грилевицем и условился о встрече. Отправился в издательство и там повидался с Грилевицем. Еще перед отъездом Иван Никитович Смирнов мне сообщил пароль по которому Грилевиц должен был меня принять и проверить. Этот пароль заключался в том, что я такой-то назвать себя и сказать, что я имею хорошие вести с родины. Меня Грилевец спросил тогда чего я желаю. И сказал, что я хочу видеть Седова. При мне он позвонил по телефону Седову и тот мне назначил свидание в тот же день в кафе на Лейпцигерштрассе.

ВЫШИНСКИЙ - Состоялось ?

ДРЕЙЦЕР - Состоялось.

ВЫШИНСКИЙ - О чем была речь ?

ДРЕЙЦЕР - В тот же день я его информировал обо всем, о составе центра и поставил основной вопрос о блоке с Зиновьевым. По первому вопросу он одобрил.

ВЫШИНСКИЙ - По какому первому ?

ДРЕЙЦЕР - В информационной части, о характере деятельности троцкистско-зиновьевской оппозиции, о консолидации кадров, т.к. в то время это был важный вопрос, потому что нужно было восстановить организацию троцкистов. А по второму вопросу он сообщил, что должен запросить мнение Троцкого. В этом же разговоре он мне сообщил и о Троцком, что он находится в Турции, что друзья предполагают организовать ему поездку в Германию под видом лекций

ВО-ЕМ

- 8 -

Одновременно сообщил, что издательство из Париза переводится в Берлин, что он сам тоже остался в Берлине, поступил в техническую школу, в политехникум, кажется. Говорил еще относительно того, как поддерживается связь с троцкистской организацией в СССР. Вскользь упомянул об использовании некоторых иностранных делегаций, которые едут в СССР и т.д. Вот к чему свелось это свидание в первый раз. Я ему сообщил свой адрес и примерно через две недели мы с ним встретились опять в одном из кафе. Но он со мной тогда разговаривать не смог, извинился передо мной, что он спешил и назначил мне свидание на завтра...

ВЫШЕШКИЙ - дальше.

ДРЕМЕР - Перед самым отъездом состоялось у меня последнее свидание с Седовым на котором он мне сообщил, что по вопросу относительно блока Троцкий сейчас ответа не даст, что он должен этот вопрос обдумать и что в ближайшее время по этому вопросу сообщит. Вот в чем основном заключалось мое свидание с Седовым - постановка вопроса о блоке.

- 9 -

приезде
При ~~вхъххх~~ в СССР я обо всем этом информировал Ивана Никитича Смирнова. Это было уже в конце 1931 года. "Следующее мое свидание с Иваном Никитичем Смирновым состоялось в 1932 году. Это было осенью. На этом свидании он сообщил относительно того, что вопрос о блоке разрешен, что он уже состоялся и что он состоялся на базе террористических установок Троцкого."

ВЫШИНСКИЙ: Кто сказал?

ДРЕЙЦЕР: Иван Никитич Смирнов.

ВЫШИНСКИЙ: Когда?

ДРЕЙЦЕР: Осенью 1932 года. Он сказал, что блок состоялся на этой базе.

ВЫШИНСКИЙ: А вы до этого не знали этого?

ДРЕЙЦЕР: Этот вопрос тогда был поставлен как актуальный вопрос. Еще в 1931 году был разговор со мной, Смирнов не скрывал того, что период консолидации кадров троцкистов кончился и что сейчас наступает период новых методов борьбы с партией.

ВЫШИНСКИЙ: Еще в 1931 году?

ДРЕЙЦЕР: Да, в 1931 году Смирнов сказал, что методы нашей дальнейшей борьбы будут значительно острее, чем до сих пор. Такую постановку вопроса Иван Никитич Смирнов ставил в 1931 году, не ставя конкретной задачи.

ВЫШИНСКИЙ: Какие же это острые методы борьбы?

ДРЕЙЦЕР: Ясно, террористическая деятельность. Это он ставил как дальнейшую очередную задачу.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, в 1931 году Смирнов говорил, что перед троцкистами стоит задача террористической борьбы?

ДРЕЙЦЕР: Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ: Это он говорил как о факте, без ^Нявления своего мнения или это была его мысль? Это была формулировка ^{задачи.} ~~с задачами,~~ к которой нужно перейти?

ДРЕЙЦЕР: Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ: Когда Смирнов говорит, что он отрицательно от-

рицательно относился к террору, то что это такое?

ДРЕЙЦЕР: Это ложь.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, вы слышали показаний Дрейцера? Он утверждает, что еще в 1931 году вы ставили как актуальный вопрос переход к террору.

СМИРНОВ: Этой задачи я перед ним не ставил.

ВЫШИНСКИЙ: Где Смирнов это говорил?

ДРЕЙЦЕР: На квартире у Ивана Пикитича Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ: Вы бывали на квартире у Смирнова?

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, Дрейцер бывал у вас на квартире?

СМИРНОВ: Он приходил ко мне как революционер... поговорить.

ВЫШИНСКИЙ: Как троцкист. О чем вы разговаривали?

СМИРНОВ: Об общем положении.

ВЫШИНСКИЙ: Где?

СМИРНОВ: У нас в стране.

ВЫШИНСКИЙ: Вы сказали, что блок организовался на основе террора, в какое время образовался блок?

СМИРНОВ: В октябре-ноябре 1931 года.

ВЫШИНСКИЙ: В это время были эти разговоры?

ДРЕЙЦЕР: В это время.

ВЫШИНСКИЙ: Смирнов, Дрейцер указывает, что в 1931 году был образован блок. В Берлине вы были в котором году? В 1931-м году?

СМИРНОВ: В 1931 году.

ВЫШИНСКИЙ: Вы с Седовым говорили?

ВЫШИНСКИЙ. В 1931 году разговор о терроре у нас был?

СМИРНОВ. Был разговор, но я к нему отнесся отрицательно.

ВЫШИНСКИЙ. Подождите, подождите, в 1931 году разговор о терроре был?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А сейчас вы только что заявляли, что в 1931 году о терроре не разговаривали.

СМИРНОВ. Я с Дрейзером по этому поводу не говорил.

ВЫШИНСКИЙ. Значит говорили с другими? А вот Дрейзер утверждает во припомните, когда это было.

ДРЕЙЗЕР. Это было в 1931 году.

ВЫШИНСКИЙ. Припомните по какому поводу Смирнов говорил с вами о терроре.

ДРЕЙЗЕР. Разговор был перед моей поездкой в Берлин.

ВЫШИНСКИЙ. Смирнов, вы давали поручение Дрейзера насчет Берлина?

СМИРНОВ. Никаких поручений Дрейзеру я не давал.

ВЫШИНСКИЙ. Дрейзер, напомните об этом?

ДРЕЙЗЕР. Это было тоже на квартире у Ивана Циктича.

ВЫШИНСКИЙ. Более подробно, в какой форме?

ДРЕЙЗЕР. Я могу повторить. Иван Циктич давал мне поручение.

СМИРНОВ. Какое?

ДРЕЙЗЕР. Связаться с Седовым.

СМИРНОВ. Зачем?

ДРЕЙЗЕР. Для того, чтобы поставить вопрос о блоке.

ВЫШИНСКИЙ. О том, чтобы связаться с Гриневичем, вы не говорили?

СМИРНОВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. А Дрейзер говорил, что говорили.

СМИРНОВ. Разрешите мне привести показания одного третьего человека, показания против Дрейзера. Ирачковский Сергей Втельевич в своих показаниях от 7 июля говорят: в последние и-ны 1932 года Смирнов поставил вопрос о необходимости объединения с Каменевым и Зиновьевым и Ламинадзе Шацкиным. Значит в середине 1932 года, А Дрейзер

12 утверждает, что в 1931 году он выехал вести переговоры о блоке, надо раньше.

ВЫШИНСКИЙ. Это логично.

СМИРНОВ. Никакой логики.

ДРЕЙЦЕР. Ведь ответа я не привез. Надо было еще ждать ответа.

СМИРНОВ. И этого вопроса не мог ставить, поскольку он у нас не стоял.

ВЫШИНСКИЙ. А вот Дрейцер доказывает, что этот вопрос у вас стоял.

СМИРНОВ. Я привел не только свое мнение, но мнение Мрачковского, которому вы верите.

ВЫШИНСКИЙ. Мрачковский показывает, что в 1932 году вы этот вопрос поставили, вопрос об организации блока, а Дрейцер говорит, что в 1931 году, ему было поручено выяснить у Троцкого точку зрения его на организацию блока.

ДРЕЙЦЕР. Да, в самом конце 1931 года.

СМИРНОВ. Дрейцер, вы, когда выехали в Берлин в 1931 году - в сентябре или октябре?

ДРЕЙЦЕР. Да.

СМИРНОВ. Я вернулся из Берлина в августе 1931 года, т.е. за четыре недели до отъезда Дрейцера. Какой смысл мне было давать Дрейцеру такие поручения? Какой смысл, когда я сам был в Берлине и мог эти вопросы ставить.

ДРЕЙЦЕР. Как раз в связи с приездом Ивана Никитича возник ряд новых вопросов, он так и объяснил мне, что моя поездка должна быть использована для постановки этих вопросов.

ВЫШИНСКИЙ. Вы утверждаете, что в 1931 году у вас со Смирновым или разговоры об организации блока?

ДРЕЙЦЕР. Да, я с этим и уехал в Берлин.

ВЫШИНСКИЙ. К Смирнову у меня нет вопросов.

(обращается к Дрейцеру). Из Берлина вы вернулись опять в Москву?

ДРЕЙЦЕР. Да, это был конец 1931 года.

ВЫШИНСКИЙ. Дальше, в чем выразилась ваша активность в участии в троцкистском подполье.

ДРЕЙЦЕР. После организации блока, как я уже говорил, Смирнов информировал меня о составе центра. Я не буду напоминать состав его участников потому, что об этом говорил Ендокимов и др. Главное это база, на которой составилась этот блок - террористическая база

Передо мной Смирнов тогда поставил вопрос, как очень актуальный вопрос, о подборе кадров для террористической деятельности.

вопросу. Он сказал, что я должен связаться с Мрачковским для повседневной своей практической деятельности. Через неделю я увиделся с Мрачковским и с ним говорил совершенно конкретно о людях, на каких можно рассчитывать в своей террористической деятельности. Мы с ним в то время наметили ряд ~~д~~ лиц. Мрачковский мне сообщил, что у него имеется несколько надежных людей, в том числе ЮДИН, ЯЦЕК и друг. Порядок взаимоотношения был несколько иной. Мрачковского я считал для себя как руководителя. Я еще раз напоминаю о том, что в троцкистской организации я состоял добровольно, но несмотря на это никто из нашей организации отсебятини не порол. У нас была контрреволюционная группа, которая подчинялась руководству.

Во время свидания с Мрачковским, мы с ним перечислили ряд лиц. Во время этого свидания мы с ним оценили КУЗЬМИЧЕВА и ШМИДТА, это были люди, которых мы знали по военной работе.

МРАЧКОВСКИЙ руководил нашей деятельностью, а я информировал Мрачковского о настроениях Шмидта. В конце 1934 г. наметка о людях была готова. Кроме указанных лиц нами был намечен ЭСТЕРМАН. Этого человека знал не только я, но его знал и Мрачковский.

Таким образом, при свидании с Мрачковским, после разговора со Смирновым, в том 1932 году (по существу в конце 1932 г.) была сделана наметка о людях - исполнителях.

В мою группу намечались ЭСТЕРМАН, КУЗЬМИЧЕВ, РАЕВСКИЙ и ШМИДТ.

Вот что я могу сказать о 1932 году.

МРАЧКОВСКИЙ, в связи с своим отъездом, поручил мне связаться с Рейнгольдом, сказав о том, что на это есть решение троцкистского центра, что я должен буду тогда войти в Московский центр блока.

Примерно месяца через 3, меня не было в Москве, или четыре, я встретился, как только оказалось возможным, с Рейнгольдом и Пикелем. На этой встрече Рейнгольд подтвердил то, что я знал без него от Смирнова — о существующем блоке, но сообщил то, что по решению Боевого троцкистского центра я введен в Московский центральный блок. Тут я должен напомнить Драчовскому, что не так обстояло дело, что как будто кто-то приехал и невзначай сказал — Дрейперу или кому-то другому, а была четкая организация центра. В ней была троцкистская группа. Я был членом этой группы, входил туда Гринштейн и Пикель не в качестве членов центра, а в качестве отдельных поручений, так что организация была довольно стройная. И в последующем я получил задания оттуда.

ВЫЛЫЧЕНСКИЙ: Какие задания вы получили оттуда.

ДРЕЙПЕР: По террористической деятельности своей.

ВЫЛЫЧЕНСКИЙ: Конкретно.

ДРЕЙПЕР: Организация террористической группы — я дальше вам скажу какая группа была. то уже 1933 год. Таким образом уже в первой половине 1933 года, я вел по существу практическую подготовку по выполнению террористического акта. Это не значит, что в 1933 году моя деятельность увенчалась успехом. В силу того, что мне пришлось уехать в Забайкалье, наступил некоторый перерыв. Я хочу сказать, что 6000 километров, которые меня отделяли от Москвы, не мешали мне заниматься контр-революционной деятельностью и отсутствие диванов в Совнаркомовской столовой не убедительно для разговоров о контр-революционной троцкистской деятельности. Я нахожусь в 6000 километров от Москвы, и тогда эту деятельность довольно энергично вел.

ВНИМАНИЕ: Расскажите об этой энергичной деятельности.

ПРЕДСИД.: Речь шла, чтобы пусть в ход эти действия, по приезде из-за Байкаля в 1934 году, после свидания с Рейнгольдом, который осуществлял связь с центром и общесоюзную и в Москве. Я хочу сказать несколько слов, что раз не все члены центра встречаются ежедневно вместе, значит, что не действуют вместе. Я в Московском центре встречался с Рейнгольдом или Пикелем, т.е., это не мешало мне быть информированным и участвовать во всей деятельности Московского центра, в частности, в его террористической деятельности.

Весной 1934 года я встречался с Мрачковским, который еще раз мне подтвердил о необходимости формировать организацию террористической группы, говорил потом, что директива Троцкого ...

.....что ТРОЦКИЙ повторяет эти директивы и торопит с их выполнением. В этом же мае 1934г. я уже сообщил ИРАЧКОВСКОМУ относительно того, что я связался с ГАБОВСКИМ (к тому времени ГАБОВСКИЙ приехал, он из изолятора был освобожден)....

ВЫШИНСКИЙ: - Какие конкретно у Вас были террористические поручения.

ДРЕЙЦЕР: - Я имел поручения: организовать убийство СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА.

ВЫШИНСКИЙ: - Не больше и не меньше

ДРЕЙЦЕР: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - От кого Вы имели такое поручение.

ДРЕЙЦЕР: - От центра блока.

ВЫШИНСКИЙ: - Через кого.

ДРЕЙЦЕР: - И через ИРАЧКОВСКОГО и через РЕЙНГОЛЬДА.

ВЫШИНСКИЙ: - От имени кого.

ДРЕЙЦЕР: - От троцкистского центра, от центра блока.

ВЫШИНСКИЙ: - Кто же это именно.

ДРЕЙЦЕР: - От зиновьевцев туда входили: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, БАКАЕВ, ЕВДОКИМОВ; от троцкистов - СМЕРНОВ, ИРАЧКОВСКИЙ, ТЕР-ВАГАНИН.

ВЫШИНСКИЙ: - Когда Вам это поручение было дано.

ДРЕЙЦЕР: - Оформлено, как таковое, это поручение было весной 1933г.

ВЫШИНСКИЙ: - От имени центра.

ДРЕЙЦЕР: - Да, от имени центра.

ВЫШИНСКИЙ: - Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, Вы слышали эти показания.

РЕЙНГОЛЬД: - Да, слышал.

ВЫШИНСКИЙ: - Вы подтверждаете их.

РЕЙНГОЛЬД: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - Подтверждаете, что дали поручения ДРЕЙЦЕРУ организовать подготовку убийства СТАЛИНА.

РЕЙНГОЛЬД: - В том числе и я.

ВЫШНСКИЙ: - Вместе с кем.

РЕЙНГОЛЬД: - Ему давал я, было поручение от МРАЧКОВСКОГО. В это же время он участвовал с ВАСАНЫМ и ЕВДУКИМОВЫМ на совещании в квартире ШАРОВА по подготовке первого покушения на СТАЛИНА.

ВЫШНСКИЙ: - Обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ, Вы тоже подтверждаете это.

МРАЧКОВСКИЙ: - Нет. Я считаю, что он путает. Такую директиву я дал в 1932г., осенью, так как меня в 1933г. не было.

ВЫШНСКИЙ: - Какую директиву Вы тогда дали.

МРАЧКОВСКИЙ: - Я дал директиву о террористическом акте против СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА.

ВЫШНСКИЙ: - Значит, можно считать установленным и показаниями РЕЙНГОЛЬДА и показаниями МРАЧКОВСКОГО, что ДРЕЙЦЕРУ от имени троцкистско-зиновьевского центра было дано осенью 1932г. и подтверждено весной 1933г. поручение организовать два террористических акта: один - против тов. СТАЛИНА и другой - против тов. ВОРОШИЛОВА.

ДРЕЙЦЕР: - Совершенно правильно.

ВЫШНСКИЙ: - И Вы должны были осуществить оба этих террористических акта.

ДРЕЙЦЕР: - Я должен был организовать, подобрать людей.

ВЫШНСКИЙ: - Почему МРАЧКОВСКИЙ и РЕЙНГОЛЬД должны были Вам это поручать, а не должны были сами это сделать.

ДРЕЙЦЕР: - Ведь не одна моя группа имела задание, а в том числе поручалось и мне.

ВЫШНСКИЙ: - А одновременно и РЕЙНГОЛЬД с какой-нибудь группой подготавливал террористический акт.

ДРЕЙЦЕР: - Да.

ВЫШНСКИЙ: - Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД.

РЕЙНГОЛЬД: - Независимо от ДРЕЙЦЕРА, я подготавливал террористов,

~~101~~

- В/а -

которые должны были организовать покушение на СТАЛИНА.

ВЫШИНСКИЙ: - А Вы, обвиняемый МРАЧКОВСКИЙ.

МРАЧКОВСКИЙ: -Я далек от мысли отрицать, что я - организатор террористических групп. Напрасно ДРЕЙФЕР говорит о том, что я пытаюсь от этого дела как будто-бы уйти. В 1932г. я должен был уехать на Байкало-Амурскую магистраль, поэтому я был вынужден передать тех людей, которых я подготовил, которых я организовал, - ДРЕЙФЕРУ, ^ссогласия СМЕРНОВА.

ВЫШИНСКИЙ: - Но это - люди, которые подготовлены были Вами.

МРАЧКОВСКИЙ: - Да, мною.

ВЫШИНСКИЙ: - И это Вы сделали с ведома СМЕРНОВА.

МРАЧКОВСКИЙ: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - И Вы, ДРЕЙФЕР, это знаете.

ДРЕЙФЕР: - Знаю.

102

ЕЧ-ВО

- 19 -

ВЫШИНСКИЙ - Но вы знаете, что это делалось с ведома Смирнова?

ДРЕЙЦЕР - Да, потому что мне об этом в 1932г. говорил сам Смирнов.

ВЫШИНСКИЙ - Сам говорил ?

ДРЕЙЦЕР - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Смирнов, показаниями Мрачковского и Дрейцера вы уличаетесь в том, что вы давали указания о терроре.

СМИРНОВ - Не давал.

ВЫШИНСКИЙ - Показания Дрейцера отрицаете ?

СМИРНОВ - Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ - Показания Мрачковского отрицаете ?

СМИРНОВ - Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ - Значит Мрачковский врет ?

СМИРНОВ - Врет.

ВЫШИНСКИЙ - и Дрейцер врет ?

СМИРНОВ - Врет.

ВЫШИНСКИЙ - Мрачковский? Дрейцер ?

МРАЧКОВСКИЙ - Смирнов врет.

ДРЕЙЦЕР - Смирнов врет.

ВЫШИНСКИЙ - Больше к Смирнову у меня вопросов нет.

(к Дрейцеру) Значит, вы имели поручения организовать два теракта и вам были переданы люди Мрачковским.

ДРЕЙЦЕР - Частично.

ВЫШИНСКИЙ - Кроме этого вы подготовили для этого своих людей?

ДРЕЙЦЕР - Я подготовил для этого своих людей с согласия и с ведома террористического центра, в частности, с ведома Сергея Витальевича Мрачковского.

ВЫШИНСКИЙ - Какие конкретно практические шаги вы сделали по организации терактов против т.т.Сталина и Ворошилова ?

ДРЕЙЦЕР - Последовательно так...

ВАШИНСКИЙ - Кратко, пожалуйста.

ДРЕЙЦЕР - Значит, весной 1934 года я по этому вопросу сговори-
как
лся с Эстерманом, так и с Гаевским. Таким образом, уже в мае 1934 г. у меня было две террористических группы, одна Гаевского, а другая Эстермана. В состав Группы Эстермана входили: Эстерман.

ВАШИНСКИЙ - Они мне сейчас не нужны, ~~именно~~ имена тех, кто участвовал в процессе мне не нужны.

ДРЕЙЦЕР - Уже к лету 1934 года у меня были две террористи-
ческих группы Гаевского и Эстермана.

ВАШИНСКИЙ - И вот эти группы что же сделали ?

ДРЕЙЦЕР - Естественно, что основное это надо сказать, что к вопросу подходили очень осторожно, вдумчиво, боясь какого либо провала, но уже в 1934 году к моему приезду, примерно это было в Октябре 1934г. по вопросу об организации покушения на Сталина было выяснено. Была квартира на Можайском и все где наблюдали.

ВАШИНСКИЙ - Вы занимались пока что наблюдением и выбором удачного момента.

ДРЕЙЦЕР - Совершенно правильно.

ВАШИНСКИЙ - И дальнейшие мероприятия были пресечены вашим арестом ?

ДРЕЙЦЕР - Нет, арест последовал больше чем через год, а в 1935 году эта деятельность продолжалась и по совершенно независи-
мым от нас обстоятельствам покушение не произошло. В 1935 году мне удалось связаться по вопросу об организации покушения на Воро-
шилова и в январе-феврале я связался с Кузьмичевым. Это был не

104

новый человек, его не надо было агитировать. Эта кандидатура раньше обсуждалась. Мы знали с Сергеем Витальевичем Кузьмичева, но по объективным причинам не могли с ним связаться, его не было. А в 1935 году он приехал с Дальнего Востока на работу сюда. Таким образом, появился Кузьмичев, которого агитировать не надо было, он принял полностью новую троцкистскую установку о терроре и вызвался совершить теракт против Ворошилова. В мае я связался со Шмидтом в Киеве.

ВЫШИНСКИЙ - В мае 1935 года я

ДРЕЙЦЕР - Да, в мае 1935 года. Я говорю кратко, т.к. вы меня предупредили и не останавливаюсь на деталях. Шмидта тоже агитировать не надо было, нужно было просто сговориться и передать установку.

Я информировал о решениях центра, об установках Троцкого и таким образом уже к лету 1935 года я был связан с Кузьмичевым и с Шмидтом, которому ^{было} ^{ено} поручено произвести покушение на Ворошилова и с Гаевским и Эстерманом, которые подготавливали покушение на Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, в течение ряда лет вы принимали участие в подготовке терактов и в приискании удобных условий, чтобы эти теракты были совершены?

ДРЕЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: И если это вам не удалось, то не по вашей вине?

ДРЕЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вы не рассказали о том, как вы получили письмо от Троцкого, кому вы передали письмо от Троцкого.

ДРЕЦЕР: Вы хотели знать о террористической деятельности. Поэтому я с последовательностью и говорил. Кому я передал письмо? ~~Никем никак никак~~

ВЫШИНСКИЙ: Что это за письмо? Как вы его получили? Какое было его содержание?

ДРЕЦЕР: В октябре 1934 года приехала сюда моя сестра из Польши. Я родом из Польши. Она привезла мне журнал, немецкий журнал невинного свойства, кинематографический, сообщив о том, что ей в Варшаве вручили его для передачи мне. Должен вернуться несколько назад. Когда я был в Берлине, я Седову сообщил адрес сестры и сказал, что, хотя путь длинный, но что использовать этот адрес надо и что сестра постарается мне переслать. Это и было использовано Седовым, вернее, его агентурой. Мало того, он мне сообщил относительно того порядка, который будет в переписке со мной, если она будет. По существу это было дополнительное русло связи. Он сказал, что писать будет тайнописью и что следует просто теплом проявлять. Когда я получил журнал, я его страницу за страницей над свечкой осторожно проявил, и на одной из последних страниц в промежутке между об"явлениями оказалось письмо. Я его проявил, это был небольшой, примерно 10 на 12 см., в котором было записано то, что было зачитано в обвинительном заключении.

ВЫШИНСКИЙ: Это вы подтверждаете?

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Это вы рассказали Мрачковскому?

ДРЕЙЦЕР: Нет, это я ему переслал через Эстермана.

ВЫШИНСКИЙ: Он получил это?

ДРЕЙЦЕР: Получил.

ВЫШИНСКИЙ: Мрачковский, вы подтверждаете это дело с письмом?

МРАЧКОВСКИЙ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: В этом у вас расхождений нет?

МРАЧКОВСКИЙ: Н е т.

ВЫШИНСКИЙ: Письма у вас не было? У вас была только копия?

МРАЧКОВСКИЙ: Нет, само письмо - проявленное.

ВЫШИНСКИЙ: Самый оригинал?

МРАЧКОВСКИЙ: Д а.

ВЫШИНСКИЙ. Что вы с ним сделали?

МРАЧОВСКИЙ. И его сжег.

ВЫШИНСКИЙ. Почему?

МРАЧОВСКИЙ. Потому что хранить такой документ в то время, когда шли аресты, было нельзя.

ВЫШИНСКИЙ. Было немножко неудобно.

МРАЧОВСКИЙ. И надобности в этом не было.

ВЫШИНСКИЙ. Скажите обвиняемый Дрейсер, когда у вас была связь с Троцким и была ли она у вас?

ДРЕЙСЕР. Я рассказал о связи. С 1930 по 1936 г., так что-ли?

ВЫШИНСКИЙ. Меня интересует 1926-1927г. Вы были с ним тогда связаны?

ДРЕЙСЕР. Да, в 1927 году 7 ноября, как я уже показывал, ездил к нему. Я был в его охране, хорошо его знал. В 1927 году моя троцкистская деятельность заключалась как раз в осуществлении связи с Троцким, с Алма-Атой.

ВЫШИНСКИЙ. Таким образом, можно сказать, что вы были близкий человек к Троцкому?

ДРЕЙСЕР. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Настолько близкий, что вам была доверена его личная охрана?

ДРЕЙСЕР. Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ. Когда вы были в ссылке в Алма-Ата, вы поддерживали с ним связь?

ДРЕЙСЕР. Да. Я связывал его с московским центром.

ВЫШИНСКИЙ. С кем персонально?

ДРЕЙСЕР. С Ельцером.

ВЫШИНСКИЙ. А ваша близость к Троцкому была известна подсудимым участникам этого процесса?

ДРЕЙСЕР. Всем, может быть не всем, по большинству во всяком случае известна.

ВЫШИНСКИЙ. Мрачковский, вам известна была эта роль Дрейсера в троцкистском подполье?

МРАЧОВСКИЙ. Да, я знал Дрейсера, как начальника охраны Троцкого с одной стороны и когда я был в ссылке, то Дрейсер налаживал и налаживал связь с Алма-Атой. Этой же связью пользовался я, будучи в ссылке

в Воронеже.

ВЫШИНСКИЙ. Тер-Ваганян, вам известна была роль Дрейцера, как личной охраны Троцкого?

ТЕР-ВАГАНЯН. Семейство Дрейцер я впервые услышал от Ломанидзе в середине 1932 года. Ломанидзе запросил от троцкистской деятельности Охотникова, с которым хочет его связать Солнцева. И сказал, что этого троцкиста не знаю и он может навести справку у Ивана Никитича Смирнова, что он и сделал. Иван Никитич мне потом разъяснил это дело и рассказал, что Дрейцер и Охотников ведут очень открытый образ жизни, что у них часто бывают чекисты и было бы очень опасно, чтобы Ломанидзе стал бы ходить к ним. Я это передал Ломанидзе.

ВЫШИНСКИЙ. Когда это было?

ТЕР-ВАГАНЯН. Это было летом 1932 года.

ВЫШИНСКИЙ. Вам известен Дрейцер, как человек, который в троцкистской организации достаточно много лет участвовал?

ТЕР-ВАГАНЯН. Я узнал о семействе Дрейцера и Охотникова, как я уже сказал в этой связи.

ВЫШИНСКИЙ. Вы узнали, что это последний человек, или что это рядовой человек?

ТЕР-ВАГАНЯН. Именно так, как мне сказал Смирнов. В 1932 году я слышал от Сергея Витальевича Мрачковского отзыв о нем и об Охотникове, как о боевых ребятах.

ВЫШИНСКИЙ. Вот это меня интересует.

СМИРНОВ. вы подтверждаете эту характеристику Дрейцера и Мрачковского как боевых ребят?

СМИРНОВ. Я Дрейцера знаю, как человека, имевшего отношение к военной группе оппозиции в 1926-1927 году.

ВЫШИНСКИЙ. Вы знали его в течение многих лет?

СМИРНОВ. 3 года. Но так как я в военной группе сам прямого отношения не имел, то...

ВЫШИНСКИЙ. Подождите, вы знали, что Дрейцер был начальником личной охраны Троцкого.

СМИРНОВ. В 1927 году, после того как Троцкий из Кремля переселился на другую квартиру, я там, встречал человека 4-5 военных людей, в том числе и Дрейцера. Я не могу припомнить, кто еще там был из

249 военных ребят, и кто был начальником и был ли вообще начальник, я не знаю.

ВЫШИНСКИЙ. Нам важно установить, действительно ли в эти годы Дрейцер был близок к Троцкому?

СМИРНОВ. Я не знал об его близости.

ВЫШИНСКИЙ. Но вы утверждаете, что на квартире Троцкого встречали Дрейцера?

СМИРНОВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. А у Троцкого на квартире бывали всякие люди или более или менее отобранная публика?

СМИРНОВ. В те годы к Троцкому ходило много народа, но Дрейцера и других военных работников я видел чаще всего.

ВЫШИНСКИЙ. Можно таким образом сделать вывод, что Дрейцер был более тесно связан с Троцким, чем ктонибудь иной из военных работников?

СМИРНОВ. Да, пожалуй.

ВЫШИНСКИЙ: Вы ДРЕЙЦЕРА знали с 1926-27 г.

СМИРНОВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит характеристика Тер-Ваганяна, что Дрейцер и
Мрачковский боевые ребята - правильная характеристика.

СМИРНОВ: Мрачковский - человек боевой.

ВЫШИНСКИЙ: А Дрейцер.

СМИРНОВ: А Дрейцера я не знаю.

ТЕР-ВАГАНЯН: Об этом мне сказал Мрачковский.

ВЫШИНСКИЙ: Мрачковский, это было так.

МРАЧКОВСКИЙ: Да было.

ВЫШИНСКИЙ: Вы его считали боевым человеком.

МРАЧКОВСКИЙ: Да, я его считал, что он боевой человек.

ВЫШИНСКИЙ: И решительный человек.

МРАЧКОВСКИЙ: Да, боевой и решительный.

ВЫШИНСКИЙ: Вообще Вы подбирали боевых людей.

МРАЧКОВСКИЙ: Боевых.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно Ваша характеристика соответствовала
действительности.

МРАЧКОВСКИЙ: Да, соответствовала действительности.

ВЫШИНСКИЙ: У меня больше вопросов к Мрачковскому вопросов нет.

УЛЬРИХ: Обвиняемый Мрачковский, садитесь.

ВЫШИНСКИЙ: Разрешите мне задать вопрос Дрейцеру.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Дрейцер, когда Вы прекратили непосредст-
венную связь с Троцким.

ДРЕЙЦЕР: С его отъездом за границу.

ВЫШИНСКИЙ: А когда Вы были за границей, Вы встречались с ним.

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Значит можно считать, что этой связи не прекращали.

ДРЕЙЦЕР: Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ: Можно считать, что до последнего времени Вы эту се
поддерживали.

ДРЕЙЦЕР: В 1931 году я был связан с Троцким, а в 1932 году я привез устную директиву от Троцкого, которую получил через ПУДТО, которую я передал Мрачковскому. ПУДТО был использован как источник связи, а отсюда выходит, что и в 1932 году я был в курсе деятельности всей организации, возглавляемой Троцким.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, можно сказать, что в течении ряда лет Вы Поддерживали связь с Троцким.

ДРЕЙЦЕР: Да.

ВЫШИНСКИЙ: У меня вопросов больше нет.

УЛЬРИХ: Подсудимый, у Вас вопросы есть.

БАКАЕВ: Разрешите мне.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

БАКАЕВ: ДРЕЙЦЕР сказал, что он и я участвовали в каких то двух центрах.

ДРЕЙЦЕР: Вы просто ошиблись, я об этом не говорил.

БАКАЕВ: Что Вы знаете о моей террористической деятельности.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы что, отрицаете свою террористическую деятельность.

БАКАЕВ: Нет, Дрейцер назвал два особые центра, в состав которого, якобы, входил он и я.

ВЫШИНСКИЙ: Но Вы свою террористическую деятельность не отрицаете.

БАКАЕВ: Нет.

УЛЬРИХ: Подсудимый Бакаев, повидимому, Вы не расслышали то, о чем говорил Дрейцер. Он говорил об одном центре.

ВЫШИНСКИЙ: Дрейцер говорил о том, что в Московском центре участвовали РЕЙНГОЛЬД, ПИКЕЛЬ и ДРЕЙЦЕР и РЕЙНГОЛЬД это подтвердил. Можно об этом спросить ПИКЕЛЯ. Обвиняемый ПИКЕЛЬ, Вы это подтверждаете.

ПИКЕЛЬ: Да, подтверждаю.

ОД/ЕМ

- 27 -

ПИКЕЛЬ: Подтверждаю.

БЛИННСКИЙ: Была создана центральная Московская террористическая группа, в которой вы участвовали./ Обращается к Дрейцеру/ Пикель Не могли бы вы уточнить, когда именно осенью 1932 года вы получили директиву о Сталине и Ворошилове.

ДРЕЙЦЕР: Это было очевидно порядка ноября, как будто в ноябре 1932 года.

ПИКЕЛЬ:

БЛИННСКИЙ: Это было вам передано от центральной группы.

ДРЕЙЦЕР: Да, уже тогда, а потом вы тоже об этом говорили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Больше вопросов нет./ Обращается к Дрейцеру/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня только вопрос насчет схемы. Кроме об"единенного центра, в который входили Каменев, Мрачковский, Рейнгольд, имихаия имелся еще Московский об"единенный центр для г.Москвы. В этот центр кто входил.

ДРЕЙЦЕР: В этот центр входил я, Пикель, Рейнгольд, Бакаев, Гринштейн. Схя

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Наравне с этим центром был организован террор, ^{целью} который преследовал только террористические цели, ибо ^в этот террористический центр, как называют некоторые, входили кто.

ДРЕЙЦЕР: Я, Бакаев, Пикель, Гринштейн. Во главе этого центра стоял Бакаев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Бакаев, вы подтверждаете это.

БАКАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Существовал в Москве центр, который занимался только террористической деятельностью.

БАКАЕВ: Мне было поручено Зиновьевым и Троцким организовать убийство Сталина. Я знал круг людей, на которых можно было рассчитывать в выполнении этой задачи, но никакого террористического

- 28 -

центра я не знал. Мне было поручено это персонально.

ВЫШИНСКИЙ: А вы с Рейнгольдом встречались.

БАКАЕВ: Я встречался в 1932-1933 г.г.

ВЫШИНСКИЙ: Вы знали, что Рейнгольд участвует в боевой группе.

БАКАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы знаете, что один называет группой, а другой центром.

ДРЕЙДЕР: Документов и партийных документов не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То, что вы перечислили фамилии представляет группу лиц, которые занимались одной и той же работой - подготовкой террористических актов.

ВЫШИНСКИЙ: Вы, Бакаев, не отрицаете, что была связь с Рейнгольдом и Гольцманом, как членов террористической группы, которая занималась террористическими актами.

БАКАЕВ: Я не знаю о подготовке террористических актов, не касающихся подготовки террористических актов вообще, кроме Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: И Кирова.

БАКАЕВ: К этой группе не имел отношения.

ВЫШИНСКИЙ: Мы говорим о Рейнгольде, Гольцмане, Пикеле. Вы знали, что они члены одной группы и готовили террористический акт.

БАКАЕВ: Террористический акт против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ: Они знали, что вы готовились к этому акту, значит вы знали друг друга, как участников подготовки террористических актов.

- 29 -

ДРЕЙФЕР: - Я знал о том, что существует центр, что во главе этого террористического центра - БАКАЕВ, что он координирует деятельность отдельных групп, в том числе и мою деятельность. Совершенно неверно, что я не встречался с БАКАЕВЫМ, в этом не было нужды.

БАКАЕВ: - Разрешите вопрос ДРЕЙФЕРУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Пожалуйста.

БАКАЕВ: - ДРЕЙФЕР говорит, что БАКАЕВ должен был координировать работу отдельных групп. У него была своя группа. Так вот скажите: в чем выражалась эта координация деятельности его группы. Было ли в самом деле какое-нибудь руководство или ты это схематически представляешь.

ДРЕЙФЕР: - Вопрос террористической деятельности, очевидно, не совсем простой вопрос, когда каждый может пороть отсобоину. Каждый шаг - и лица, и исполнители - все это согласовывалось в центре, иначе и быть не могло. Я через РЕЙНГОЛЬДА координировал свою деятельность.

БАКАЕВ: - Через РЕЙНГОЛЬДА? Я же старшой был.

ДРЕЙФЕР: - Но через РЕЙНГОЛЬДА я Вас информировал. Физически я с Вами не был связан, хотя бы из простых конспиративных соображений.

В. ПИНСКИЙ: - А Вам известно, обвиняемый ДРЕЙФЕР, что БАКАЕВ - член об"единенного центра.

ДРЕЙФЕР: - Да.

ВЫШЕНСКИЙ: - Обвиняемый БАКАЕВ, Вы были членом центра.

БАКАЕВ: - Я пользовался огромным доверием.

ВЫШЕНСКИЙ: - Я Вас спрашиваю: Вы были членом центра. Отвечайте на вопрос.

БАКАЕВ: - (после некоторого молчания) Ни на одном заседании... Как считать... фактически я был членом этого центра.

ВЫШИНСКИЙ:- Вы были одним из юридических членов этого центра. Об этом показывают ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, и Вы же организовали убийство КИРОВА.

БАКАЕВ: - Принимал участие в убийстве КИРОВА, участие в организации убийства СТАЛИНА.

ВЫШИНСКИЙ: - Значит, здесь СМЕРНОВ, после последнего показания ДРЕЙЦРА относительно террористических установок, идущих от СМЕРНОВА, пытается поставить вопрос о том, что он, СМЕРНОВ, никаких в этом отношении шагов не предпринимал, никогда с ДРЕЙЦРОМ о терроре не говорил, потому что вообще был против террора настроен. Я хотел бы в связи с этим задать один-два вопроса обвиняемому ЗИНОВЬЕВУ.

Обвиняемый ЗИНОВЬЕВ, летом 1932г. (я подчеркиваю) Летом 1932 г.) у Вас уже была договоренность о необходимости организовать террористические акты, или шла только речь об этих террористических актах.

ЗИНОВЬЕВ: - Насколько я себе представляю, дело было так: у троцкистов это было уже созревшее решение, опиравшееся на совершенно точную и довольно давнюю директиву ТРОЦКОГО, и были приняты с их стороны целый ряд шагов.

ВЫШИНСКИЙ: - Троцкистская часть Вашего блока - как себя вела по отношению к террору.

НВ

ЗИНОВЬЕВ - В своих переговорах о создании объединенного центра этот вопрос сыграл решающую роль. Так называемая зинovieвская часть этого блока была к этому времени вполне созревшей для таких решений и настроений и энергичных требований со стороны троцкистской части.

ВЫШИНСКИЙ - Кого именно ?

ЗИНОВЬЕВ - Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, были настоятельные требования со стороны Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна о чем ?

ЗИНОВЬЕВ - О том, чтобы новый блок, который возродился, взял как основную линию борьбы - террор.

ВЫШИНСКИЙ - В этом отношении Смирнов проявлял какую-нибудь активность или нет ?

ЗИНОВЬЕВ - Смирнов, по моему, больше чем кто-либо проявлял активность и рассматривался нами как бесспорный глава троцкистской части блока, как человек наиболее осведомленный о настроениях Троцкого и целиком их разделяющий.

ВЫШИНСКИЙ - Могу ли я создать себе представление, что Смирнов был одним из наиболее активных людей, которые форсировали уже после 1932 года переход к террору против Сталина и других товарищей.

ЗИНОВЬЕВ - В 1932 году безусловно да.

ВЫШИНСКИЙ - Вы это совершенно твердо здесь заявляете ?

ЗИНОВЬЕВ - Совершенно твердо.

ВЫШИНСКИЙ - И вы лично от Смирнова слышали ряд предложений ?

ЗИНОВЬЕВ - Я лично вел с ним переговоры два-три раза.

ВЫШИНСКИЙ - И во время этих переговоров Смирнов всегда проводил напористость, нажим на теракты.

ЗИНОВЬЕВ - Как я уже говорил, горячо и убедительно настаивал, хотя убеждать нас было не надо, мы были убеждены.

ВЫШИНСКИЙ - Вы это подтверждаете ?

ЗИНОВЬЕВ - Да.

ВЫШИНСКИЙ - Дрейцер это тоже подтверждает ?

ДРЕЙЦЕР - Но я практические указания имел от Смирнова.

ВЫШИНСКИЙ - Я прошу суд обратить внимание на то, что показаниями Зиновьева, Рейнгольда и Дрейцера устанавливается, что после 1932 года шла практическая подготовка к терактам, причем Дрейцер это осуществлял под непосредственным указанием Смирнова, а Смирнов настаивал перед Зиновьевым о переходе на террористическую деятельность, я прошу на это обратить внимание как на вывод из того следствия, которое мы здесь провели. Больше вопросов не имею.

СМИРНОВ - Разрешите Дрейцеру вопрос ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Пожалуйста.

СМИРНОВ - Мрачковский и Рейнгольд связаны были.

ДРЕЙЦЕР - Я об этом говорил, что перед своим отъездом я связался по вопросам террористической деятельности с Мрачковским, который поручил мне связаться с Рейнгольдом.

СМИРНОВ - Это было когда ?

ДРЕЙЦЕР - Это было весной 1933 года.

СМИРНОВ - Значит не в 1932 году, а когда я был уже арестован ?

ДРЕЙЦЕР - Когда я связался с Рейнгольдом, вы уже были арестованы.

ВЫШИНСКИЙ - А поручение связаться и заняться террористическими актами ?

ДРЕЙЦЕР - Я имел через Мрачковского.

ВЫШИНСКИЙ - То-есть когда Смирнов был на свободе ?

ДРЕЙЦЕР - Совершенно правильно.

ВЫШИНСКИЙ - Вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - (к Дрейцеру) Вопросов больше нет, садитесь.

Подсудимый Рейнгольд, ваши показания на предварительном следствии подтверждаете ?

РЕЙНГОЛЬД - Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ - Расскажите вам личную роль в этой организации, пожалуйста кратко.

Рейнголд от 118-155
19^{ти} вер.

РЕЙГОЛЬД: Я был связан организационно и лично с основными руководителями - главарями троцкистско-зиновьевской организации, с Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым, Бакаевым, Евдокимовым и с остальными участниками. С некоторыми из них я был связан еще задолго до троцкистско-зиновьевской оппозиции, до 1926 года, в частности, с Каменевым я был связан с 1923-1924 годов, с Зиновьевым с 1925 года, с Сокольниковым с 1920-1919 года.

Что касается троцкистской части блока и организации, то Дрейцер был мой личный друг, с которым я был тесно связан на протяжении всей троцкистско-зиновьевской оппозиции. Мрачковский был со мной связан, я хорошо его знал как работника, который работал у меня в течение двух лет, под моим руководством, я был директором одного из трестов. Ивана Никитича Смирнова я достаточно хорошо знаю по совнаркомовской и троцкистской работе, и он меня также знает достаточно хорошо.

Будучи тесно связан с Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым, я был в курсе всех переговоров о троцкистско-зиновьевском блоке, которые велись зиновьевской частью будущей общей троцкистско-зиновьевской организации и троцкистской частью в лице Смирнова и Тер-Ваганяна.

Не стоит повторять то, что выяснено в процессе следствия. Можно только подтвердить, что состав об"единенного центра троцкистско-зиновьевской организации был следующий: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Смирнов И.Н., Мрачковский, Тер-Ваганян и Сокольников. Переговоры велись, как уже здесь говорилось, троцкистами, также с леваками Ломинадзе, Шацким, Стеном, велись переговоры с Сокольниковым. В то же время параллельно велись переговоры несколько иного порядка с правыми - Рыковым ... (еще две фамилии).

Я должен сказать, что было бы неправильно утверждать, как здесь говорил Зиновьев в одной из своих реплик, что наполовину зиновьевцы созрели для блока, а троцкисты на все сто. В результате создавался этот блок. Я помню встречу с Зиновьевым в 1931 году, в Ильинском, когда Зиновьев, подводя итоги тому, к чему пришли зиновьевцы после своей капитуляции в 1932 году, он прямо говорил,

что все-таки надо пожалеть, что с Троцким разошлись, надо было продолжать борьбу со ставкой на то, что в результате хозяйственного кризиса дело провалится и руководство партии вынуждено будет привлечь Каменева и Зиновьева к власти и что эти ожидания не оправдались. ~~Бихийихихяхтаххранияхияи~~ Он говорил это в очень озлобленной форме, он говорил о готентотском социализме, который проводится партией и правительством, в очень озлобленном духе нападал на Сталина и на руководство и в то же время был вынужден признать что, несмотря на то, что осуществляется готентотский социализм, все же о крахе говорить нельзя, что если Каменев в 1929-1930 году ставил ставку на хлебные трудности, на то, что голод вынудит Центральный Комитет, Сталина изменить политику, (он имел в виду хлебные затруднения, которые тогда испытывала страна и которые преодолевались в ходе строительства), что эта ставка тоже бита, ставка на то, что коллективизация приведет к крупным политическим недовольствам и это вынудит ЦК привлечь Зиновьева, Каменева и других - это тоже бито.

приходил
это тоже бито. В результате, он ~~пришел~~ к выводу, а когда он еще говорил полным голосом, к выводу, который лежал на языке и который он вынашивал, и он, и Каменев, с которым у меня также были встречи, - к выводу о том, что собственно говоря, политическая ориентация на крах, на кризис бита и что надо искать других путей, другого выхода.

Это и подготовило блок троцкистов и зиновьевцев. Вот почему, этот блок в 1932 году с такой сомнительной быстротой и легкостью был совершен.

О террористической основе блока здесь говорилось уже достаточно. Я мог бы к этому прибавить несколько высказываний Зиновьева и Каменева, мог бы проиллюстрировать, как понимали Зиновьев и Каменев.

ВИШНСКИЙ. Как увязывалась эта установка с марксизмом у Зиновьева и Каменева?

РЕЙНГОЛЬД. Я об этом и хочу сказать. Когда Зиновьев в результате тех переговоров, которые велись с троцкистской частью блока, в 1932 году в присутствии ряда членов центра говорил о том, что блок неизбежен, он обосновывал эту террористическую основу блока соображением не о том, что этот блок выдвинет какую то политическую программу, которую можно противопоставить партии. Никакой политической программы у него за душой не было, как не было этой политической программы ни у кого из нас. Стыдливо ссылались на старую платформу, но на самом деле ее никто в грош не ставил, потому что было ясно, что эта платформа разгромлена, уничтожена, что это прожлеванная платформа.

Зиновьев тогда прямо говорил: главное, основное и то новое, что отличает этот новый троцкистско-зиновьевский блок от старого и заключается в единодушном признании необходимости террористической борьбы против руководства партии и правительства, в признании необходимости создания боевой террористической организации для этой борьбы. И Зиновьев прибавлял, что то соображение, которое обычно выдвигается что, якобы, терроризм не совместим с марксизмом, несовместим с большевизмом, в данном случае несерьезно и его надо отбросить. Его надо

121

отбросить потому, что в тех конкретных условиях, в которых осуществляется диктатура, когда все нити диктатуры, как он выражался, концентрированы в одном лице, в лице Сталина, нет другого пути, как прибегнуть к руководству, только убив Сталина. Он прямо формулировал задачу уничтожение Сталина, рассчитывая на то, что члены Политбюро, оставшись без Сталина, за которым идут массы, останутся без вождя и без масс. Вот была установка Зиновьева.

Каменев развивал примерно эти же идеи. Он говорил о том, что за это время зиновьевцы использовали три пути, три ставки, которые оказались биты. Сначала попытка пробиться массовыми действиями к руководству, в порядке завоевания масс. Эти попытки были разбиты. Вторая попытка — это верхушечная комбинация. Эта попытка тоже была разбита и опрокинута. Наконец, была ставка на хозяйственные трудности, на кризис, на крах, на катастрофу. И эта последняя ставка тоже оказалась битой. Теперь ничего другого не остается, прибавлял Каменев, как принять ту позицию, которую предлагают троцкисты, к которой пришли зиновьевцы, т.е. принять неизбежность террористических действий против Сталина прежде всего и против его ближайших помощников — Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Постышева, Коссиора и других.

Вот та философия и те задачи, которые развивал Зиновьев. В результате создания этого контрреволюционного террористического блока был принят ряд организационных решений. Суть этих организационных решений сводилась к тому, чтобы создать организацию из наиболее отобранных решительных людей, которая могла бы эту задачу довести до конца, ибо каждый из нас понимал, что стоящие перед нами задачи являются нелегкими.

Прежде чем перейти к изложению террористической деятельности организации, я хочу сказать несколько слов о ведшихся параллельных разговорах с руководителями правых — ВУХАРИНЫМ, ТОМСКИМ и СОКОЛЬНИКОВЫМ.

УЛЬРИХ: Вы только покороче.

РЕЙНГОЛЬД: Я буду говорить короче. Вухарин и Томский прямо заявили, что они не сделают той ошибки, которую сделали Зиновьев, Каменев и Троцкий, т.е. что они не дадут выгнать себя из ЦК потому, что они считают эту позицию важной для себя и будут ее использовать до конца. Этим самым Вухарин и Томский показали, что они, находясь внутри ЦК, намерены продолжать борьбу против партии.

ВИЛИНСКИЙ: Когда это было.

РЕЙНГОЛЬД: Это было зимой в 1928 — 29 г. Эти разговоры в дальнейшем позволили Зиновьеву и Каменеву поддерживать контакт с правыми и мне известно, что в 1931 году Зиновьев встречался с Томским в Сочи, о чем мне лично говорил Зиновьев. Зиновьев всегда нащупывал возможности согласия с Томским. Томский довольно в озлобленном тоне говорил о том, что они не разделяют той политики, которую проводит ЦК и Зиновьев об этом разговоре мне прямо сказал, что он нашел обще-политический язык с Томским в оценке политики нашей страны.

ВИЛИНСКИЙ: Это было в 1931 году.

РЕЙНГОЛЬД: Да, это было в 1931 году.

Эти разговоры продолжались и в 1932 году, их/вел Каменев с Томским и Рыковым. Подобные же разговоры продолжались и через ШАНИНА, поддерживавшего связь с УГЛАНОВИМ. Эта связь также поддерживалась с Бухариным через КАРЕВА - активного зиновьевца, который был тесно связан с двумя террористическими группами Слепнева и Эйсманда.

ВЫШИНСКИЙ: В каком году.

РЕЙНГОЛЬД: Эта группа действовала в конце 1932 года. В самом конце она была вскрыта органами НКВД, но до того, как эта группа была вскрыта, связь между группой террористической и Симондом и Слепковым и троцкистско-зиновьевской организацией связь поддерживалась через Каменева. Мне известно от Каменева, что эта террористическая группа действовала по прямым директивам Рыкова, Бухарина и Томского. В 1932 году Томский и Рыков были осведомлены и подыряли деятельность этой группы.

ВЫШИНСКИЙ: Кто такой Богдан.

РЕЙНГОЛЬД: Богдан близкий человек Зиновьева, заведывал секретариатом Зиновьева и был самым доверенным у него. Богдан был полностью информирован и знал все, что происходит в центре Зиновьева и все, что делает Зиновьев. Богдан знал, как особенно доверенное лицо Зиновьева, все что происходит в центре. По предложению Зиновьева Богдан был прямо введен в состав террористического центра Москвы и на него было возложено специальное задание, которое заключалось в том, что он, зная расположение приемной Сталина, должен был проникнуть туда. Это было поручено Богдану с ведома руководящей группы.

ВЫШИНСКИЙ: Богдан покончил самоубийством, какие причины.

РЕЙНГОЛЬД: Богдан выполнял задания, которые были на него возложены. Примерно с середины 1933 года он, выполняя задание, в ЦК побывал много раз, но говорил, что ведет эту работу, но тяготится, всей тяжестью ответственности, которую поставил перед ним центр, и что он чувствует, что нехватит сил, чтобы довести дело до конца. Он говорил, что Бакаев, Евдокимов говорили

о нем, ододряли его, но у него главный разлад /самоубийство было результатом этого разлада, что он оказался недостаточно сильным и крепким до конца в отношении того, что на него возложили и нашел выход в том, что покончил собой.

БЫЛИНСКИЙ: Вы подошли к 1932 году.

РЕЙНГОЛЬД: Осенью 1932 года и был создан Московский террористический центр. Я должен внести некоторое уточнение. То, что говорилось здесь, в показаниях подсудимого Дрейцера, а также в показаниях подсудимого Бакаева, ядро Московского террористического центра, насколько мне известно, а я этот вопрос мне, кажется, достаточно ясно представлял, судя к тому же по тому, что я был участником многочисленных собраний центров, ядро состояло из Бакаева, наиболее решительного, пользовавшегося доверием Зиновьева и Троцкого.

..... на которого, как он сам признал, было возложено на-
полнение террористического акта против СТАЛИНА и одновре-
менно организации и проверка подготовленности террористи-
ческой организации в Ленинграде. Затем в этот террористи-
ческий центр входили: БОГДАН, Я, ДРЕЙФЕР, БУЛАХ, ПИСКЕЛЬ,
БУЛЬТИЧЕВ, с которым был БАКАВ связан, ~~который~~ ^{который}
связывал его с группой в Екимов-Новгородце ~~и~~ затем БРЮН-
ШТЕЙН. Кроме того был ~~создан~~ ^{создан} ряд групп. Мне извест-
ны шесть таких групп: Одна из них возглавлялась мною, дру-
гая - ДРЕЙФЕР, третья - ПИСКЕЛЬ, четвертая - БУЛАХОВЫМ,
пятая - БРЮН, шестая - ~~ФАВИЛОВИЧ~~ ^{ФАВИЛОВИЧ}.

ВЫШНСКИЙ:- Вы все группы знали.

РМНГОЛЬД:- Я перечислил только те, которые я знал. Были еще другие
группы, которые мне менее знакомы, в частности группа
ГАШЕНИНА и ряд других. Задача этих групп заключалась в
том, чтобы отобрать внутри каждой группы наиболее реше-
тельных людей, боевых террористов, которые должны были
быть переданы в распоряжение террористического центра.

ВЫШНСКИЙ:- То-есть кого именно.

РМНГОЛЬД:- То-есть персонально в распоряжение БАКАВА, через тех
людей, которые поддерживали связи с этими группами, в том
числе через меня, с тем, чтобы силами этих людей органи-
зовать наблюдение за руководителями партии и правительстве
и силами этих людей совершить террористические акты против
руководителей партии и правительства. Я могу назвать нес-
колько таких людей. К группе боевиков-террористов отно-
сятся: СЕРГИН, РАДИН, САЛВИЛОВИЧ, ГАБЕСКИЙ, ЭСТЕРМАН,
КАЦМАН и ряд других. С лета 1937г. начинается полоса ак-
тивного наблюдения, за СТАЛИНЫМ в первую очередь. Перерыв

который был между осенью 1932г. и летом 1933г., не был случайным: он был связан с рютинским провалом ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. И я должен сообщить суду о том, что в начале 1933г. на квартире у БОГДАНА с участием КВДОСИМОВА, БАКАЕВА, ПИЛОСКИНА и меня было совещание, на котором КВДОСИМОВ от имени об"единенного центра передал директиву: свернуть террористическую работу до тех пор, пока КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ не вернутся из ссылки, до тех пор пока они не покаются, не будут восстановлены в партии, не будут облечены некоторым доверием.

ВЫШИНСКИЙ: - Это говорил КВДОСИМОВ.

РЕЙНГОЛЬД: - Об этом говорил КВДОСИМОВ.

ВЫШИНСКИЙ: - КВДОСИМОВ знал, что они должны покаяться.

РЕЙНГОЛЬД: - Знал. Он знал, что это лежит в природе зинovieвской организации, которая имела в прошлом и до этого немалый опыт такого рода покаяний. После того, как ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ вернулись из Минусинской ссылки, состоялся ряд встреч на квартире у КАМЕНЕВА,

128

на квартире у Зиновьева членов руководящего объединенного центра на котором подводился известный итог этого вынужденного перерыва и намечались перспективы дальнейшей террористической деятельности. Вот на этом совещании и Каменев и Зиновьев развернули основную дальнейшую линию поведения всей организации в вопросе террористической борьбы и выдвинули в это время генеральную тактическую линию, о которой я сообщал: это то, чтобы непременно соединить в своей работе методы легальные с методами нелегальной законспирированной работы. Существо этой линии состояло в том, что мало убить Сталина. Одно убийство Сталина еще не разрешает вопроса о том, что Каменев и Зиновьев завтра после убийства Сталина уже придут к власти. В том положении в каком были Каменев и Зиновьев в то время, когда недоверие к ним возросло со стороны ЦК в десять раз, когда пропасть вырытая Рютинским делом между нами и ЦК не засыпана, такой теракт не принес бы никакой пользы делу Каменева Зиновьева — плану захвата власти.

Вот почему Зиновьев и Каменев настаивали на том, чтобы всячески использовать все легальные возможности для того чтобы вползти на брюхо партии, это любимое выражение Зиновьева, завоевать доверие партии, в частности Сталина и, после того как это доверие будет восстановлено должна была вестись параллельно глубоко законспирированная террористическая работа, которая должна была остаться неизвестной партии. В сочечании этих двух методов и заключался тот способ, который мог бы привести Зиновьева и Каменева к власти. Они были бы прощены при Сталине, восстановлены в партии при Сталине, к ним вернулось бы доверие ЦК при Сталине и, естественно, что Политбюро ~~ни~~ имея ~~ни~~ Каменева и Зиновьева прощенных Сталиным до теракта, естественно, должно было привлечь их к власти. Я говорю, естественно; но Зиновьев и Каменев не считали, что это обязательно естественно, в запасе был и другой вариант, этот вариант был связан с расчетом на красную армию.

Я потом более подробно скажу о работе троцкистско-зиновьевской организации в красной армии. Но тут я хочу сказать следующее: используя то обстоятельство, что ряд крупных троцкистов и зиновьевцев не порывавших связи с организацией, а наоборот, принимавших активное участие, по роду своей работы занимали в армии видные посты, это был Прилуцкий, Путьна, Шмидт, Кузьмичев, Гродзовский и ряд других, фамилии которых я не знаю. Предполагалось, что в том случае, если после выполнения успешно теракта Политбюро не поспешило бы пригласить Зиновьева, Каменева к руководству, то, опираясь на этих людей и на сосредоточение необходимых воинских сил в Москве, прямо поднять военный мятеж и, опираясь на этот военный мятеж, понудить Политбюро признать руководство Каменева и Зиновьева.

Вот какой был второй запасный вариант.

ВЫШИНСКИЙ — Этот вариант был разработан Каменевым ?

РЕЙНГОЛЬД — Каменевым и Зиновьевым.

ВЫШИНСКИЙ — При вашем участии ?

РЕЙНГОЛЬД — Да.

ВЫШИНСКИЙ — Вы были одним из авторов ?

РЕЙНГОЛЬД — Я, один из авторов, и разделяю полную ответственность за этот вариант, естественный и противоестественный, за весь тот маккиавелистический план, который был выработан руководством центра.

Вот почему я несколько подробнее остановился на факте - для того, чтобы ответить на вопрос: блок сложился на террористической основе осенью 1932 года, осенью 1932 года члены блока считали необходимым организовать теракты, а самые теракты произошли ... (ВЫШИНСКИЙ: Не акты, а один акт) один акт произошел только в 1934 году и были попытки совершения терактов неудачные. Такой промежуток громадный в два года может показаться необъяснимым, но если учесть, что дело было не только в совершении терактов, а это было связано с целой системой двурушнической работы, которая должна была привести Зиновьева и Каменева в партию и дать им в партии соответствующие места, если соединить эти два момента, тогда это станет понятным и объяснимым.

ВЫШИНСКИЙ: Я вас так понимаю, что и Каменев и Зиновьев, как руководители этого центра, они шли по двум линиям: с одной стороны они старались всячески доказать свою лояльность, преданность партии, с другой стороны, они именно готовили террористические акты против руководителей партии. Так?

РЕЙНГОЛЬД: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Это ваше умозаключение, или это так было в действительности?

РЕЙНГОЛЬД: Я это передаю не как мое умозаключение, а как один из участников плана, совместно с Каменевым, Зиновьевым и Евдокимовым составленного, того плана, который мы разработали на квартире Зиновьева и Каменева.

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте спросить. Зиновьева и Каменева. Обвиняемый Зиновьев, это показание Рейнгольда вас уличает в тяжелом преступлении. Вы признаете себя виновным?

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Действительно в ваш план входило, с одной стороны, проявлять внешнюю во все полноте лояльность и даже преданность партии и в то же время готовить террористические акты против руководства партии и правительства?

ЗИНОВЬЕВ: Я буду в свое время давать об"яснения, из которых будет видно, что то, что говорит Рейнгольд, по-моему, не совпадает с действительностью, но что в данном месте он прав.

ВЫШИНСКИЙ: Так и было?

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемому Каменеву я задаю те же вопросы.

КАМЕНЕВ: На оба вопроса отвечаю положительно.

ВЫШИНСКИЙ: Вы подтверждаете, что это так и было, что этот план разработан совместно с Рейнгольдом?

КАМЕНЕВ: У меня поправка. Мы не нуждались в помощи Рейнгольда для того, чтобы разработать этот план.

ВЫШИНСКИЙ: Я только напому КАМЕНЕВУ, что он это сказал только с помощью Рейнгольда, на предварительном следствии вы этого не говорили, покамест вы не были уличены другим.

КАМЕНЕВ: Это ошибка, я говорил.

ВЫШИНСКИЙ: Повторите, что вы говорили по этому поводу.

КАМЕНЕВ: Я говорил в первом же моем заявлении, показании 23-24 числа или быть может я ошибаюсь и показания давал 28-29 числа, что наш план был рассчитан на то, чтобы, завоевав двуручнической политикой доверие партии в период руководства Сталина, затем, после осуществления предпринятых нами терактов, пользуясь этим завоеванным доверием, притти к власти.

И развил дальше в этом же показании, до очных ставок два варианта. Первый вариант тот, на который я сейчас указал и который должен был иметь своим последствием внесение замешательства и ослабления в ряды правительства, которое, как мы рассчитывали, призвало бы в такой момент нас, именно ^{постольку} ~~настолько~~ поскольку предварительная двурушническая политика при руководстве Сталина завоевала бы нам доверие партии. И второй вариант, когда Политбюро или правительство страны не прямо вступило бы на этот путь переговоров с нами и когда потребовалась бы дополнительная давка для того, чтобы это сделать. Я указал также на то, что это самое двурушничество и было орудием осуществления нами прихода к власти в момент террористической катастрофы.

Это было все до очной ставки с РЕЙНГОЛЬДОМ.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно вы совершенно добровольно и без того, чтобы быть поставленным перед теми или другими уликами, сочли необходимым поведать следствию о своей преступной деятельности, независимо от показаний Рейнгольда?

КАМЕНЕВ. Это вопрос другой. Вы мне сказали, что я сделал это под давлением очной ставки с Рейнгольдом. Я это отрицаю. Теперь вы спрашиваете, сделал ли я это под давлением каких либо улик и обстоятельств? Да, основным обстоятельством было то, что я нахожусь в тюрьме.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. иначе говоря, вы должны были стать на путь признания, будучи поставленным перед стенами улик?

КАМЕНЕВ. Вы хотите сказать, что я не явился сам до ареста и не изложил этого?

ВЫШИНСКИЙ. Правильно.

КАМЕНЕВ. Это мое преступление я признал.

ВЫШИНСКИЙ. Т.е. иначе говоря, вы разработали без помощи Рейнгольда этот план адского выступления и о нем стало известно властям недобровольно от вас, а потому что вы оказались поставленным перед необходимостью, будучи уличенным, признать все это?

КАМЕНЕВ. Потому что арестованный и обвиненный в этом преступлении, я его признал.

ВЫШИНСКИЙ. Почему вы признали это?

КАМЕНЕВ. Почему признал? Я скажу это после моего допроса судом.

ВЫШИНСКИЙ. Вы и сейчас говорите суду.

КАМЕНЕВ. Вы задаете мне вопрос не фактического характера...

ВЫШИНСКИЙ. Я задаю вам вопрос, который стоит в прямой связи с необходимостью установить ту или другую фактическую сторону дела. В высшей степени важно установить признали-ли вы нужным рассказать о выработке вашего плана Рейнгольду, а материалы дела показывают, что Рейнгольд вас уличил во многих деталях и фактах, которые вы не признали. Я хочу поставить один вопрос: вы были уличены или же в раскаянии рассказали?

КАМЕНЕВ. Я уже ответил совершенно конкретно. Я говорил о конкретном вопросе, о сочитании друрушничества с террором. Тот же вопрос, который вы поставили Зиновьеву, вы поставили и мне. Я на это ответил, что мы для выработки этого плана не нуждались в Рейнгольде. Тогда вы сказали: однако, вы признали себя виновными тогда, когда вас Рейнгольд уличил. Я на это ответствовал тем, что указал на два моих показания, данных на очной ставке с Рейнгольдом.

ВЫШИНСКИЙ. Вы с Рейнгольдом об этом плане говорили?

КАМЕНЕВ. Лично?

ВЫШИНСКИЙ. Может быть через когонибудь.

КАМЕНЕВ. Это был план нашего центра.

ВЫШИНСКИЙ. Вот Рейнгольд рассказывает о том, что о выработке этого планае совместно с Зиновьевым, вы и его поставили в известность об этом плане. Яии спрашиваю, Рейнгольду вы сообщили об этом плане?

КАМЕНЕВ. Мы сообщили не Рейнгольду лично, а всему тому активу, если можно так выразиться, который должен был быть в курсе решений и политики центра, в том числе и Рейнгольду, конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно ^{не} то, что показывает Рейнгольд, что он знал об этом плане от вас, это соответствует действительности?

КАМЕНЕВ. Абсолютно

ВЫШИНСКИЙ. Вот я над этим и бьюсь. Подтверждаете ли вы заявление Рейнгольда о том, что ему стало об этом плане известно от вас?

КАМЕНЕВ. Конечно.

ВЫШИНСКИЙ. Потому, что ваше заявление о том, что мы не нуждались в помощи Рейнгольда, можно было понять так, что вы с Рейнгольдом не разговаривали и по этому поводу.

КАМЕНЕВ. Никак нет. Он заявил, что он принимал участие в выработке плана, но мы в его помощи не нуждались. Само собой разумеется, что мы его, конечно, ознакомили.

ВИШНИНСКИЙ. Для выработки плана у вас с Зиновьевым было достаточно сил и в этом смысле политическая помощь Рейнгольда вам была не нужна. Но вы Рейнгольду об этом сообщили?

КАМЕНЕВ. Я уже сказал, что всем руководящим кадрам, в том числе Рейнгольду, который был одним из самых активных наших работников, этот план был сообщен и неоднократно раз"яснен.

ВЫШИНСКИЙ: Вы следовательно/подтверждаете, что такой действительно чудовищный план у Вас существовал.

КАМЕНЕВ: Да, э тот чудовищный план существовал.

ВЫШИНСКИЙ: Вы разработали этот чудовищный план и сейчас это подтверждаете.

КАМЕНЕВ: Да подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно РЕЙНГОЛЬД дал правильные показания суду. РЕЙНГОЛЬД, Вы это подтверждаете.

РЕЙНГОЛЬД: Да, я готов с этим согласиться.

ВЫШИНСКИЙ: Можно считать установленным, что был выработан чудовищный план двойного чудовищного преступления, о/котором рассказали Каменев, Зиновьев, а потом рассказали и Вы.

РЕЙНГОЛЬД: Да, можно считать.

ВЫШИНСКИЙ: Какое Вы принимали в этом участие, вернее какие были Ваши отношения к выработке этого плана - были ли Вы механическим передатчиком этого плана другим лицам, или же Вы к этому относились сознательно.

РЕЙНГОЛЬД: По чистой совести говоря, я не думаю, чтобы Каменев и Зиновьев рассматривали меня как механического передатчика и я могу это подтвердить теми заданиями, которые поручались мне со стороны Каменева и Зиновьева, например, такой ответственный вопрос, как создание за границей специального фонда финансирования контрреволюционной организации,/когда велись со мной разговоры относительно запаса валюты на случай высылки Каменева и Зиновьева за границу.

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте спросить Каменева относительно фонда.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Каменев, был такой разговор.

КАМЕНЕВ: Это было в 1929 году, когда я и Зиновьев предполагали, что мы можем быть высланы за границу, как и Троцкий, а поэтому считали необходимым создать за границей

некоторый фонд для поддержки и продолжения той работы, которую мы вели здесь.

ВЫШИНСКИЙ: Из каких средств Вы думали создать этот фонд.

КАМЕНЕВ: У нас были намечены средства.

ВЫШИНСКИЙ: Вы обратились за помощью к РЕЙНГОЛЬДУ.

КАМЕНЕВ: Не за помощью, так как это слово опорочено, а просто с поручением к РЕЙНГОЛЬДУ и Э..... о создании этого фонда. РЕЙНГОЛЬД и Э..... были выделены для этой работы потому, что во всей предварительной подготовке и проводимой работе они были финработниками, руководимые Сокольниковым.

ВЫШИНСКИЙ: Этот фонд Вы предполагали организовать за счет государства.

КАМЕНЕВ: Во всяком случае не из наличных средств РЕЙНГОЛЬДА.

ВЫШИНСКИЙ: Вернее говоря, Вы хотели обокрасть государство.

КАМЕНЕВ: РЕЙНГОЛЬДУ было поручено с помощью других работников из этих средств создать за границей денежный фонд в целях поддержки нашей организации.

ВЫШИНСКИЙ: Но это соответствует моей квалификации.

КАМЕНЕВ: Зачем же мне присоединяться к Вашей квалификации, когда у меня есть своя — моя квалификация политическая, а Ваша уголовная.

134

ОД/ЕМ

- 51 -

135

ВЫШИНСКИЙ: Значит это соответствует моей квалификации. Вы не возражаете.

КАМЕНЕВ: Зачем мне присоединяться к вашей квалификации, если у меня есть своя квалификация, ^{-политическая-} у вас уголовная. /Смех в зале/.

ВЫШИНСКИЙ: Вы правы. Какая была еще деятельность Каменева и Зиновьева кроме покушения на государственные средства.

РЕЙНГОЛЬД: Хотя Каменев взял на себя роль моего добровольного помощника, но трантовка меня, как технического исполнителя неправильна. Я не только имел поручения, но знал для чего это делается. Эта мотивировка для возможности Каменева и Зиновьева очутиться за границей, мне была известна. Я мог бы сослаться на другие примеры политического сотрудничества с Каменевым, хотя у меня не было знаний в отношении сельско-хозяйственной платформы, это в мою специальность не входило, но я сотрудничал не только по линии исполнения, но и по политической.

ВЫШИНСКИЙ: Это правильно. Вы его привлекли для составления того, что входит в сельско-хозяйственную платформу.

КАМЕНЕВ: Напрасно Рейнгольд обидился, он был не простым техническим работником, и не даром он сидит вместе с нами на этом процессе. Я указал только на то, что при выработке плана прихода наших нас к власти, он не принимал участия.

РЕЙНГОЛЬД: Моя реплика и то, что говорил Каменев - обиды ничего общего с обидой не имеет. Если меня изображают как лицо техническое, то целый ряд вопросов политических, о которых я ^{-восприняты-} показываю следствию, могут быть раскрыты судом с известным сом-

138

158

нением, как человека не во всех делах достаточно компетентного,
-для-
и поэтому слова Каменева имеют значение, как человека, имеющего
знания в финансовых делах. Я хочу сказать, что я принимал уча-
стие в делах политических не как рупор, а как активный участ-
ник этого участка, как человек, который имеет достаточно данных,
чтобы говорить с Каменевым и Зиновьевым общим языком.

1. ШИШОВЕВ, КАМЕНЕВ и все их ~~соавторы~~ участники контр-
революционной троцкистской организации, допускали, что
в ГПУ имеются нити того государственного заговора, кото-
рый нами подготовлялся. Вот почему в деле самый явн-
ый ~~и самый главный~~ ^{в смысле психологическом} враг власти, ~~ник~~ ^{Джугашвили - Зинovieвский} составной элемент, выполняя
задание, уничтожить все те элементы этого дела, которые
могут повредить политически и скомпрометиро-

~~подей и рты и привител стей~~. Предполагалось и ~~многочис-~~
~~лым~~ и КАМЕННЫМ (об этом они делились со мною), что БА-
КАЕВ должен будет на завтра после переворота, после зах-
вата власти, стать во главе ИТУ в качестве председателя
ИТУ. Опираясь на аппарат ИТУ, он должен был помочь

(как это ни будет звучать, может быть и чудовищно, и странно, и необычно, - я не знаю таких прецедентов, может быть главы организации в своем политическом багаже имеют такие политические прецеденты) скрыть следы, должен был

уничтожить, убить не только тех сотрудников и работников НКВД - ГПУ, которые могли бы иметь кое какие нити заговора, но и всех ~~тех~~ непосредственных исполнителей террористических актов против СТАЛИНА и ~~других лиц~~ его ближайших помощников. И своих активистов, своих террористов-боевиков, которые были замешаны в этом деле, должна была уничтожить троцкистско-зиновьевская организация руками БАКАЕВА. А ~~на деле после этого произошло то, что~~

первым шагом после прихода к власти КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА будет приближение ТРОЦКОГО, что считалось само сабою разумеющимся. В качестве второго шага намечалось: опираться на ТРОЦКОГО, снять и убрать с постов-партийных и советских — людей, наиболее близких к СТАЛИНУ и наиболее ему преданных, и таким образом полностью захватить в свои руки власть в стране, поставить своих руководителей и овладеть всеми рычагами власти. Вот этот план во всех его частях.

ВЫШИНСКИЙ: — Откуда Вам известно об этой последней части этого плана?

РЕЙНГОЛЬД: — Последняя часть этого плана вынашивалась и КАМЕНЕВЫМ, и ЗИНОВЬЕВЫМ, и они делились со мною этим планом.

ВЫШИНСКИЙ: — Обвиняемый БАКАЕВ, Вы намечались, в случае успеха Вашего плана, председателем ЦК?

БАКАЕВ: — ЗИНОВЬЕВ как-то высказывал такое пожелание: или председателем ЦК или председателем ЦК ВКП(б).

ВЫШИНСКИЙ: — Когда это ЗИНОВЬЕВ высказывал такое предположение?

БАКАЕВ: — (молчит).

ВЫШИНСКИЙ: — Я не прошу указать точно место и день. В каком году?

БАКАЕВ: — Это было летом 1932г.

ВЫШИНСКИЙ: — А о себе он говорил — кем он будет в случае успеха плана.

БАКАЕВ: — Тут были ЕВДОКИМОВ, я, КУКШИН и КАМЕНЕВ.

ВЫШИНСКИЙ: — И все портфели распределены или остались незаняты.

БАКАЕВ: -
Евдокимов спросил, а вы что будете делать.

ВЫШИНСКИЙ - Кого ?

БАКАЕВ - Зиновьева.

ВЫШИНСКИЙ - Что же Зиновьев пожелал ?

БАКАЕВ - А Зиновьев говорит, я бы работал в Коминтерне, потом добавляет дальше, а Лев Борисович, это он про Каменева говорил, стоял бы во главе Правительства, Совнаркома.

ВЫШИНСКИЙ - А Евдокимов ?

БАКАЕВ - А я? Евдокимов спрашивает, (смех в зале) А Григорий Евсеевич говорит, наверное были бы секретарем ЦК.

РЕЙНГОЛЬД - У меня небольшая поправка есть.

БАКАЕВ - Дальше ~~Никиш~~..Куклин...

ВЫШИНСКИЙ - Ну, Куклин уже умер. (к Рейнгольду) Какая поправка ?

РЕЙНГОЛЬД - Бакаев в общем прав, такой разговор был. Я знал об этом от Каменева и Зиновьева. Назавтра, после захвата власти, Каменев должен был ~~идти~~ стать во главе Правительства, Зиновьев во главе партии. Евдокимов секретарь ЦК, Бакаев во главе ОГПУ. На счет Троцкого вопрос оставался открытым. Тут был ряд трудностей, которые Каменев и Зиновьев заранее предвидели и не брались разрешать. Этот разговор носил как бы характер прикидки, так как делили шкуру медведа, который был далеко не убит.

ВЫШИНСКИЙ - Вот в этом разговоре относительно уничтожения следов преступления так откровенно и говорилось, что перебить работников НКВД, а потом и террористов ?

РЕЙНГОЛЬД - Тех кто был непосредственно связан был с этим.

ВЫШИНСКИЙ - Кто говорил об этом ?

РЕЙНГОЛЬД - Это говорил Каменев и Зиновьев.

ВЫШИНСКИЙ - Зиновьева позвольте спросить по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ - Обвиняемый Зиновьев, что вы скажете ?

ЗИНОВЬЕВ - Подтвердить эту нелепую версию о том, что я сообщил Рейнгольду, что его после успеха убьют, я не могу и отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ — Но вами ~~нигде~~ какие нибудь прорабатывались меры к уничтожению следов этого преступления, об этом думалось, говорилось ?

ЗИНОВЬЕВ — Уже из того, что в ходе следствия было выяснено о комбинации между двурушничеством и терроризмом, из одного этого вытекает, что конечно.

ВЫШИНСКИЙ — Нет, но говорилось ли о том, что в случае успеха Бакаева назначить председателем ОГПУ ?

ЗИНОВЬЕВ — Из показаний, которые я дал на предварительном следствии и которые наверное известны гражданину прокурору, я подтвердил, что в ходе наших действий разбирался вопрос о распределении ролей в случае победы, и в этом случае пост председателя ОГПУ намечался Бакаеву. Всякий понимает, насколько это влиятельный пост и что человек, который заполучил бы этот пост, мог бы очень много помочь к сокращению преступлений.

ВЫШИНСКИЙ — Бакаев должен был, будучи председателем ОГПУ, замести следы преступления ?

ЗИНОВЬЕВ — Между прочим и это.

ВЫШИНСКИЙ — Как же это он заматал бы ? Ведь преступления делали вы, а не председатель ОГПУ ?

ЗИНОВЬЕВ — Мы об этом конкретно не говорили.

ВЫШИНСКИЙ — Вы не говорили конкретно, а я хочу конкретно говорить. Вы же понимаете, Зиновьев, председатель ОГПУ, он держит в своих руках нити государственного управления и политической борьбы со всякого рода политическими контр-революционными настроениями, направлениями и т.д. Когда вы сажаете, победивши, по собственным словам, начальником ОГПУ Бакаева, чтобы он между прочим принял меры для уничтожения совершенных вами преступлений, как ^(вы полагаете) ~~нигде~~ мог он это сделать ?

Как это можно сделать? Очевидно, нужно как-то проявить себя по отношению к участникам этих преступлений.

ЗИНОВЬЕВ: Разумеется, только злоупотребления, ^{ми,} ^{ми} ~~выявки~~ и преступлениями.

ВЫШИНСКИЙ: Что он должен был делать?

ЗИНОВЬЕВ: Я не это не могу дать ответ.

ВЫШИНСКИЙ: Вот Рейнгольд дает ответ.

ЗИНОВЬЕВ: Это сводится к тому, что я должен был сообщить, что его или ближайших товарищей я должен буду убить.

РЕЙНГОЛЬД: Пусть судит суд, чьи об"яснения носят более нелепый характер. То, за что ухватился Зиновьев, что он должен был сообщить об этом тому же лицу, которое он собирался убить, не выдерживает никакой критики. Зиновьев отлично знает, что никто мне не давал поручения стрелять в Сталина, что я выступал как организатор, подобрал таких людей как Радин, Файвилович.

ВЫШИНСКИЙ: Как Котлынов, Румянцев.

РЕЙНГОЛЬД: Или даже как Богдан, который известен Зиновьеву. Почему не мог Зиновьев об этом со мной говорить? Я никакой нелепости в своем показании не вижу и его полностью подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ: Бакаев, в вашей группе или той группе, в которую входили Рейнгольд, Пикель, Дрейцер, Богдан участвовал.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: У Богдана какие -либо поручения были?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: От кого?

БАКАЕВ: От Зиновьева. По поручению Зиновьева Богдан должен был стрелять в Сталина, в Секретариате ЦК.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Зиновьев, вы слышали показания Бакаева?

ЗИНОВЬЕВ: Единственно, что я могу подтвердить это то, что я советовал Бакаеву привлечь Богдана, которого я считал подходящим человеком.

ВЫШИНСКИЙ: Для какой деятельности? Террористической деятельности?

ЗИНОВЬЕВ: Которую выработал зиновьевско-троцкистский це

ВЫШИНСКИЙ: Значит, правильно показание, что вы, Зиновьев, привлекли через Бакаева Богдана для убийства тов. Сталина?

ЗИНОВЬЕВ: Правильно то, что я рекомендовал Бакаеву привлечь Богдана для покушений, в том числе и на тов. Сталина.

ВЫШИНСКИЙ БАКАЕВ: Разрешите я скажу подробно. После того, как мне было поручено организовать убийство Сталина, Зиновьев предложил мне на следующий день зайти к нему после работы. Я зашел и встретил у него Рейнгольда и Богдана. Зиновьев, здороваясь, сказал мне: "вот боевик для вашей группы, затем Рейнгольд рекомендует еще Файвиловича, я тоже его знаю с хорошей стороны" - говорит Зиновьев.

ВЫШИНСКИЙ: Это значит - "с хорошей стороны"?

БАКАЕВ: Абсолютно надежный человек.

ВЫШИНСКИЙ: Для выполнения террористических актов?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Это для Зиновьева значит - знать с хорошей стороны?

БАКАЕВ: Зиновьев спросил, возражаю ли я против вовлечения в боевую группу Файвиловича.

БАКАЕВ. Я говорю, если рекомендует Рейнгольд, который лучше знает Файвиловича, и вы, у меня возражений нет. Зиновьев тогда закончил: таким образом боевая группа сконструирована. Я, говорит, предлагаю распределить между вами обязанности следующим образом.

ВЫШИНСКИЙ. Это Зиновьев сказал?

БАКАЕВ. Да. Богдан должен стрелять в Сталина, а вы: я - БАКАЕВ, Рейнгольд и Файвилович должны обследовать маршрут поездок Сталина за город. И тут же, в этот же раз Зиновьев несколько раз повторил, чтобы он не теряя времени шел в Секретариат Центрального Комитета и стрелял там в Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. Это было в присутствии Рейнгольда?

БАКАЕВ. Это было в присутствии Рейнгольда, Бакаева и Зиновьева.

ВЫШИНСКИЙ. Рейнгольд подтверждает это?

РЕЙНГОЛЬД. Да, подтверждаю.

ВЫШИНСКИЙ. Следовательно об Богдане говорили, как об исполнителе террористического акта против т. Сталина? Богдан пользовался особым доверием Зиновьева и ему было поручено участие в террористическом акте против т. Сталина. Зиновьев решил привлечь его...

РЕЙНГОЛЬД. Это не есть комиссия, куда нужно привлечь. Тут дается прямое боевое поручение.

ВЫШИНСКИЙ. Вы присутствовали, когда давалось это поручение?

РЕЙНГОЛЬД. Да, это было в присутствии Бакаева.

ВЫШИНСКИЙ. Обвиняемый Зиновьев, не припомните ли теперь?

ЗИНОВЬЕВ. Я не имею никаких оснований и желания во что бы то ни было ослабить свою ответственность за все эти чудовищные преступления. Это видно из показаний и дополнительных показаний, какие я дал. Поскольку я должен сказать здесь совершенно точно, я заявляю, что я не припоминаю даже этого самого совещания. Но что действительно было - это то, что я рекомендовал Богдана. Это разумеется в смысле ответственности тоже самое, что здесь говорится. Да, я имел особое доверие к этому человеку.

ВЫШИНСКИЙ. Он был вашим личным секретарем?

ЗИНОВЬЕВ. Богдан был несколько лет моим личным секретарем.

ВЫШИНСКИЙ. И вы ему абсолютно доверяли?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. И указали Бакаеву, как на надежного человека для террора?

ЗИНОВЬЕВ. Бакаев его знал также близко, как и я и я указал ему на него, как на человека, очень пригодного для этих действий, не вникая во все технические подробности дела.

ВЫШИНСКИЙ. Я не думаю, конечно, что вы входили в эти технические подробности.

Можно считать установленным, что во-первых, вы хорошо знали, как особо близкое лицо Богдана, во-вторых, вы ему во всем доверяли, в третьих, вы его считали особо надежным человеком, в четвертых, вы считали его подходящим человеком для террористической деятельности. Вы указали на него Бакаеву, как на исполнителя террористического акта против т. Сталина.

ЗИНОВЬЕВ. Как на возможного исполнителя террористического акта вообще, потому что Бакаев имел большие полномочия и сам мог использовать его по своему усмотрению.

ВЫШИНСКИЙ. Но в том числе вы имели ввиду и террористический акт против т. Сталина?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы все это подтверждаете?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Весь вопрос сводится только к одному: лично вы давали Какакину Богдану такое поручение или вы поручили это Бакаеву. Только в этом расхождение. Вы говорите, что вы лично не давали, а Рейнгольд и Бакаев утверждают, что вы дали это поручение лично. По существу, конечно, разницы в этом нет.

ЗИНОВЬЕВ. Моя ответственность этим не снимается.

ВЫШИНСКИЙ. А еще когонибудь вы рекомендовали Бакаеву как подходящего человека, чтобы стрелять в вождей партии и правительства.

ЗИНОВЬЕВ. Да, говорилось о Пикеле, Рейнгольде.

ВЫШИНСКИЙ. Вы указали Бакаеву на Пикеля и Рейнгольда, как на боевых ребят, подходящих для этого дела?

ЗИНОВЬЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Больше вопросов у меня нет.

Перерыв на 20 минут.

КОМЕНДАНТ: Суда идет, прошу встать.

УЛЬРИХ: Садитесь, пожалуйста. (Обращаясь к ВЫШИНСКОМУ) у Вас есть вопрос к РЕЙНГОЛЬДУ.

ВЫШИНСКИЙ: Нет.

УЛЬРИХ: У подсудимых есть вопросы к РЕЙНГОЛЬДУ.

РЕЙНГОЛЬД: У меня есть заявление ~~к~~ суду. ~~ЯХИМОВИЧ~~

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

РЕЙНГОЛЬД: Я понимаю, что копаться в нашем контрреволюционном болоте обязанность очень тяжелая, но чтобы не получить упрека от суда в том, что я что-нибудь скрыл, поэтому я хочу просить суд разрешить мне осветить еще несколько вопросов, а именно подробнее рассказать о двух покушениях готовившихся на СТАЛИНА, о связи троцкистско-зиновьевской организации за границей, о работе, так-называемого западного центра, и более подробно о краже государственных средств.

УЛЬРИХ: Сначала остановитесь на освещении первого вопроса, т.е. кто и когда готовил покушение на тов. СТАЛИНА, тов. Прокурор, что Вы скажете по этому вопросу.

ВЫШИНСКИЙ: Если РЕЙНГОЛЬД имеет сообщить что-нибудь по этому вопросу, то я хотел бы выслушать.

УЛЬРИХ: Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, объясните кто и когда готовил покушение на товарища СТАЛИНА.

РЕЙНГОЛЬД: Первое покушение на СТАЛИНА было подготовлено в середине лета 1934 года. Преварительная подготовка к этому покушению была произведена на квартире у ШАРОВА с участием БАКАЕВА, меня и ЕВДОКИМОВА. Во время этой подготовки было суммировано наблюдение и было установлено, что местом покушения должно быть Можайское шоссе. В результате наблюдений, производимых людьми, которые участвовали в этом деле, как-то СЕРЕГИНЫМ и из группы ДРЕЙЦЕРА Хрусталевым, были установлены наиболее вероятные дни и часы проезда машины СТАЛИНА. На квартире ШАРОВА

ШАРОВА с участием ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА и меня был составлен перечень примерных кандидатур, которые должны были участвовать в этом деле. В качестве непосредственных исполнителей, т.е. тех которые должны были стрелять Сталина, были названы Сер....., РАДИН и ФАЙВОЛОВИЧ и некоторые другие. Было установлено, что из этого основного списка БАКАЕВ отберет непосредственного исполнителя и организует выполнение покушения на СТАЛИНА.

150 170

Мне известно, что после того, как это покушение окончилось неудачно, потому, что боевики террористы, которые были поставлены на участие Дорогомиловского шоссе, где была трамвайная остановка и машина Сталина должна была замедлить ход, боевики-террористы боялись и ушли не выполнив покушения. Затем мы собрались на квартире у Шарова, где мы встретились с Бакаевым. Было предположено остановить машину выстрелом одним и еще одним выстрелом покончить со Сталиным. За Сталиным было наблюдение не только по Можайскому шоссе, мне известно от Гордина и Голейникова, что в Кремле была группа, которая была связана с троцкистско-зиновьевской организацией, которая им следила за Сталиным. Эта группа очень тщательно замаскированная Голейников вела свои нити, как мне говорил Гордин, как Кайки К Каменеву, жена брата Каменева - Розенфельд работала в Кремле и поддерживала отношение с группой террористов, фамилии которых мне неизвестны.

ВЫШИНСКИЙ: Откуда Вам это известно.

РЕЙНГОЛЬД: Это мне известно от Голейникова.

ВЫШИНСКИЙ: Я хотел бы, чтобы Рейнгольд сказал о тех случаях подготовки, в которых он или кто-либо из присутствующих подсудимых здесь на суде принимали участие. В первом случае вы участвовали непосредственно, кто еще имел отношение.

РЕЙНГОЛЬД: Бакаев, Евдокимов, Шаров, группа Дрейцера, Хрусталев, боевики-террористы.

ВЫШИНСКИЙ: Непосредственно на место покушения кто выезжал.

РЕЙНГОЛЬД: Непосредственно выезжал Бакаев с группой террористов, мне известна фамилия Серегина и Радина.

ВЫШИНСКИЙ: От кого вам это известно.

РЕЙНГОЛЬД: От Бакаева непосредственно.

ВЫШИНСКИЙ: Значит организатором покушения был Бакаев. Нецелесообразно ли в суде учинить допрос Бакаеву, когда подготовлялось второе покушение. Эти два удара, которые были решены об"единенным центром одновременно - удар против Кирова в Ленинграде и в Москве против Сталина, кому нибудь поручалось покушение на Сталина.

РЕЙНГОЛЬД: Бакаеву и группе, которая вокруг него была.

ВЫШИНСКИЙ: А в Ленинграде.

РЕЙНГОЛЬД: Бакаев должен был проверить группы в Ленинграде.

ВЫШИНСКИЙ: Вы непосредственно участие в этом принимали.

РЕЙНГОЛЬД: В Ленинграде нет, в Москве да.

ВЫШИНСКИЙ: В чем выражалось ваше участие.

РЕЙНГОЛЬД: Я договорился с Круглянским и Кривошеиным.

152

... и там должны были в качестве террористов-боевиков произвести непосредственно террористический акт против СТАЛИНА.

ВЫШИНСКИЙ: - Это все, что Вам известно?

РЕЙНГОЛЬД: - Да, все что мне известно.

ВЫШИНСКИЙ: - И что касается Вашего лично участия в этом государственном преступлении?

РЕЙНГОЛЬД: - Да.

ВЫШИНСКИЙ: - Я полагаю, что проверка показаний РЕЙНГОЛЬДА будет произведена тогда, когда мы будем допрашивать БАКАЕВА. Поэтому позвольте мне перейти к другому вопросу, который затронул РЕЙНГОЛЬД.

Вы сказали, обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, о запасном центре. Я так понимаю; у Вас был план на случай успеха и был план на случай неудачи. Вот скажите: на случай неудачи какой был план?

РЕЙНГОЛЬД: - И ЗИНОВЬЕВ, и КАМЕНЕВ считались с тем, что задуманный удар может привести к разгрому организации. На этот случай неудачи была намечена группа людей, в прошлом активных людей троцкистско-зиновьевской организации, которая должна была выполнить функцию об "единенного центра, которая должна была продолжить террористическую работу, начатую об "единенным центром. В эту группу намечены были следующие лица (об этом мне известно от КАМЕНЕВА): СОКОЛЬНИКОВ, РАДЖ, СЕРЕБРЯКОВ и ПЯТАКОВ. Мотины, почему именно эти лица должны были войти в запасный центр и продолжать террористическую деятельность, заключались в том, что все эти лица отличались одной общей чертой: они все были либо вообще некомпрометированы в последние годы, некоторые из них, как

ПЯТАКОВ и СОКОЛЬНИКОВ, входили в состав ЦК; некоторые из них, как РАДИК, держали себя таким образом, что ~~они~~ в среде троцкистско-зиновьевской организации говорили, о РАДИКЕ, например, как об образцовом, как о примернейшем двурушнике, двурушничество которого просто изумительно, настолько он держал себя лояльно и преданно в отношении Центрального Комитета и СТАЛИНА. И, наконец, такой человек, как СЕРГЕБЯКОВ — глубоко законспирированный, внешне аполитичный, который, казалось, порвал все свои связи с троцкистско-зиновьевской организацией, а на самом деле по-прежнему остался троцкистом, тесно связанным с троцкистской организацией. Поскольку это так, постольку на этих людей и пал выбор, и в этом направлении с этими людьми и велись переговоры.

ВЫШИНСКИЙ: — Вы сказали после перерыва в своем заявлении о том, что желали бы дополнить свои показания — относительно кражи государственных средств.

РЕЙНГОЛЬД: — Летом 1933г. встал вопрос (его подымали БАКАЕВ и др.) о том, что организации нужны деньги: нужно закупать оружие, кое где доставать это оружие путем взяток, надо было платить деньги людям, которые были специально связаны с террористической работой и находились иногда без службы. Нужны были деньги. И вот по заданию КАМЕНЕВА и ~~ЗИНОВЬЕВА~~ ^{или даже поручен} связаться с АРКУСОМ изыскать необходимые средства.

154

РЕИНГОЛЬД — Я связался с Аркусом, заместителем председателя госбанка и наметил ту комбинацию, которая должна была дать возможность получить государственные средства для финансирования террористической деятельности. В этой комбинации должны были участвовать Евдокимов и Федоров, в качестве руководителей хозяйственных организаций, связанных с госбанком и финансировавшихся госбанком. Причем я получил согласие Аркуса, Евдокимова и Федорова на то, чтобы проделать эту операцию. Она заключалась в том, чтобы Федорову и Евдокимову получить 30 тысяч рублей. Эти 30 тысяч рублей были получены и переданы организации. Операция была проведена, об этом я показывал на предварительном следствии как она была проведена. Деньги были получены Евдокимовым и Федоровым и переданы в 1934 году организации в лице Геррика. Вот что мне известно о незаконном использовании средств государства для террористических целей организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы кончили, вопросов больше нет ?

ВЫШИНСКИЙ — Вопросов нет, у меня будет заявление.

РЕИНГОЛЬД — Я кончил только по этому вопросу. Есть еще вопрос о связи с заграничной троцкистской организацией.

ВЫШИНСКИЙ — Это важный вопрос. Расскажите в основном без подробностей.

РЕИНГОЛЬД — Начиная с 1930 года Зиновьев, через Ромма, Мадьяра, Вуйовича и ряд других, в этом же плане использовался Цикель, поддерживал связь с заграничной троцкистской организацией. Я имею в виду группу Савен, Дрио, Грензберга в Германии (?) все они вели ожесточенную борьбу против руководства Коминтерна и секций Коминтерна. Через этих лиц, которых я указал, также через некоторых других, которые мне неизвестны, но о существовании которых я знаю через Ромма, Зиновьев поддерживал с ними тесную организационную связь, поднимая их к борьбе против руководства Коминтерна и против руководства германской и французской секций Коминтерна. Причем директивы и лозунги, которые давал Зиновьев заключались в том, чтобы всемерно дискредитировать нынешнее руководство Коминтерна, возложить на это руководство целый ряд пора-

775
155

жений, который потерпел рабочий класс в тех или иных странах, приписать все это неправильной и вредной для рабочего класса политики Коминтерна и на этой основе поднять массы братских компартий против руководства Коминтерна. Таким образом здесь был перекинут мост и через Троцкого с тем, чтобы создать за границей блок аналогичный троцкистско-зиновьевскому блоку, который был организован внутри СССР. Вот что мне известно по вопросу о связи с заграничной троцкистской организацией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вопросов больше нет. У подсудимых нет вопросов?

БАКАЕВ - У меня вопрос к Рейнгольду. Вы говорите, что я поднимал перед вами вопрос об изыскании средств, нехватавших для приобретения оружия. Когда и где это было?

РЕЙНГОЛЬД - Вы поднимали этот вопрос не передо мной, а перед Зиновьевым и Каменевым и не только для того, чтобы иметь эти деньги на покупку оружия, но и для всех прочих нужд террористической организации, а поручения я имел не от Бакаева, а от Каменева, согласовано с Зиновьевым.

БАКАЕВ - Я ставил этот вопрос перед Зиновьевым и Каменевым?

РЕЙНГОЛЬД - Да.

СМИРНОВ - Разрешите мне спросить Зиновьева?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вы будете давать показания через несколько минут, давайте сейчас не будем терять время.

Farael cm 156-173

19 cm ber

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Больше вопросов к Рейнгольду ни у кого нет?

ВЫШИНСКИЙ: Я хотел сделать заявление суду относительно последней части показаний обвиняемого Рейнгольда. Обвиняемый Рейнгольд дал показания относительно запасного центра, назвал ряд фамилий, дал показания относительно террористической деятельности так называемой правой группы, тоже с рядом фамилий, он дал показания об организации за границей валютного фонда, что было подтверждено отчасти и Каменевым и, наконец, дал показания о связи троцкистско-зиновьевского центра с некоторыми заграничными организациями. Я должен отметить, что ни один из этих четырех эпизодов не вошел в обвинительное заключение и не служит предметом разбирательства настоящего судебного процесса. Это объясняется тем, что по всем этим вопросам ведется предварительное следствие и эти вопросы органически не связаны с предметом настоящего судебного разбирательства, так, чтобы в силу статьи 118-й Уголовно-Процессуального Кодекса было бы необходимо объединить все эти вопросы в одно дело. Все эти дела находятся сейчас в производстве и представляют собою самостоятельные дела, которые будут в свое время направлены в суд.

Поэтому я прошу суд разрешить, чтобы в этой части обвинение не представляло вниманию суда вопросов, не являющихся предметом обвинения по настоящему делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Переходим к допросу подсудимого Бакаева.

ВЫШИНСКИЙ: В виду того, что часть вопросов, связанных с преступной деятельностью Бакаева, выяснилась из допроса его самого и опроса других подсудимых, я хочу воспользоваться правом допроса сейчас для выяснения двух моментов его преступной деятельности. Я хотел бы, чтобы обвиняемый Бакаев дал показания относительно подготовки террористических актов в Москве против тов. Сталина и чтобы он дал показания, если он этого пожелает, связанные с участием троцкистско-зиновьевского центра в убийстве тов. Кирова. Эти два вопроса я хотел бы подвергнуть исследованию на судебном следствии.

157 178

БАКАЕВ: Я хотел бы в самых кратких словах сказать о своих преступлениях перед партией и рабочим классом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы об этих преступлениях говорили еще в январе 1935 года целые речи, которые застенографированы. Теперь мы хотим услышать об отдельных ваших преступлениях без общей платформы, без деклараций, без общих краз, которые достаточно надоели в прошлом году. Вм последнем слове можете говорить что угодно. Вам задали два вопроса: о вашем участии в подготовке покушения на тов. Сталина и о вашем участии в убийстве тов. Кирова.

БАКАЕВ: Я уже говорил, каким образом была сформирована боевая группа, руководителем которой Зиновьев назначил меня.

Сейчас я продолжу свои показания для того , чтобы показать, в чем же выражалась деятельность этой группы.

Зиновьев настаивал на том, чтобы убийство Сталина было совершено в Секретариате ЦК. Он неоднократно повторял , что это должно быть делом немедленным и заставлял Богдана придти в Секретариат на следующий день чтобы возможно скорее покончить со Сталиным. Через несколько дней Богдан сказал мне, что Зиновьев не дает ему покоя, требуя немедленного убийства Сталина, а Богдан до сих пор не видел Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. Кому сказал это Богдан?

БАКАЕВ. Мне.

ВЫШИНСКИЙ. Кто присутствовал при этом?

БАКАЕВ. Никто при этом не присутствовал.

ВЫШИНСКИЙ. Значит сказал с глазу на глаз о том, что Зиновьев не дает ему покоя , требуя немедленного убийства Сталина?

БАКАЕВ. Да, я говорит не имею возможности встретить Сталина. Богдан просил меня особо переговорить с Зиновьевым для того, чтобы воздействовать на него для того, чтобы добиться прекращения дергания и нервирования Богдана. Я говорил с Зиновьевым, он сказал: хорошо, но мы теряем золотые дни. А через пару дней я узнал от того же Богдана, что Зиновьев попрежнему вызывает его к себе. А нужно сказать, что они жили не только в одном доме, но на одной лестнице , через пролет. Одним словом, я узнал, что Зиновьев снова вызывает Богдана к себе и требует ускорения террористического акта против Сталина.

ВЫШИНСКИЙ. В каком году это было?

БАКАЕВ. Это было в конце августа 1932 года. Через несколько дней Богдан заявил мне, что ему одному чрезвычайно трудно выполнить поручение в отношении убийства Сталина. Ему нужен второй товарищ. Я спросил, кого же он имеет ввиду, кого бы он мог для этого рекомендовать. Богдан назвал фамилию Пикеля. Я был удивлен и говорю Богдану: как же Пикель? А ведь его заявление в печати есть об отходе от Зиновьева. Богдан улыбаясь заявил мне, что это ничего, Пикель по прежнему предан Зиновьеву и Зиновьев рекомендует его для этой работы. Ну, если сам Зиновьев рекомендует, с моей стороны возражений не было.

Я просил Богдана устроить мне встречу с Цикелем для того, чтобы поговорить с ним и выяснить непосредственно его отношение к участию в убийстве Сталина. Вскоре я встретил Цикеля у Богдана, спросил его: знает ли он, чем вызвана наша встреча. Цикель говорит, что он это знает и согласен принять участие в работе боевой группы. Тогда завтра же вместе с Богданом направляйтесь снова в Секретариат ЦК!

Мы еще на квартире Зиновьева условились с Рейнгольдом относительно того, что как только он переговорит с Файвиловичем и выяснит его согласие на участие в боевой работе террористического центра, так он заедет за мной и мы поедем посмотреть маршрут следования Сталина. Причем я просил Рейнгольда выяснить примерно этот маршрут. Недели две спустя после этого разговора Рейнгольд заезжает за мной вместе с Файвиловичем и предлагает мне поехать для обследования маршрута следования машины Сталина для того, чтобы выяснить место, удобное для совершения террористического акта.

160

Маршрут был такой: Арбат, Доргомиловская улица, Можайское шоссе. Проехали мы по всему этому маршруту и ничего подходящего не нашли. Вернувшись, я доложил ЗИНОВЬЕВУ о результатах нашей поездки и Зиновьев сказал, что нужно усиленно заняться слежкой у здания Центрального Комитета, для того чтобы здесь убить Сталина. Прошло еще несколько дней ВОГДАН и ПИКЕЛЬ ставят передо мной вопрос о приглашении ГРИНБЕРГА — это тоже бывший работник Секретариата Зиновьева. Оба они говорят, что Зиновьев рекомендует Гринберга. Я не возражал против привлечения к участию в боевой работе Гринберга. Чуть ли не на следующий же ВОГДАН устроил мне свидание с Гринбергом у себя на квартире: В это время кроме ВОГДАНА и меня был РЕЙНГОЛЬД. Гринберг согласился принять участие в работе боевой группы. Втроем они стали ходить в секретариат ЦК. Это уже было к осени, тут как раз произошло исключение Зиновьева и Каменева из партии, выяснилось перспектива неизбежной ссылки и передо мной стал вопрос — что же делать дальше.

Как-то в столовой я встретил ЕВДОКИМОВА и спросил его — что же делать. Он сказал, что сегодня пойдём на квартиру к Зиновьеву и выясним у его родственников о состоянии Зиновьева, который в то время был в больнице. Пришли мы на квартиру к родственникам Зиновьева, там уже было несколько человек, одним словом, видно ЕВДОКИМОВ на этой квартире организовал совещание, на котором был я, КУКИН, ЕВДОКИМОВ, ШАРОВ, ДРЕЩЕР, ВОГДАН, ФЕДОРОВ. ЕВДОКИМОВ доложил о положении дела в отношении Зиновьева и поставил вопрос как же быть с подготовкой терактов и вынес предложение приостановить теракты. На это никто не возражал потому, что была видна бессмыслица продолжения подготовки терактов при создавшемся положении.

161

НТ/ЛК

- 74 -

Уже вышли в прихожую, как кто - то задал вопрос - как же быть с Ленинградом, т.к. мы говорили только о Москве, т.е. о подготовке теракта против Сталина. ЕВДОКИМОВ, обращаясь к КУЦЛИНУ и ДРЕЙЦЕРУ, сказал, что нужно срочно предупредить Ленинградцев, чтобы там прекратили подготовительные работы.

162

ОД/ЕМ

-75 -

...а Федоров Григорий.. да Гертин ответил, что не сегодня, так завтра предупредит ленинградцев, а Федоров Григорий сказал, что он в ближайшие дни думает поехать в Ленинград и своих ребят предупредить там. Таким образом приостановилась террористическая работа и подготовка к покушению против Сталина и Кирова была отложена.

БЫШИНСКИЙ: Вновь, когда они явились.

БАКАЕВ: Дальше я о террористической деятельности могу сообщить следующее: у меня лично после всех этих дел было большое желание избавиться от Зиновьева и Каменева. Я старался избегать встреч с ними.

БЫШИНСКИЙ: В каком году.

БАКАЕВ: В 1933-1934 г. Но не вышло у меня. В 1934 году осенью Шаров пригласил меня на вечеринку какую-то семейную, юбилейную вечеринку. Перед вечеринкой как то вышло так, что в одной комнате оказался я, Евдокимов, Шаров, Рейнгольд и Куклин. Евдокимов поставил передо мной вопрос о том, что же делается в отношении террористического акта против Сталина. Я сказал то, что я уже сообщил вам относительно моей поездки вместе с Рейнгольдом и Файвиловичем на Дорогомиловскую улицу и Можайское шоссе. Отно-
посещения -ата- сительно ~~визитов~~ секретари-ПК Богдана, Гринберга и Пикеля Рейнгольд говорит это не все, кое-что делается в отношении подготовки убийства Сталина и сообщил, что ему удалось установить место, подходящее для совершения террористического акта над Сталиным, что ему еще кое-что известно в этом отношении, он еще кое-что может сказать. Но тут нам говорить не дали, Евдокимов

163

- 76 -

заявил, что ты должен взять это дело в свои руки, постановление в убийстве Сталина никем не отменено и должно быть выполнено.

Рейнгольд сказал, что дня через три-четыре он зайдет за мной и покажет то место, которое они считают удобным для совершения террористического акта.

164

Маш. ВГ.
Ст. МП.

- 77 -

... так оно и вышло.

ВЫШИНСКИЙ: - Когда это было.

БАКАЕВ: - Это было осенью, в октябре 1934 г. Приехали за мною РЕЙНГОЛЬД и ДРЕЙФЕР. Мы втроем направились по тому же маршруту, по какому ездили раньше (Арбат, Дорогомиловская улица). Дорогой РЕЙНГОЛЬД мне сообщил, что им удалось совершенно точно установить не только дни, но и часы проезда СТАЛИНА за город (обычно это происходит накануне выходного дня, были названы часы). Время, - говорит РЕЙНГОЛЬД, - терять не следует, есть люди, которые горят желанием стрелять в СТАЛИНА. Надо, - говорит, - это сделать завтра же.

ВЫШИНСКИЙ: - Кого он имел в виду.

БАКАЕВ: - Когда мы под"ехали к этому месту - около моста, возле Дорогомиловской улицы, он мне назвал фамилию РАДИНА. Я спросил: того самого РАДИНА, который выступал на похоронах БОГДАНА. Да, - говорит, - его. Ведь я его не узнаю, я его видел только раз. Он, - говорит РЕЙНГОЛЬД, - придет не один, а вместе с ФАЙВИЛОВИЧЕМ и со своими ребятами надо завтра же выехать с ними. Я согласился.

ВЫШИНСКИЙ: - Согласились.

БАКАЕВ: - Да. На следующий день после обеда действительно приехал ко мне РАДИН и говорит: "собирайтесь, Иван Петрович, поедem". Выходим, смотрю - в машине ФАЙВИЛОВИЧ и еще один совершенно незнакомый мне человек, о котором РАДИН сказал, что это абсолютно свой человек и примет вместе с ним, РАДИНЫМ, участие в выполнении террористического акта над СТАЛИНЫМ. ФАЙВИЛОВИЧА, - говорит, - мы должны будем высадить на дорогомилловской улице для того, чтобы он нам просигнализировал время прохода в этом месте машины СТАЛИНА, а нас, - говорит, - Вы высадите около моста, -

машину поставим в перулке, там Вы ее и ждите. Хорошо, - говорю. Высадили ФАЙВИЛОВИЧА, где указал РАДИН. Поехали дальше. Через некоторое время догнала нас машина, в которой сидело человек 6 молодых людей, одетых в военные гимнастерки. Взыоновавшийся РАДИН говорит, что это - охрана СТАЛИНА, что она нас заметила, что надо отстаить наше предприятие. Эта машина с охраной (или не знаю кто там был) обогнала нас, причем сидевшие в машине внимательно рассматривали нас. Я сказал, чтобы поворачивать нашу машину обратно, и мы вернулись. По дороге просигнализировали ФАЙВИЛОВИЧУ, чтобы он снимался, садился в трамвай и уезжал, а сами поехали на квартиру РЕЙНГОЛЬДА, как условились накануне, что мы, независимо от результатов выезда для совершения террористического акта, заедем на квартиру РЕЙНГОЛЬДА и скажем ему. Там был кроме РЕЙНГОЛЬДА и ДРЕЙФЕР. Мы рассказали ему.

166

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Все участники были вооружены ?

БАКАЕВ - Да, револьверами. Я сразу доложил об этом Евдокимову. Спустя несколько дней Евдокимов говорит мне: зайдём к Каменеву. Я замаялся, потому что в 1933-34 году я избегал Каменева. Проведаем, говорит, старика. Может быть новинки есть из "Академии". Каменев работал тогда в "издательстве академии", и хотя был очень скупой, но иногда у него можно было достать книжку. Пошли. Евдокимов вместо разговора о книжных новинках, сразу стал ~~панически~~ рассказывать о моей поездке на Драгомиловскую улицу. Затем прерывает рассказ и говорит - да вот Иван Петров сам тут, он ездил, пусть расскажет. Я рассказал. Каменев, говорит, жаль, но будем надеяться...

ВЫШИНСКИЙ - Что жаль ?

БАКАЕВ - Что въезд наш, попытка произвести теракт, попытка покушения не удалась. Жаль, говорит, будем надеяться, что следующая встреча будет удачнее. Тут же он обратился к Евдокимову с вопросом, а как дела в Ленинграде. Евдокимов говорит, что в Ленинграде нужно было бы проверить положение дел, ^{тут} в Ленинград нужно поехать Бакаеву. Каменев, ~~говорит, да,~~ ^{сказывает} да, ~~да, непременно нужно поехать Бакаеву.~~ Согласился я в конце концов.

Евдокимов говорит при этом, что поездка необходима еще и потому, что троцкисты посылают в Ленинград своего человека в помощь нашей группе. Я хочу на минутку остановиться на одном обстоятельстве. Перед отъездом я спрашиваю Евдокимова, к кому я там должен явиться и с кем разговаривать. Евдокимов говорит - нужно явиться к Левину, а он знает с кем нужно разговаривать. Я говорю - не ~~знаю~~ ^{не знаю} адреса Левина, много лет не видел его. Я устрою, что ~~ни~~ ^{наши} тебя ~~наши~~ на вокзале встретят или Левин или Мандельштам. Я поехал и действительно меня на вокзале встретил Левин. Поехал я один, троцкиста не было, потом оказалось, что троцкист приехал в Ленинград раньше меня. В Ленинграде на вокзале меня действительно встретил Левин и ~~заявил, что же Григорий Евсеевич не верит ни Тертику,~~ ~~ни Куклину, ни даже самому Евдокимову, посылают~~ ^{посылают} тебя проверять наши настроения и нашу работу. Ну что-ж, говорит, мы люди не гордые.

Ну, что же? Мы люди не гордые, пойдём. Пошли к нему на квартиру. На квартире в это время был уже Мандельштам, который буквально слово в слово повторил мне заявление Левина, который тот сделал мне на вокзале. Что же? Созывать людей? Я попросил созвать ребят. Через некоторое время в квартире Левина, кроме его самого и Мандельштама, был Сосицкий, Владимир Румянцев, Котолынов и Мясников. Котолынов сказал, что он установил регулярное наблюдение за Кировым, что Киров настолько обложен, что убить его не представляет труда. Я попросил ^{познакомить} ~~представить~~ меня с кем-либо из лиц, намеченных для исполнения терактов. Левин просил Котолынова пригласить Николаева Леонида. Я знал, что Николаев Леонид состоит в ленинградской организации. Левин сказал, что Николаев - это старый комсомолец, которого много лет знает Евдокимов и которого Евдокимов рекомендовал с самой лучшей стороны и как абсолютно надежного человека. Николаев произвел на меня впечатление решительного и убежденного террориста. Он сказал, что ему удалось точно установить время поездок Кирова из квартиры в Смольный, что он может убить Кирова или около Смольного или в Смольном, что он старался попасть на прием к Кирову, чтобы во время приема стрелять в Кирова, но его не приняли. Николаев сообщил дальше, что наблюдение за Кировым он ведет вместе с двумя другими террористами. ~~Между тем заявление Евдокимова о том, что у ленинградского террористического центра было несколько боевых групп, мною не было установлено.~~ Я знаю, что вместе с Николаевым работали несколько человек, которыми руководил Николаев. Один вел наблюдение у Смольного, другой вел наблюдение на улице Красных Зорь. В разведке за Кировым помогал Мясников, работавший в Смольном. Фамилия одного из участников террористической группы Николаева Каник, а другую я забыл. Я сказал Левину, что к ним на помощь придет троцкист, на что Левин заявил, что к ним приехал один троцкист и назвал фамилию Шацкого. На вопрос Левина, какое у меня осталось впечатление после разговора с ленинградцами, я ответил, что впечатление у меня получилось положительное ~~каким~~ в отношении настроения, так и в отношении

168

подготовки убийства Кирова. Имея в виду решение об "единообразии центра и установку Зиновьева и Каменева о одновременном устранении Сталина и Кирова, я договорился с Левиным и Мандельштамом, что стрелять в Кирова они будут лишь после сигнала из Москвы.

Этот сигнал должен был дать я или Гертик от моего имени, после того как будет закончена подготовка удара против Сталина. Наблюдение за Кировым ленинградцы должны были вести по прежнему неослабое. С Левиным и Мандельштамом я условился, что после убийства Кирова немедленно выйдет в Москву Мандельштам и расскажет Гертiku о мерах, принятых для сокрытия преступления.

Возвратившись, как я уже сообщил, отвечая на вопрос прокурора, я доложил о своих впечатлениях Евдокимову и Каменеву. От Евдокимова я знал, что Мандельштам действительно в Москве был после убийства Кирова и сообщил об аресте Николаева и его родственников.

Что касается утверждений Евдокимова о том, что об"единенный центр своим участием в присутствии Карева решил соединить силы в Москве и Ленинграде, создать боевую группу, создать террористические центры в Москве и Ленинграде, определил состав всесоюзного террористического центра и московского центра, словом принял ряд решений, — я должен сказать, что я на этом совещании или просто в решении этих вопросов не принимал участие. Очень многое я узнал сейчас от тебя, Григорий Еремеевич, вот здесь. То же я должен сказать в отношении решений об"единенного центра, которые принимались на квартире Каменева:

ВЫШИНСКИЙ. Каких решений?

БАКАЕВ. Он говорил, что летом 1934 года об"единенный троцкистско-зиновьевский центр с моим участием и участием Сокольников и Тер-Ваганяна принял ряд решений, в том числе и мою поездку в Ленинград. Не был я на этом заседании и не был в этот раз у Каменева. У Каменева я был в 1934 году всего два раза. Первый раз, когда мне дали поручение выехать в Ленинград и второй раз, когда я вернулся с отчетом о своей поездке.

Из всей деятельности террористического центра я знаю о решении убить Сталина и Кирова. Об остальных террористических актах узнал только из обвинительного заключения.

ВЫШИНСКИЙ. Так что вас во все подробности не посвящали?

БАКАЕВ. Нет.

ВЫШИНСКИЙ. Но и того, во что вас посвящали совершенно достаточно для того, чтобы пред"явить вам обвинения в подготовке убийства руководителей партии и правительства?

БАКАЕВ. Да, так.

ВЫШИНСКИЙ. Что же выходит, если посчитать, Бакаев был членом террористического центра. Это правильно?

БАКАЕВ. Правильно.

ВЫШИНСКИЙ. В 1932 году получил поручение об организации убийства т. Сталина. Так ведь было?

БАКАЕВ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Принял целый ряд практических мер к тому, чтобы это поручение выполнить, т.е. организовал несколько попыток произвести покушение на т. Сталина, которые окончились для него неудачно, не по его вине?

БАКАЕВ. Правильно.

124

ЛК

- 85 -

Кроме того принимал участие в решении вопроса убийства тов. КИРОВА.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Кроме того, по поручению центра ездил в Ленинград проверять подготовку этого убийства.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Вернувшись из Ленинграда, доложил, что все в порядке, подготовка убийства идет успешно. Во время поездки виделся с КАТАЛОВИЧЕМ, РУМЯНЦЕВЫМ и друг.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Более того виделся с НИКОЛАЕВЫМ, инструктировал его об убийстве, убедился, что Николаев человек решительный и сможет выполнить данное ему поручение.

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно, Вы являлись фактическим организатором убийства тов. КИРОВА.

БАКАЕВ: Соорганизатором.

ВЫШИНСКИЙ: Я спрашиваю Вы были личным организатором убийства Кирова.

БАКАЕВ: Я был участником, соорганизатором.

ВЫШИНСКИЙ: Были личным участником.

БАКАЕВ: Мое участие выражалось в проверке подготовки этого убийства и я был в Ленинграде очень непродолжительное время.

ВЫШИНСКИЙ: Мы насчитали с Вами целый ряд пунктов, которые говорят, что Ваша роль, как раз, и является ролью организатора. Вы признаете, что Вы были одним из организаторов убийства С.М. КИРОВА - одним из активных организаторов.

БАКАЕВ: Да, признаю.

ВЫШИНСКИЙ: Вместе с кем.

БАКАЕВ: Основными организаторами по моему убеждению являлись КУКЛИН, ГЕРТИК, ЕВДОКИМОВ, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ.

ВЫШИНСКИЙ: А Вы.

БАКАЕВ: А я приехал в Ленинград проверить результат их инструктажа и проч.

ВЫШИНСКИЙ: Разрешите вопрос и обвиняемому ЕВДОКИМОВУ.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ЕВДОКИМОВ, то, что здесь рассказал Бакаев, Вы подтверждаете.

ЕВДОКИМОВ Нет.

ВЫШИНСКИЙ: В чем не согласны.

ЕВДОКИМОВ: Во-первых, я должен сказать о мероприятиях центра по подготовке убийства Сталина, а именно - эта задача перед нами стояла дважды.

ВЫШИНСКИЙ: Следовательно Вы уточняете.

ЕВДОКИМОВ: Я подтверждаю свои показания, которые я давал на предварительном следствии о том, что были две попытки убийства СТАЛИНА.

ВЫШИНСКИЙ: Какие:

ЕВДОКИМОВ: Одна летом 1934 года, другая в октябре - ноябре тоже 34 г.

ВЫШИНСКИЙ: А по поводу убийства КИРОВА.

ЕВДОКИМОВ: По поводу убийства КИРОВА то, что УЛЬРИХ передал БАКАЕВ в основном правильно.

ВЫШИНСКИЙ: Роль БАКАЕВА в этом деле.

ЕВДОКИМОВ: Ему было поручено организовать убийство в Москве и убийство Кирова в Ленинграде.

ВЫШИНСКИЙ: Технически организовать.

ЕВДОКИМОВ: Да, технически.

ВЫШИНСКИЙ: Это правильно, БАКАЕВ.

БАКАЕВ: В отношении первого вопроса - убийство Сталина верно, а в отношении Кирова нет.

ВЫШИНСКИЙ: Вы здесь только проверяли.

БАКАЕВ: Да, мне было поручено проверить организацию подготовки убийства Кирова, я знал, что убийство Кирова и Сталина должно быть произведено одновременно.

173 194

ВЫШИНСКИЙ: Вы говорили о том, что с Ленинградской группой террористической было условлено, чтобы она ждала вашего сигнала.

БАКАЕВ: Я должен был дать сигнал или, по моему поручению, Гертик.

ВЫШИНСКИЙ: Вы даете сигналы, проверяете время, вы проверяете все, что по Вашему сигналу, производите акт — это не называется быть организатором преступления.

БАКАЕВ: Да, это называется быть организатором преступления.

ВЫШИНСКИЙ: Поэтому мы правильно говорим, что ~~вы~~ вы были организатором убийства т. Кирова.

БАКАЕВ: Ну, да, но только не один.

ВЫШИНСКИЙ: Вы были не один, Евдокимов был с вами. Садитесь пожалуйста.

Обвиняемый Зиновьев, и вы были организатором убийства т. Кирова.

ЗИНОВЬЕВ: По моему БАКАЕВ прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства т. Кирова явились в первую очередь я, — Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав дело об "единенный центр. Что Бакаев играл в нем крупную роль, но отнюдь не решающую роль.

ВЫШИНСКИЙ: Решающая роль принадлежала вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора, но он солидаризировался с вами.

КАМЕНЕВ: Да.

Kuxel 6 cm 174-185
19 cm ber.

179

- 88 -

ВЫШИНСКИЙ: Вопросов больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопросов больше нет и обвиняемому Бакаеву: Садитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Пикель. Вы тоже подтверждаете все ваши показания, данные в июле и в августе мес.

ВЫШИНСКИЙ: Есть вопрос.

Конкретно скажите, опишите в чем заключалось ваше практическое участие в террористической деятельности этой подпольной организации. Очень кратко, прошу вас.

ПИКЕЛЬ: Дело в том, что хотя я на протяжении всей террористической своей работы и не был непосредственно связан с Зиновьевым и Каменем, но, как активный член Московского террористического центра, я был в курсе всех основных решений и террористических мероприятиях об"единенного центра.

- 89 -

Осенью 1932 г., по предложению РЕЙНГОЛЬДА, я был приглашен на квартиру к БОГДАНУ, где кроме нас троих были еще БАКАЕВ, который нас информировал о создании созного центра, об основных установках, об основном программном пункте этого об"единения, т.е. теоритической борьбе и о тех об"ектах, которые намечены в первую очередь для покушения, - об убийстве СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА. Мне было предложено принять участие в деятельности нашей боевой организации, руководителем которой являлся БАКАЕВ, и принять участие в первую очередь в покушении на СТАЛИНА. Я дал свое согласие. Как здесь уже говорил БАКАЕВ, он только несколько перепутал, задача сводилась к тому, чтобы осуществить ту директиву. (я здесь целиком подтверждаю показания и РЕЙНГОЛЬДА, и БАКАЕВА) - ту директиву, которую непосредственно дал ЗИНОВЬЕВ, БОГДАНУ, и, по моему убеждению, ЗИНОВЬЕВ непосредственно руководил этим покушением.

ВЫШИНСКИЙ: - Откуда Вам известно, что ЗИНОВЬЕВ непосредственно дал эту директиву.

ПИККЕЛЬ: - Со слов БОГДАНА, с которым я очень тесно связан, который был моим личным другом, с которым мы прошли всю гражданскую войну, и он мне сказал, что это была непосредственная директива, это была, так сказать, первая "проба пера" нашей террористической работы, и здесь не только инициатором, не только идейным вдохновителем, а именно непосредственным организатором был ЗИНОВЬЕВ. Дело в том, что БОГДАН это был чрезвычайно экзальтированный человек и очень оскандавший ЗИНОВЬЕВА. БАКАЕВ говорил, что они даже жили в одном пролете одного и того же дома, БОГДАН чуть ли не каждый день посещал ЗИНОВЬЕВА. Надо сказать, что наши руководители были блестящими мастерами игры на само-

176

- 90 -

любви, на особенностях характера каждого из нас. Разжигать ярость, разжигать ненависть, доводить ^{их} до высшей точки кипения, - это, по существу, было единственным мастерством, которым они обладали. Так что здесь роль БАКАЕВА абсолютно второстепенна.

ВЫШНСКИЙ:

- Первостепенная роль принадлежит ²ЗИНОВЬЕВУ.

ПИСЦЕЛЬ:

- Да. В чем БАКАЕВ напутал. Мне было предложено принять непосредственное участие в террористическом акте с ЮГ-ДАНОМ. Но через несколько дней этот вопрос отпал. Во-первых, он отпал в связи с созданием нашего московского террористического центра, в который я по предложению нашего террористического об"единенного центра вошел. Считалось, что, как руководитель террористической работы в целом, в московском ~~террористическом центре~~ масштабе я не должен принимать непосредственного участия в индивидуальном акте. Кроме того, в этот период мною был подготовлен ГРИНБЕРГ, который принял совместное участие с ЮГ-ДАНОМ; они чередовались: один стоял у под"езда, другой - на пятом этаже ИК, а потом наоборот. Что БАКАЕВ упустил в своем показании. Совершенно правильно он говорил здесь, что сылка ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, кажется, в начале 1933г., заставила свернуть нашу террористическую работу. Так кончилась эта первая "проба пера". Но БАКАЕВ упустил, что....

177

~~ПРЕДСТАВЛЕНИЕ~~

~~ПРЕДСТАВЛЕНИЕ~~ - Что новая попытка покушения на убийство т.Сталина была произведена осенью 1933 года тем же Богданом накануне его самоубийства. Ведь Богдан покончил самоубийством осенью 1933г. Причем здесь уже роль Бакаева значительно активнее. Богдан-индивидуальный исполнитель предстоящего акта.

ВЫШИНСКИЙ - В чем выразилось покушение Богдана ?

ПИКЕЛЬ - Оно выразилось в тех же методах, которые были намечены для первого покушения, т.е. в организации его или в приемной или при проезде. И здесь я должен проиллюстрировать то, что так наивно отрицал Зиновьев, говоря о том, что по существу вопрос о заметании следов террористических преступлений ~~живописаний наших~~ ставился вообще. Мы не только говорили, но и практически разрешали эти задачи. Богдан был убит решением нашей организации за то, что не выполнил террористического акта. Вот вам доказательство того, что этот метод устранения участников был не только теоретическим, но и практически разрешался в нашей работе.

ВЫШИНСКИЙ - Так, что вы подтверждаете показания Рейнгольда ?

ПИКЕЛЬ - Совершенно правильно. Я знаю со слов Рейнгольда и со слов жены Богдана, которая мне говорила, что целую ночь накануне самоубийства Богдана, Бакаев провел вместе с ним, и беседа сводилась к тому, что он ставил перед Богданом два пути: или осуществить покушение, или самому расправиться с собой, иначе - покончить самоубийством. Ему было предложено изобразить жертву партийной чистки, которая тогда происходила. И, насколько я помню, он действительно оставил какую-то записку, в которой говорил о каких-то его недоразумениях партийных со своей ячейкой, со своей парторганизацией. Это тогда было нам выгодно. Богдан покончил самоубийством. Вот первый конкретный факт, что я могу показать по поводу первого, мне известного покушения.

178

Второе покушение, как здесь правильно поправил Бакаев Ефимова, было произведено или в конце Июня, или в начале Июля 1934г. Мое участие в этом покушении на Сталина заключалось в том, что я подготовил для Бакаева непосредственного организатора этого покушения, я подготовил Радина, в котором он принял участие.

ВЫШИНСКИЙ - Радина передали Бакаеву Вы ?

ПИКЕЛЬ - Совершенно правильно, я . Радин, это был по существу мой политический воспитанник. Он вырос со мной в гражданской войне. Прошел со мной ряд фронтов, я его прекрасно знал и мне это легко было сделать. К тому же Радин дал и оружие для этого покушения. Это второе покушение. А третье, о котором здесь сообщалось, мне неизвестно, так как я выехал на Шпицберген.

ВЫШИНСКИЙ - Расскажите подробнее, почему вы уехали на Шпицберген ?

ПИКЕЛЬ - Я скажу обязательно. Третье покушение было в том же составе и в общем восстановило летнее покушение.

ВЫШИНСКИЙ - Значит, при вашем личном участии было организовано два покушения, когда ?

ПИКЕЛЬ - Первое покушение было в период октября-ноября 1932г. и второе покушение в июне или начале июля 1934 года.

Я хочу подчеркнуть, что это для нас было совершенно твердо. Каждый из нас несет совершенно чудовищную ношу ответственности за те мерзости, которые нами сотворены, но каждому из нас была ясна роль Бакаева в нашей организации. Это был наш Гершуни, это был человек чрезвычайно большого (он сейчас производит такое странное впечатление) волевого упора, нажима, натиска. Он непрерывно беседовал с участниками организации индивидуальных террористических актов, поднимал их, устрашал, расправлялся, как это было с Борданом. В этом отношении для нас существовал об"единенный центр, который давал директивы нашему московскому центру, кроме того для нас существовал Бакаев, как фактический руководитель в полном смысле этого слова всей боевой работой.

Вопрос о Шпицбергене. Дело в том, что здесь Рейнгольд, показания которого я абсолютно и полностью подтверждаю, потому что с ним я был чрезвычайно тесно связан на протяжении всей террористической работы ^(фраза не закончена)... Это об"яснялось не только тем, что мы были террористически близки, но и тем, что мы были друзьями со школьной скамьи. Я должен сказать, что в вопросе (я говорю его формулировкой), в системе дублерства эти вопросы до некоторой степени не то что проводились на мне, а я был такого рода фигурой. По директиве непосредственно Зиновьева, когда по существу я возобновил подпольную контрреволюционную работу в зиновьевской организации, мне было через Рейнгольда сказано — с Зиновьевым ни в коем случае не встречаться, хотя на протяжении 1924-27 годов я был ближайшим техническим политическим помощником его не только по его работе в ЦК Коминтерна, но и во всей подпольной фракционной работе.

В начале 1927 года у меня был резкий разрыв с Зиновьевым. Года на полтора я искренне порвал с оппозицией. Затем я снова возобновил эту работу с прежней энергией и с прежней активностью. Этот момент возобновления этой работы и вовлечения в организацию через Рейнгольда был использован в части системы двуручничества.

В частности, Сокольников всегда разыгрывал из себя горячего сторонника ЦК, в частности, я должен был представлять собой человека, который ничего общего с Зиновьевым не имеет. Основная связь у меня шла по линии Рейнгольда, который был восстановлен в организации. Это было не трудно об"яснить - на почве семейственности очень много делалось мерзостей в нашей организации.

Так вот я из себя и представлял такого что-ли законспирированного члена подпольной террористической организации. Отчасти из этих соображений был включен в московский центр, чтобы до меня труднее было добраться и этим сохранить подольше приемственность нашей террористической работы, и кроме того, в расчете на вариант частичного или полного разгрома нашей организации для того, чтобы сохранить эту систему дублерства, мне было предложено, не помню в августе или сентябре 1934 года подыскать отдаленное место или в Советском Союзе или вне его для какой либо работы, чтобы этим замаскировать и совершенно скрыть свою террористическую работу. Я тогда занимался в основном литературной деятельностью, я критик-писатель, был членом Союза Советских писателей. Поэтому мне было очень легко через писательскую организацию получить так называемую, творческую командировку и эту творческую командировку на Шпицберген я использовал по директиве и указанию нашего союзного центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько время вы пробыли на Шпицбергене?

ПИКЕЛЬ. Почти год. Я вернулся во второй половине 1935 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему же ваша статья помещена в "Новом Мире" только в этом году?

ПИКЕЛЬ. Еще один интересный штриф. Я был тогда корреспондентом "Известий". Я с согласия и ведома Бухарина послал ряд радиogramм о жизни острова, о нашей хозяйственной работе на острове и т.д. Затем, когда я вернулся с острова я дал большой подвал в "Известия" о Шпицбергене, Бухарин его напечатал, но повидимому испугавшись, снял мою фамилию и совершенно неожиданно для меня этот подвал появился в печати под фамилией П.Иванов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Без вашего согласия?

ПИКЕЛЬ. Без моего.

ВЫШИНСКИЙ. Я вы никогда под псевдонимом П.Иванов не выступали?

ПИКЕЛЬ. Абсолютно никогда.

ВЫШИНСКИЙ. Вы пишете под псевдонимом Иванов Павел?

ПИКЕЛЬ. Да.

ВЫШИНСКИЙ. Вы сказали с ведома Бухарина. Я не совсем понял, что это означает.

ПИКЕЛЬ. Я говорю о том, что этот фельетон был опубликован под

этим псевдонимом с ведома редактора.

ВЫШНСКИЙ. Бухарин не желал, чтобы ваша фамилия фигурировала в его печатном органе?

ПИКЕЛЬ. Да, в это время усилилась бдительность в партийной организации. Это было после истории с Енукидзе, и хотя ему материал хотелось напечатать, но он был подан под другой фамилией.

ВЫШНСКИЙ. А вы откуда узнали о том, что он хотел напечатать? Или вы догадываетесь?

ПИКЕЛЬ. Почему то этот подвал шел через экономический отдел и один из сотрудников этого отдела рассказал мне, что это произошло, якобы, потому, что я дал свое согласие.

ВЫШНСКИЙ. А вы не давали?

ПИКЕЛЬ. Абсолютно, это было полное измышление.

ВЫШНСКИЙ. Вы на Шпицберген уехали как по командировке Зиновьева, по существу?

ПИКЕЛЬ. Да, оформленный через "Арктикуголь".

ВЫШНСКИЙ. У вас там тоже были связи?

ПИКЕЛЬ. Я использовал там личные связи, которые никакого отношения к подпольной работе не имели.

ВЫШНСКИЙ. Можно спросить Зиновьева? Обвиняемый Зиновьев подтверждает вы эти показания о Шпицбергене?

ЗИНОВЬЕВ. Не могу этого подтвердить.

ВЫШНСКИЙ. Не можете подтвердить или не припоминаете?

ЗИНОВЬЕВ. Не подтверждаю, отрицаю.

ВЫШНСКИЙ. Позвольте спросить Пикеля, почему отрицает это Зиновьев

ПИКЕЛЬ. Эта директива, как я уже сказал, была мне передана через Рейнгольда. У меня с Зиновьевым, начиная с 1927 года никаких личных связей не было.

ВЫШНСКИЙ. Непосредственно от Зиновьева не получали такого задания?

ПИКЕЛЬ. Я получил это от Рейнгольда, как директиву Зиновьева.

НТ/ЛК

ВЫШИНСКИЙ: Можно спросить РЕЙНГОЛЬДА.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, что Вы можете сказать по этому поводу.

РЕЙНГОЛЬД: Я подтверждаю, что в августе 1934 года ЗИНОВЬЕВ говорил мне о том, что он связался с новой организацией и что необходимо кой-каких людей из нашей организации сохранить, при чем сказал, что ПИКЕЛЯ надо держать подальше. ПИКЕЛЬ был у меня и я ему об этом рассказал.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ЗИНОВЬЕВ, Вы эти показания РЕЙНГОЛЬДА подтверждаете.

ЗИНОВЬЕВ: Нет.

ВЫШИНСКИЙ: Отрицаете.

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, Вы это утверждаете.

РЕЙНГОЛЬД: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Где это было.

РЕЙНГОЛЬД: Это было на квартире у ЗИНОВЬЕВА.

ВЫШИНСКИЙ: Позвольте задать вопрос ЗИНОВЬЕВУ.

УЛЬРИХ: Пожалуйста.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый ЗИНОВЬЕВ, ПИКЕЛЬ у Вас на квартире бывал.

ЗИНОВЬЕВ: Не помню.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый РЕЙНГОЛЬД, Вы это подтверждаете.

РЕЙНГОЛЬД: Да.

ВЫШИНСКИЙ: А где эта квартира ЗИНОВЬЕВА.

РЕЙНГОЛЬД: На Арбате угловой дом.

ВЫШИНСКИЙ: На Арбате был угловой дом.

РЕЙНГОЛЬД: Он и сейчас есть.

ВЫШИНСКИЙ: У меня вопросов больше нет.

УЛЬРИХ: Какие вопросы у обвиняемых.

ПИКЕЛЬ: Разрешите, я еще не кончил.

УЛЬРИХ: Можете продолжать.

184

- 98 -

ликеръ

И: На этом моя террористическая работа не прекратилась. ВЕРНУВШИСЬ со Шпицбергера, а перед отъездом мы вместе с РЕЙНГОЛЬДОМ обсудили различные варианты деятельности нашей организации, рассчитали, что к моменту моего возвращения в Москве не будет некоторых участников нашей организации, а поэтому мы говорили о том, что немислимо, чтобы кто либо из нашей организации, существовавшей в Москве, не сохранился. После возвращения моего со Шпицбергера мне удалось быстро увидеться с ДРЕЙЦЕРОМ и возобновить свою террористическую деятельность. С ДРЕЙЦЕРОМ у меня было несколько встреч, из которых мне стало ясно, что террористическая деятельность нашей организации продолжается, он сообщил мне о подготовке терактов против Кагановича, Ворошилова и друг. Он также сообщил мне о директиве, которую получили через свою сестру, рассказал мне о ее содержании, о заговоре который по существу подготовлялся в Красной Армии, где сколачивались определенные ячейки и рассказал о задачах этих ячеек, в частности, он рассказал мне о том, что та директива, которая им была получена в 1934 году от Троцкого, в зашифрованном виде, была подтверждена летом того же года, Мрачковским. Из всего этого я увидел, что работа нашего центра продо

WS
185
207

мы сговорились с Фрейндером, что мне нужно будет приступить к ра-
боте и он мне предложил для начала подготовить несколько лиц,
которых передать ему в распоряжение, потому что у него нехва-
тало исполнителей для подготовки террористических актов на те
два покушения, которые ему предстояли по директиве Троцкого.
Я этой работой занялся. Мне был назначен адрес и Кривошеина, у
меня был с ним ряд бесед, встреч, но эту работу я не довел до
конца, потому что был арестован.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обращаясь к т. Вилинскому - у вас есть допол-
нительные вопросы:

ВИЛИНСКИЙ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У присутствующих нет дополнительных вопросов.

Объявляю перерыв до 11 часов утра.